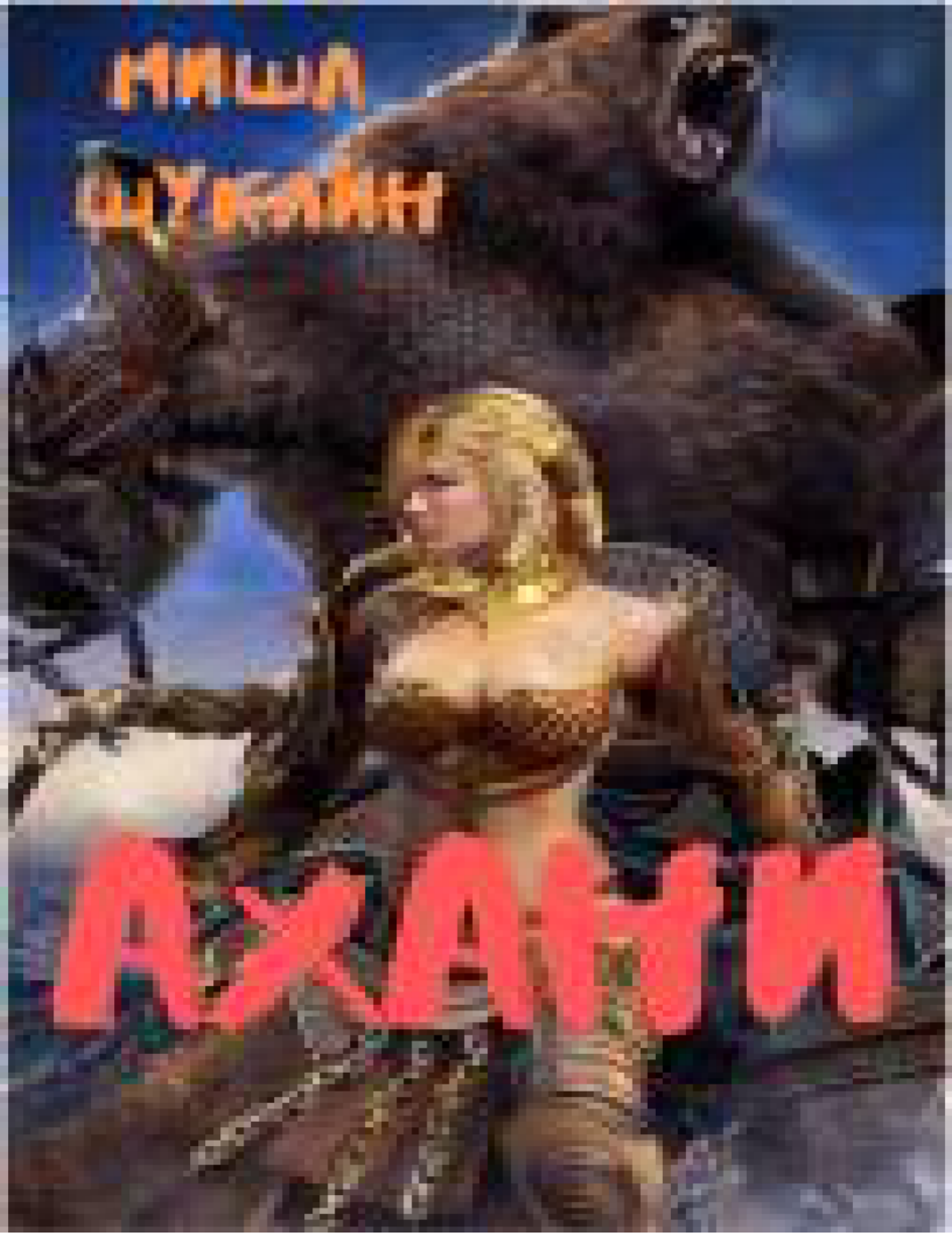
МАША
ШУКШИН
АЖАН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ахани живет в опасном мире, где боги ходят по земле, управляют природой и, если разозлятся, насылают на человека всевозможные проклятия. Но он еще слишком юн, чтобы об этом всерьез задумываться. Сейчас для него важнее семья и спокойная умиротворенная деревенская жизнь. В ту ночь, когда на небе главенствовал бог луны, бледный Сома, Ахани охранял стадо коров. Он уже почти взрослый и может брать на себя такую ответственность. Но парень не догадывался, что эта ночь изменит его жизнь навсегда. Сначала - неожиданная встреча с незнакомкой по имени Анхра, затем - странные видения, а после... неужели смерть? Нет, он должен выкарабкаться! Ахани предстоит пройти сложный путь ради себя и всех, кто ему дорог. Ему придется противостоять древнему демону и целой темной армии. Но хватит ли у него сил и мужества? Что вообще может противопоставить обычный юнец столь могущественным силам?

- Пролог.

Пролог.

Странная лучистая звезда пересекла ночной небосвод и врезалась в склон ближайшего утеса. Золотисто-алое сияние на мгновение осветило все вокруг. Видно было как от сильного удара в воздух взметнулись десятки крупных заостренных глыб. Поднялась каменная пыль и скала, в ночном полумраке казавшаяся черной незыблемой громадой, изменила свою форму. На ее боку образовалась большая воронка.

Куски каменного монолита посыпались по склону, подпрыгивая, ударяясь друг о друга и раскалываясь на мелкие осколки. А затем долетел и низкий гул от удара. Земля вокруг задрожала.

Мальчик Хади, с удивлением наблюдавший за падением, вцепился в заостренные бревна, чтобы удержать равновесие. Еще мгновение назад его внимание привлекла эта необычная звезда, что падала с небес на землю. Хади видел и раньше падающие звезды, но такую крупную и так близко от себя впервые.

Мальчику показалось, что звезда живая. Ее центр пульсировал ярким серебряным светом и из него торчали с десяток заостренных лучей с сияющими гранями. Падая, она оставляла за собой бледный желто-фиолетовый след, что быстро померк, сразу же после удара о скалу.

Хади охнул и покачал головой. Будет что завтра рассказать друзьям. Вот они удивятся! И даже позавидуют ему наверняка. Мальчик заулыбался, представляя как поутру все разинут рты от его рассказа.

Ночное охранение подходило к концу и утро было уже совсем близко. А там новый день. И новые труды и заботы, и забавы, которых не так уж и много в его родной деревне в долине Закатных скал. Но пока что все родичи Хади спали, кроме него и еще двоих мальчишек, что охраняли покой деревни далеко с других ее сторон.

Ночная тишина и перемигивающиеся в черном небе сотни звезд завораживали. Мальчик оперся о деревянную жердь, что служила ограждением на защитной деревянной стене деревни, на которой он стоял и, запрокинув голову, пытался найти среди них свою любимую Ушас. Потому он немного удивился когда воздух рядом с ним наполнился шипением десятков летящих как будто с неба жарких огней.

Одна из горящих стрел пролетела совсем близко от головы Хади. Она пронеслась с гудением огромной дикой пчелы и обдала лицо мальчика волной обжигающего жара. Длинные его волосы

зашипели и нос учуял запах паленого.

Падая, стрелы вонзались в землю и в крыши больших круглых юрт, в которых спали его родичи. Хади закричал со всех сил. Многие его родные выскакивали спросонья и пытались тушить огонь, который с треском пожирал их уютные жилища. Стало светло как днем и воздух кругом заволокло сизым дымом.

- Огонь! Туши! - взволнованные крики понеслись над деревней. Но пожар быстро набирал силу и пожирал все на своем пути.

Со стороны входных ворот раздались гулкие и мощные звуки ударов. Снаружи кто-то выламывал их, с остервенением раз за разом нанося сильный урон. Крепкие бревна покрывались трещинами и плевались щепками. Вскоре они не выдержали и со стуком рассыпались по земле. В открытый проем со свистом и криками врывались в деревню свирепые воины вооруженные кривыми, тускло блестящими ятаганами.

Родичи Хади, полураздетые, сжимая в руках кто копья, а кто и мечи, бежали навстречу врагам и вступали в бешеную рубку. Ночную тишину сменили скрежет, звон стали и злобные выкрики.

Хади с высоты стены видел как его друг Мартан за руку вытащил из своей пылающей юрты сестренку Анхру и потащил ее прочь от яростно дерущихся воинов. Огонь же тем временем взвился до небес. Воздух заполнился многоголосым криком женщин, что пытались потушить бушующее пламя и боевыми криками мужчин.

Хади мигом скатился по лестнице и, набрав полную грудь воздуха, с криком побежал к воротам, возле которых яростно дрались его отец и братья. На ходу он достал кинжал, чтобы помочь родным и прикрывать им спины.

Тем временем, Мартан, одногодок Хади, крепко сжимая маленькую ладошку сестренки, продолжал тащить ее, упирающуюся и заспанную, за околицу.

- Пусти, Мартан! Где мама? - хныкала девочка и испуганно озиралась, по щекам ее текли крупные слезы. Черные волосы, растрепанные после сна, отливали заревом пожарища.

- Бежим, Анхра, бежим! Мама сейчас придет! - быстро повторял мальчик, не останавливаясь. Они оказались у охранной стены, где у местных мальчишек был припрятан потайной лаз и Мартан силой затолкал туда сестру, а затем нырнул в темную нору сам.

С наружной стороны было темно и прохладно. Дети, измазанные копотью и землей, испуганно озирались и ждали когда их глаза после яркого огня привыкнут к предрасветному сумраку. Из-за стены доносился жуткий гул и треск пожираемого

пожаром дерева, звон сталкивающихся клинков, злые крики и плач женщин, но людских голосов становилось все меньше.

- Бача! Дохтарак! - зло крикнул высокий смуглолицый воин, взобравшийся на охранную стену и увидев внизу детей. В правой руке он сжимал ятаган, лезвие которого было покрыто темной жидкостью.

- Бежим, Анхра! - Мартан снова потащил сестренку за руку в сторону невысокой скалы, что была совсем рядом. Девочка, не сопротивляясь и размазывая слезы по грязным щекам, засеменила за ним. Длинные ее черные волосы раздували порывы прохладного ветра.

Брат с сестрой бежали по пологому склону холма, покрытому высохшей травой, часто огибая стоящие повсюду валуны и глыбы. За спинами они слышали топот конских копыт. Оглянувшись, Мартан увидел двух всадников, скачущих за ними. В груди его похолодело, но он еще крепче сжал ладошку сестры и побежал что есть силы к темнеющей громаде утеса, надеясь спрятаться там.

Край неба по правую руку от детей окрасился красными рассветными лучами, осветив светло-бежевые насыпи крупных глыб, которых становилось все больше возле самой высокой в округе скалы. Внезапно увидав под одним из валунов маленькую расщелину, мальчик мгновенно принял решение и свернул к ней.

Мартан затолкал хнычущую сестренку в черный сумрак и сам нырнул следом. Там он зажал ее рот ладонью и шикнул на девочку. Конский топот приближался и казался небесным громом, но сердце Мартана колотило еще громче и мальчик пытался дышать размереннее, чтобы успокоить его.

Два коня резко сбавили скорость бега и два чужих воина соскочили с их спин, покрытых шкурами волков.

- Бача! - заунывно прокричал один из воинов, кого родичи Мартана называли анариями. - Хароб!

Мартан старался не дышать. Злые смуглые воины были совсем недалеко и дети хорошо их видели. Одеты они были в грязные льняные штаны, мягкие короткие сапоги и кожаные куртки с нашитыми на них стальными пластинами. У обоих были кривые ятаганы.

Анарии медленно приближались к скале, под которой спрятались дети, на ходу озираясь по сторонам.

- Бача! - снова и снова звал один из воинов, подходя все ближе.

Мартан видел огромные черные глаза сестренки с изумлением поглядывающие то на брата, то на незнакомых воинов и продолжал крепко прижимать правую ладонь к ее губам.

Левой рукой он обнял девочку и притянул ее к себе.

Внезапно обзор перед взглядами детей с грохотом закрыли две огромные мохнатые лапы. Неведомый зверь, покрытый черной шерстью, соскочил с валуна и опустился на землю, взметнув тучи пыли, прямо перед анариями. Те застыли от неожиданности.

Зверь взревел и оказался огромным косматым медведем. Рык его прокатился эхом по окружающим скалам. Он свободно стоял на задних лапах, а живот его, грудь и плечи были покрыты черными стальными латами. Ростом медведь был с лошадей, на которых прискакали анарии, но скакуны, увидев страшного зверя, испуганно заржали и галопом пустились в бегство.

Медведь шумно выдохнул из груди воздух, который вырвался из его ноздрей клубами пара и в следующее мгновение взмахнул длинными лапами, на концах которых блестели черные изогнутые когти. Анарии дико закричали от боли, когда эти когти вонзились им в животы и медведь рыча приподнял их в воздух.

Мощный зверь с силой выбросил лапы вперед, кричащие воины отлетели на добрый десяток шагов и со скрежетом врезались в большой валун. Тела врагов сползли по нему и затихли на земле. Тогда зверь обернулся к скале, под которой прятались дети и шагнул ближе к ним.

Маленькие черные глаза медведя смотрели как раз в ту расщелину, где притаились брат с сестрой, ноздри зверя с шумом втягивали воздух, принюхиваясь. Затем он фыркнул, наклонился совсем близко к расщелине и запустил туда правую лапу. Зацепив когтем за край рубашки, медведь легко вытащил Анхру наружу, как будто поймал рыбу на крючок.

Мартан в ужасе закрыл уши ладонями, ожидая страшный крик, но было тихо. Оцепенев от страха, мальчик округлившимися глазами наблюдал за страшным зверем. Но тот лишь осторожно принюхивался к девочке, держа ее на высоте своего роста прямо перед жуткой, поросшей черной шерстью мордой. Из его пасти торчали острые белые клыки, с которых редко капала слюна.

Анхра не боялась медведя. Она с интересом протянула руку и погладила зверя маленькой ладошкой по удлиненному мохнатому носу. Казалось зверь чуть улыбнулся тонкими черными губами и привлек девочку к себе, обняв ее огромной левой лапой.

Так они замерли в предрассветной тишине, освещаемые первыми розовыми лучами солнца. Фигура медведя стала подрагивать. Длинная шерсть и тусклые латы медленно теряли очертания и растворялись в воздухе, превращаясь в черный дымок. Струйки этого дыма втягивались в ноздри Анхры, а сама

девочка медленно опустилась на землю.

Вскоре жуткий медведь исчез, растаял в воздухе и осмелевший Мартан выбрался из своего укрытия.

Интерлюдия.

Гроза приближалась. Темно-синее беззвездное небо над городом постепенно заволакивало черными тучами. Изредка над крышами девятиэтажек полыхали молнии и пару раз донеслись раскаты гулкого грома.

Черный "панамера" бесшумно замер у подъезда. От его блестящей поверхности поднимался пар. Блики вечерних фонарей отражались от хромированных дисков. Стекла были тонированы и поэтому Леша не мог видеть кто в машине. Впрочем, его это и не особо интересовало.

Все мысли парня были заняты другим. На экране "айфона" он разглядывал смеющееся лицо одноклассницы, которая уже три часа не была онлайн. Два его сообщения висели непрочитанными, также как и в директе инстаграма. Последний пост был как раз три часа назад - Юлька сфотала свои стройные бедра в салоне какого-то авто и это была не ее отцовская "тойота".

У них с Юлей были прекрасные отношения, но иногда, раз в месяц или два, в нее как будто вселялся бес и она могла пропасть. После чего следовало выяснение отношений и ссора как минимум на неделю. После Юля становилась доброй и милой, снова радовала родителей и учителей примерным поведением и хорошими оценками.

Леша спрятал телефон в карман - от него уже не было никакого толку. Все одноклассники давно спали и даже пообщаться было не с кем. Матери он наврал, что ушел ночевать к Витьке, пообещал хорошо себя вести и конечно с утра идти в школу - начиналась новая четверть.

Сам же Витек отправил ему сумасшедший смайл в ответ на фото букета белых роз, который Леша купил в подземке. "Ты чо, больной?" - таков был ответ друга. "Она где-то гуляет, а ты ей цветы тащишь, как каблук!". "Последний раз это" - ответил Леша в телеграме. "Попробую сказать чтоб не гуляла, если нет, то гудбай!". "Ага, знаю я ваши гудбаи!" - Витек отправил угарающий смайл и пропал.

Леша натянул капюшон поглубже на голову. Хотя стоял он под козырьком, но теплый ветер все равно задувал туда капли осеннего дождя и заставлял ежиться. В большом квадратном дворе новостройки постепенно гасли окна. Время уже давно

перевалило за полночь. Листья роз, которые парень сжимал в кулаке за спиной, были мокрыми, и когда он доставал цветы чтобы встряхнуть руку, то невольно засматривался на крупные блестящие капли, что скользили по изящным белым бутонам и темно-зеленым листьям. Капли осыпались градом на каменную плитку тротуара и свет фонарей искрился на брызгах.

Он сам не понимал, зачем делает это. Зачем стоит, ждет. Видимо вера в то, что все у них с Юлей будет хорошо, что она перестанет пропадать, заставляла хвататься за ниточку, что еще связывала их. Еще держали хорошие воспоминания. Годы, проведенные вместе. В которых было много радости и любви. Совместных поездок на всякие дачи, дни рождения.

Время шло и видимо иссякло совсем. Постепенно она стала отдаляться. Уже не была такой счастливой рядом с ним, и встречи становились все реже.

Леша нащупал пачку в кармане. Весь вечер почему-то не тянуло курить, а сейчас очень захотелось. Достав одну сигарету, он какое-то время щелкал зажигалкой - ветер своими порывами постоянно гасил огонь, не позволяя прикурить. Наконец он вдохнул горький дым парламента, глаза заслезились. В горле встал ком. "Панамера" все не уезжал. Его двигатель работал еле слышно. Из выхлопной трубы валил дымок. Дрожь заставляла капли дождя скатываться по блестящей черной поверхности, оставляя мокрые следы. Из салона доносилось басовое гудение саба.

Наконец дверь открылась и оттуда вышла Юлька. Она была в коротком черном платье и на высоких каблуках, которые еще больше удлиняли ее стройные обнаженные ноги. Как всегда, у Леши перехватило дыхание, когда он видел ее такой разодетой.

Юля приложила ладони к лицу козырьком, защищая накрашенные ресницы, и побежала к подъезду, цокая каблуками. Леша тут же выбросил сигарету в мокрую траву и протянул букет подруге.

Леш, ты что еще не спишь? - вместо приветствия спросила девушка, когда оказалась под козырьком. От бега она слегка запыхалась и ее грудь вздымалась. От нее несло алкоголем и видно было, что у нее веселое настроение . Красивое лицо чуть покраснело и глаза искрились счастьем, так же как и капли дождя на длинных русых волосах.

Я хотел поговорить, - ответил юноша и протянул букет. - Это тебе, кстати.

Спасибо, Леша! - весело ответила девушка, принимая цветы. - Но не стоило, конечно, еще и ждешь так поздно.

Она с наслаждением вдохнула аромат роз, улыбаясь своей

особенной улыбкой. Леша залюбовался ею и уже начал забывать зачем пришел. Очнулся он спустя минуту.

Где ты была?

Гуляла с подругами.

Твои подруги гоняют на панамере?

Юля нахмурилась и ее веселое настроение немного омрачилось.

Слушай, я могу иногда гулять и развлекаться, что в этом такого?

Ничего, - Леша зло мотнул головой. - Но меня то хотя бы могла предупреждать?

Ты мне не папочка! - Юлька рассмеялась, снова дохнув алкоголем. Леша поморщился.

Если еще раз такое повторится!..

То что? - прервала его девушка.

То мы перестанем общаться!

Пфф! - девушка снова рассмеялась. - Ты что думаешь, я одна останусь?

Леша на короткое время опешил от такого заявления.

Ну и что, значит все наши годы были ни к чему?

У нас было много хорошего, - мягко улыбнулась Юля. - Но всему приходит конец.

Леша ошарашено замолчал. Мысли покинули его разум. Казалось, этим предложением о расставании он хотел наказать Юльку, но в итоге, она получается сама к нему стремилась. И теперь, когда это происходило в реальности , он не верил что это все. Что все вот так закончится. Происходящее напоминало плохой сон. Идя сюда, он твердо был уверен в себе и в том, что без сомнений бросит Юльку, если она не исправится. Но теперь, когда это произошло, его разум помутился и казалось даже, асфальт под ногами качнулся. Свет как будто померк и слабые фонари уже не в силах были разогнать осеннюю тьму.

Юла! Ю олрайт?

Из панамеры выглянул негр. Леша удивленно уставился на него.

Окей, Крис! - крикнула в ответ девушка.

Ты кто такой? - неожиданно Леша услышал свой голос. Юлька со злостью посмотрела на парня.

Прекрати, это просто друг!

Это твоя подружка? - зло процедил Леша.

Негр вышел из машины и зашагал к паре, замершей под козырьком подъезда, не обращая внимания на дождь, который быстро замочил его легкую рубашку, расстегнутую на широкой груди. Леша не стал дожидаться его и спустился вниз по трем

ступеням.

Она моя девушка, слышишь! - парень сам не ожидал от себя такой злости. Всегда спокойный и веселый, он впервые столкнулся с этим жгучим чувством ревности и теперь действовал на автомате, потеряв контроль над разумом.

Негр не стал разговаривать. Видимо, не в его правилах было выяснять отношения и с кем-то спорить. Быстро подойдя к белому парню, он размахнулся и ударил его. Удар пришелся в скулу. Леша потерял равновесие и, как то неловко пошатнувшись, завалился на тротуар. Падая, он выставил правый локоть, но тот скользнул по мокрой бетонной скамейке и парень упал еще ниже, по ходу ударившись головой об угол. На мокром бетоне он замер.

Обидчик стоял над ним, ожидая что произойдет дальше, и сможет ли этот щуплый парнишка подняться. Дождь лил не переставая. Ночную тишину прорезал крик Юли.

***

В больничной палате было тихо. Только еле слышно шипел аппарат искусственной вентиляции легких. Черный складчатый рукав мерно поднимался и складывался обратно. Лампы были приглушены. Глаза Леши были закрыты. Во рту вставлена трубка. Светлые, до плеч, волосы лежали на белоснежной подушке. Красивое худое лицо еще больше осунулось. На щеке синел кровоподтек. На лбу - маленькая марлевая повязка. Под глазами залегли тени. Пухлые губы высохли и покрылись трещинками.

Юля сжимала его ладонь своими и положила голову на них. Она уже не помнила сколько сидела здесь. Вдыхала запах его пальцев, в котором смешались родной и знакомый аромат его кожи и резкий чужой больничных лекарств. Время текло медленно и она задремала, прямо так, сидя на стуле рядом с койкой, полулежа, щекой прижавшись к его ладони.

Долго она там будет сидеть? - шепнула одна молодая медсестра другой.

Да кто ее знает? Вечно у этих малолеток все наперекосяк! - они стояли за дверью палаты в коридоре и изредка заглядывали сквозь щелку.

Парень то ничего, прикольный! - усмехнулась медсестра. - А что, хоть и в коме, можно и с таким жить!

Ну да, пособие будут платить и ладно! Главное - не бухает! - засмеялась вторая.

Надо закрывать отделение на ночь, пора уже выгонять девку.

Девушка! - негромко позвала сестра, просунув голову в

палату. - Отделение закрывается, идите домой!

Юля подняла голову. Взгляд ее был мутен. Лицо опухло и было не накрашено, но даже в таком виде она была прелестна. Ладонью пригладила растрепанные волосы.

А можно мне остаться?

Нет, никак! Запрещено! Приходите завтра!

Я приду завтра! - шепнула девушка. - Только живи!

Парень падал в бездну. Само падение началось от острого удара по голове. Боль пронзила висок резко, как молния. Перед глазами все завертелось. Опрокинутое черное небо, редкие сияющие окна, плафоны тусклых фонарей вперемешку с водяными гроздьями, замедлившими свой танец в атмосфере. Леша видел в них отражения своих глаз. Большое черное лицо уплыло куда-то вбок, ринулись карие тротуарные плитки, покрытые слоем холодной воды. И он нырнул в нее.

Яркий серебряный свет мириадов звезд слился в сияющее пространство. Зарябило в глазах от бликов, всполохов и мельтешения неясных черных теней. Вместе с выдохом все резко закончилось. Время замерло в кромешной тьме.

Леша почувствовал невесомость и холодный ветер. Он открыл глаза.

Глава 1.

Когда золотая колесница прекрасного Сурьи скрылась за горами, на землю опустилась тьма.

Весь день этот красивый юноша радовал все живое вокруг, дарил свет и тепло каждой чахлой травинке и кусту, грел песочные камни и играл со звенящими волнами скромной реки. Люди любят Сурью, ведь он дарует силы посевам расти, а те, в свою очередь, дают силы быстроногим коням. Каждый новый день начинается с появления Сурьи на небосклоне. Он отгоняет тьму и холод и люди благодарят его утренним поклоном.

Но пришел черед Сурьи уходить и ворвался тут же в воздушное пространство с севера быстроногий Ваю - бог ветра. И стало холодно. Ваю разогнал облака и открыл Соме все, что делалось на земле.

Бог луны, бледный Сома, главенствует на небе ночью в окружении своих двадцати семи жен - созвездий. Еще недавно Сома, проклятый своим отцом, был больным и худым и совсем слабо освещал космическую тьму, но потом снова стал круглым и, не жалея сил, освещал бескрайнюю холмистую местность,

усыпанную мелкими кустами и камнями до самого горизонта.

Рядом с одним из этих больших, еще теплых от света Сурьи, камней, сидел на земле юноша. Можно было бы принять его за огромного волка, свернувшегося клубком на ночлег, если бы только не вихрастая голова мальчика с длинными светло-русыми волосами.

Юноша Ахани зябко поежился, еще плотнее укутавшись в волчью накидку и погрузив нос в ее теплую шерсть. Небольшое стадо коров, которое он охранял, давно уже мирно спало. Над головой Ахани раскинулся необъятный купол черного неба, усыпанный несчетным количеством холодных звезд.

Он знал из сказок, что его далекие предки пришли из страны льдов, где не бывает теплого лета, но сам почему то не любил холод. В такие ночи хорошо было греться воспоминаниями.

Он хорошо запомнил обряд дарения имени.

Отец Ахани, высокий, бородатый и очень сильный мужчина, ободряюще кивнул сыну, когда старейшина Вьяса назвал имя юноши - Ахани. Он сказал, что мальчик уже вырос и ему можно помогать старшим.

- Так мне поведал огненный Агни, - сказал тогда Вьяса.

Сразу после обряда мать Вьюна приготовила сыну еду, уложила в сумку и обняла его на прощанье. Ахани всегда смущался этого - ведь он был уже на целую голову выше ее, и считал себя взрослым мужем, а не малышом, с которым ласкаются мамушки и тетушки.

Два старших брата шутя посоветовали Ахани одеть двое штанов, чтобы ничего не отморозить себе, но по их тону Ахани понял, что Брани и Стори тоже рады за него.

А младшая сестренка Савитри долго дергала его за рукав перед уходом.

- Возьми меня с собой! Возьми меня с собой! - часто повторяла она, с мольбой глядя в глаза снизу-вверх, подпрыгивая от нетерпения, тряся густой копной светло-русых волос, таких же как у Ахани, только гораздо длиннее, до пояса.

- Успокойся, Савитри! - мать Вьюна строго сдвинула брови и мягко оттащила девочку от сына. - Мне поможешь!

Так и ушел Ахани из деревни на свое первое охранение, под благославляющими взглядами всей своей семьи, взяв с собой любимый тисовый лук и длинный кинжал, притороченный в кожаных ножнах слева на поясе.

Но уже на самой околице, там, где начинались возделанные поля, его окликнул мелодичный голос.

- Куда это ты собрался, Ахани? - задорно спросила его

подружка Рохини.

Она стояла гордо уперев свой кулачок в бок и вздернув курносый с мелкими веснушками нос, так как будто это ее совсем не интересовало, а спросила она просто от нечего делать. Уходящий за горы солнце Сурья бросал свои последние взгляды на чудесные светлые волосы девушки, что спускались гораздо ниже пояса и ее стройную фигуру, обернутую в светлое платье до щиколоток и подпоясанную красной веревочкой. Талия ее была настолько тонка, что Ахани казалось, что он мог бы при желании обхватить ее ладонями.

Ахани и Рохини были одногодками и с малых лет играли рядом и дружили, и потому юноша с улыбкой ответил.

- Это не женское дело, Рохини.

- Я и сама все знаю, можешь мне не говорить, - девушка подошла ближе и серьезно посмотрела в глаза юноше. - Ты же не уснешь сегодня?

- Ну что ты такое говоришь, Хини? - насупился юноша. - Я же не мальчик.

Рохини неожиданно взяла его за мизинец и опять пытливо заглянула в глаза Ахани, но на этот раз с сожалением.

- Прости меня, пусть боги будут добры к тебе, - чуть слышно сказала она и тут же отпустила палец Ахани, резко развернулась так, что ее густые волосы взметнулись, обдав остолбеневшего юношу волной лесного аромата и скрылась в подступавшем полумраке между рыжими боками юрт.

Ахани с недоумением посмотрел на мизинец своей правой руки, который еще мгновение назад сжимала Хини. Это было странное ощущение, до этого незнакомое ему. Они давно дружили с девушкой и бывало что толкались в шутку, но именно это ее прикосновение было другим.

От прохлады ее пальцев мелкая дрожь пробежала по всему его телу, в груди стало тепло, а земля чуть поплыла под ногами. Тряхнув головой, прогоняя странные и новые для себя ощущения, Ахани повернулся спиной к родной деревне и уверенно пошел по пыльной дороге между возделанными и уже давшими ростки полями.

Он пришел на поле вовремя, но мальчишки, которых он должен был сменить, с нетерпением закричали, едва увидев его:

- Почему ты так долго? Мы уже устали ждать!

- Если ждать - всегда получается долго, - с улыбкой ответил Ахани, понимая, что те сильно устали и наверняка голодные. - Бегите уже домой.

Мальчики припустили по дороге домой так, что пятки засверкали. Лишь только отбежав немного, один из них, Дикши,

крикнул Ахани тонким голоском:

- Вон та корова! - он указывал рукой на животное, что уже улеглось на ночлег раньше всех. - Она заболела! Принеси ей воды!

Ахани поднял правую ладонь, делая знак что понял, и кивнул. Подойдя к больной корове, юноша погладил ладонью между ее рогов, та подняла на него огромные влажные глаза и коротко жалобно промычала. Затем юноша подобрал с высушенной травы деревянную бадью и зашагал с ней к мерцающей в лунном свете реке.

Вода была очень холодной. Река брала свое начало где-то в высоких горах что закрывали собой весь небосклон недалеко от деревни Ахани, всего день пути на коне. Ахани побывал там однажды с отцом, когда они искали сбежавшего из их табуна жеребца. Тогда скакуна они вернули, но пока искали, мальчик вдоволь насмотрелся на величавые серые громады гор с белыми снежными шапками.

- Где-то там твой старший брат Ману, - тогда с горечью сказал его отец. - Он ушел со своими друзьями, чтобы добыть славы и богатства.

- А что там за горой? - с интересом спросил тогда Ахани.

- Там густые леса, что наполнены злыми животными и огромными змеями, - ответил отец. - А еще там есть слоны - это самые большие из животных. И живут там злые черные дасы, это их страна.

Тогда Ахани с тревогой посмотрел на гору, но потом встрепенулся и спросил.

- А он вернется? Мой брат.

- Об этом только Варуну истинному ведомо, - промолвил, сдвинув брови, отец, - А нам не дано этого знать, если только Варуна не смилостивится над нами и даст ответ свой через огненного Агни.

Ахани никогда не видел своего старшего брата, он ушел из рода еще когда мальчик был совсем маленьким, но слышал мельком разговоры старших мужчин, что тот был самым сильным из молодых воинов.

Набрав полную бадью холодной, журчащей по камням водой, Ахани притащил ее больной корове, но она уже спала, тяжело и жарко дыша. Взобравшись на маленький пригорок, юноша сел на чахлую траву, прижался спиной к огромному теплому валуну и стал наблюдать за стадом и низкими холмами, залитыми лунным светом. Для уверенности он положил рядом с собой на землю свой любимый лук и колчан со стрелами.

Дул прохладный ветер. Несильные, но настойчивые его

порывы трепали русые пряди волос Ахани, перекатывались по волнам редкой и низкой травы, что росла на склонах холмов, которые впору даже просто называть пригорками, извивались, шурша песком, между разбросанных то тут, то там огромных бурых валунов, вспенивали волны мелкой речки и уносились в сторону гор.

Долго сидя без движения, даже в волчьей накидке, Ахани начинал замерзать и когда его зубы уже выбивали дробь от холода, то он резко вставал, и начинал быстро бегать вокруг своего валуна. Так быстро, как только мог, и при этом еще меняя направления - сначала в одну сторону три круга, потом резкий поворот на носках, взметая мягкими сапогами пригоршни щебенки, затем в противоположную сторону три круга, и так до тех пор, пока ему не становилось тепло.

Когда ночь перевалила за половину, Ахани заметил на горизонте, на вершине пологого холма, какое-то движение. Он растянулся всем своим высоким худощавым телом на земле и настороженно уставился туда. Мальчик надеялся, что ему померещилось или это просто тень от одинокого валуна так легла на землю, но в следующее мгновение он разглядел силуэт.

Юноша, затаив дыхание, подполз к своему колчану, с легким деревянным шорохом стрела попрощалась со своими подругами и коротко поздоровалась с изогнутым луком. Стрелять конечно же было еще далеко, да и бессмысленно, и глупо, ведь неизвестно еще кто там, вдруг это добрый путник или заблудившийся олень.

- Какие еще добрые путники в это время, - тут же одернул себя Ахани.

Страха не было, потому что юноша уже давно вышел из мальчишеского возраста, да и на охоте с отцом бывал много раз. Вот уже скоро и бороду можно будет отращивать. Подумав так, юноша потер покрытый легким пушком подбородок. Лук в его руках, множество раз бивший матерых волков, придавал ему уверенности и спокойствия.

Тем временем, тень приблизилась и Ахани разглядел, что это одинокий всадник на темном скакуне. Ехал он неспешно и покачивался на спине коня в полудреме.

В это же время где-то вдалеке послышался волчий вой. Он был мощный и протяжный этот голос наверняка сильного и опытного животного, что призывал своих товарищей объединиться для охоты. И хорошо, что этот вой был еще очень далеко, иначе Ахани уже не знал бы что делать с двумя напастями одновременно.

Когда всадник подъехал уже достаточно близко, Ахани

встал в полный рост и натянул тетиву своего любимого лука.

- Стой! Кто ты? - громко вопросил он и черный скакун, что нес своего уставшего седока испуганно всхрапнул.

Всадник, до этого дремавший прямо в седле, свесив голову на грудь, резко очнулся ото сна и замотал головой из стороны в сторону, озадаченно озираясь. Из-под полы его отороченного лисьим мехом плаща выглядывала и поблескивала в лунном свете рукоять длинного тонкого меча. Он откинул капюшон с головы и взгляду Ахани предстала черноволосая девушка.

Лицо ее было прекрасно и бледно наподобие луны, глаза же были большие и черные, а губы пухлые и алые, как кровь, четко очерченные. Девушка пару мгновений вглядывалась в лицо юноши, что так некстати прервал ее сон, и от этого взгляда по спине Ахани пробежал неприятный холодок. Зачем губы ее растянулись в очаровательную улыбку.

- Приветствую, воин! - мелодично произнесла она. - Мне знаком твой голос, уж не Ахани ли ты, сын Дакши?

От удивления она даже привстала на темной звериной шкуре, покрывающей спину ее коня. И Ахани опешил также и опустил свой лук.

- Так и есть, благородная, - взволнованно ответил он. - Но откуда вы знаете меня и моего отца?

- Это долгая история, - сказала тогда черноволосая всадница. - Меня зовут Анхра. Позволь мне спешиться, и мы посидим, а я все тебе расскажу.

С этими словами девушка грациозно соскочила с коня на землю и не успел Ахани опомниться, как она уже поднималась к нему на вершину холма, прихватив с собой дорожный мешок. Добравшись до верха, девушка развязала тесемки сумы и достала из нее пару кусков вяленого мяса, большой пучок сочной зелени и маленький бурдюк.

- Подкрепимся, раз уж боги свели нас этой ночью, - с этими словами и приятной открытой улыбкой она разложила еду на сумке, опустила ее на землю возле валуна, там же где совсем недавно в охранении сидел Ахани и жестом пригласила юношу присоединиться.

Только теперь Ахани разглядел, что девушка была несколько старше его, но вот насколько, он так и не мог определить - она выглядела очень молодо, но ее меч, уверенность в себе и манера общения говорили о некотором жизненном опыте.

- Да что ты застыл? - громко рассмеялась она. - Положи ты свой лук - он тебе не пригодится! Садись и угощайся! А еще лучше отведай мой травяной настой!

С этими словами Анхра отпила глоток из своего бурдюка, блаженно зажмурилась и через пару мгновений протянула емкость Ахани. Тогда юноша расслабился, встряхнул изумленное оцепенение и последовал совету милой гостьи.

Он аккуратно опустился на траву рядом с разложенной сумкой, принял из рук девушки кожаный бурдюк и осторожно принюхался к нему. Запах был приятным и дурманящим. Затем он сделал аккуратный глоток.

Настой оказался согревающим, терпким и очень вкусным. Благостное тепло разлилось по языку, а затем и по горлу и животу юноши. И ему стало настолько тепло под волчьей накидкой, что захотелось расстегнуть ее.

- Я вижу тебе понравилось? - радостно вопросила Анхра. - Вот теперь можешь и покушать!

Ахани никогда еще в жизни не пробовал подобных настоев и ему стало даже как-то неловко оттого, что голова его немного закружилась. Только после этого он вспомнил про домашние лепешки, что положила ему мать перед выходом. Тогда он достал их из своей сумки и положил на девичью.

- Угощайся и ты, добрая гостья! - несмело сказал Ахани.

- Моя имя Анхра, - еще раз повторила, улыбнувшись девушка, отщипнула кусочек мяса и принялась тщательно его жевать. - Два лета назад мы приезжали в вашу деревню с моим братом Мартаном. Но за два лета много всего произошло, и я сильно изменилась за эти лета. Да и в тот приезд я носа не казала из братиной повозки, так что ты наверное меня и не видел.

Ахани действительно вспомнил, как приезжали к ним в деревню отряд всадников во главе с бледным и высоким мужчиной. Ему тогда было очень интересно то красивое оружие, которым были обвешаны все эти гости. И необычная сбруя их злобных коней, искрящаяся на солнце множеством красивых камней, которыми она была украшена.

Гости долго разговаривали в юрте старейшины Вьясы, был там и отец Ахани, и все старшие мужчины. А когда разговор закончился, гости уехали без улыбок и без прощаний, да и сами мужчины рода были серьезны. Ахани мельком слышал обрывки разговоров своего отца с другими, слышал слова "Арии, единство, сила, царь", но так и не смог разобраться толком о чем шла речь.

Прошло время и толки о странных гостях умолкли. Деревня занялась обычной своей жизнью - возделывали поля, пасли коров и коней, молились богам.

- Что задумался так, Ахани? - с милой улыбкой спросила Анхра. - Помнишь ты моего брата?

Затем девушка неожиданно громко и мелодично

расхохоталась, запрокинув голову.

- Я поняла! - сквозь смех сказала она. - Ты еще не пробовал сому, то, что пьют мужчины!

- Нет, никогда, - Ахани покачал головой, и земля качнулась вслед за этим его движением.

Тот священный напиток сома, что готовил из трав старейшина Вьяса для всех старших мужчин рода, был пока что недоступен для юноши. Его готовили только в те ночи, когда бога луны Сомы, в честь которого и назвали напиток, не было на небе.

- А что, сома похож на этот твой настой? Ты пробовала его? - Ахани уже с трудом вспоминал нужные слова, и язык его как будто отказывался его слушаться.

- Мой настой немного схож, - кивнула Анхра.

- Почему ты пришла одна? Без брата? Без мужчин? - спросил Ахани и оперся правой рукой о холодную землю в тщетной попытке хотя бы так остановить ее бешеное вращение.

Его красивая черноглазая собеседница пристально вглядывалась в покачивающегося юношу, сидящего напротив и медлила с ответом, видимо подбирала слова.

- Мой брат Мартан, он сильный человек, - наконец вымолвила она, дрожащими пальцами убрала с лица длинную черную прядь волос, которую порыв ветра швырнул ей на лицо и спрятала ее за ухо. - Он не принимает отказов.

Ахани уже второй рукой оперся о качающуюся землю, силясь понять смысл фраз собеседницы. Ее слова как будто вынырнули откуда-то далеко из тумана и теперь гулко звучали в глубине головы, разносясь там эхом. Тошнота начала подкатывать волнами из живота к горлу юноши.

Сердце гулкими ударами стучало в висках, а такая уже близкая трава перед глазами юноши начала раскачиваться из стороны в сторону. Силы покинули Ахани и сколько бы он не старался, скрипя зубами, удержать разом ослабевшие руки, но все же не смог этого сделать, руки подогнулись.

Он упал на траву, глотая воздух как рыба, выброшенная на берег, зрачки его бесцельно и не останавливаясь вращались, не замечая ничего вокруг. Кроме дальнего северного холма, на вершине которого одна за другой начали появляться многочисленные черные тени.

Разумом Ахани завладели странные и пугающие, разноцветные видения - сны. Он погрузился в их буйство красок и мало понятных знаков и символов, казалось, что сны его перемешиваются с явью, и невозможно было отделить одно от другого. Как не силился юноша, он не мог собрать мысли воедино.

Все, что оставалось - это стараться удержать внимание на тех картинках, что казались настоящими, хотя юноша даже не мог вспомнить кто он и где находится. Казалось, что он не человек, а просто чья-то мысль, что покоится на космических волнах, окруженная бесчисленным количеством холодных и колючих, искрящихся звезд.

В один момент Ахани привиделось большое количество темных всадников, что проходили мимо него, страшно фыркали чёрные кони и из их ноздрей клубился ледяной пар.

В другое время ему виделась большая стая воронов, что кружились над его головой в бесконечном черном небосводе, какие-то выше, некоторые ниже и ближе к нему. Они пролетали рядом с его лицом, громко и гортанно каркали протяжным раскатистым эхом прямо ему в лицо, широко разевая клювы и открывая остекленелому взору юноши внутренности своих гортаней с пульсирующе-красными языками.

В зрачках воронов искрились холодные бездушные звезды и некоторые из них пролетали так близко к лицу Ахани, что с легким шорохом задевали его кожу угольно-черным оперением, колыхали его ресницы холодным ветром своего полёта.

В другие моменты ему снились диковинные животные, которых он никогда не видел и странные места, в которых никогда не бывал. Густой лес с необычными тонкими деревьями, высокими и гибкими, со стволами разных оттенков зелёного цвета, перевитыми странными коричневыми веревками. Лес был полон звуков и движений, шорохов и непонятных криков.

Ахани видел большую змею, такую большую, каких он никогда не встречал. Голова ее была размером с голову самого юноши. Она вглядывалась в глаза ему маленькими черными зрачками, шипя и извивая толстое, длинное тело, и высунув острый и тонкий язык.

Потом ему привиделась огромная чёрная кошка, да такая, что размером была с лошадь, и обладала она дикой яростью и грацией. Утробно рыча, она медленно приближалась к Ахани, оскалив большую пасть, забитую острыми, как лезвия кинжалов зубами. Глаза её были изогнуты к вискам и зрачки горели ярким зелёным светом.

Затем опять чёрные всадники. Только теперь они неспешно брели прямо сквозь тело Ахани, которому казалось, что он парил в воздухе, не ощущая ни рук, ни ног. Злые кони скалили белоснежные челюсти, косясь на юношу темными глазами и хлестали себя по бокам длинными хвостами.

Всадники же все были угрюмы и сосредоточены. Редкие из них бросали взгляды на юношу, но тут же отводили их и

проплывали мимо. Все они были высокорослы и плечисты, все с длинными волосами и бородами. Одеты воины однообразно - многие в темных тонких кольчугах, но большинство просто в кожаных куртках с нашитыми пластинами металла, на головах повязки и лёгкие шлемы, почти все с мечами и луками, а некоторые были с копьями.

А затем половину неба залило желто-рыжим светом, и по этому свету поползли черные извивающиеся змеи. Ахани начал осознавать звуки женского плача, когда он стал очень громким. И тогда юноша понял, что слышал его уже давно, ещё когда этот звук тонко родился где-то в глубине его черепа. Но тогда он не придавал ему значения, как комариному писку. Но звук все рос и медленно нарастал в голове, до тех пор, пока не превратился в оглушающий рев.

Прекрасные лица женщин проплывали недалеко от Ахани и они казались ему знакомы. Почти все они были в странных черно-белых узорах, многие смотрели строго на юношу, кто-то из них тянул к нему свои руки, как будто моля о чем-то.

Дыхание Ахани пресеклось и сердце застучало с удвоенной силой, грозя выпрыгнуть из груди, когда он увидел и строгое лицо своей матери, и грустное сестренки, а затем и Хини, она тоже пронеслась в его видении, в одно мгновение.

Высокая стройная фигура Анхры заслонила собой полнеба.

- Ахани! Хани! Ани! - как эхо разнеслось в голове юноши.

Огромный плечистый мужчина заслонил собой вторую половину неба. Был он бледен и черноглаз, и Ахани узнал брата Анхры - Мартана. Обе фигуры плавали и извивались в глазах опьяненного юноши. Звуки доносились, как будто из далекого тумана. Брат с сестрой обменялись короткими, еле слышными фразами, брови Мартана сошлись к переносице, а в глазах засияла решимость.

Ладонь мужчины легла на серебряную рукоять меча и зеркальная сталь полезла вверх, тихо шурша о ножны, подобно степной гадюке. Анхра же развернулась, взметнув чёрным облаком своих длинных волос, и исчезла из вида.

Бледный лик равнодушного бога Сомы-луны отразился на гладком лезвии, взметнувшемся перед оцепеневшим парнем.

Чуть помедлив, зависнув в воздухе на фоне черного небосвода со множеством звезд, оружие начало движение вниз. Ахани завороженно уставился на острие.

Всего мгновенье понадобилось мечу, чтобы взметнуться в чёрное небо и вонзиться в грудь Ахани, но для опьяненного и одурманенного юноши это мгновенье растянулось на минуты.

Лезвие легко вошло в плоть, разорвав волчью накидку

юноши, рубаху и кожу, ломая ребра.

После пришла резкая боль, и Ахани судорожно выдохнул. Вместе с воздухом изо рта выплеснули мелкие капельки крови и упали на румяную и чистую кожу. Лицо юноши исказило страдание, а в груди разлился мучительный жар и нестерпимая боль.

Парень вскрикнул. Из его глаз непроизвольно потекли горячие слёзы.

Тут же над ним со свистом пронеслась стремительная черная молния. Узловатая палка в неизвестных умелых руках отбросила меч и его хозяина на расстояние трех шагов и с такой силой, что казалось воздух застонал от этого резкого движения.

Перед взором Ахани появился невысокий суровый старик, весь закутанный в темные шкуры. Из-под его волчьей шапки выбивались длинные седые волосы, а борода такого же цвета ложилась на грудь. Тёмное, как кора дуба, лицо старика было испещрено глубокими морщинами, брови были сурово сдвинуты, а в тёмных зрачках клубилась строгая ярость.

- Рудра, какое тебе дело до него? - вскричал Мартан, поднимаясь с одного колена.

Вместо ответа старик выставил неотесанный посох перед собой, крепко сжимая его правой рукой. Вокруг его сжатого кулака с бешенной скоростью завихрился воздух, его струи обрели видимость и переплетались между собой подобно клубку змей.

Спустя мгновенье старик резко опустил руку с зажатым в ней посохом, вонзая его конец в землю.Освобожденный от этого удара, сконцентрированный в шар вокруг старческого кулака, воздух вырвался и устремился волной к Мартану, на ходу вздымая пыль, мелкие камни и траву.

Мартан попытался как-то остановить эту волну мечом, выставив его перед собой, но это было бесполезно, подобно попытке остановить речную волну веточкой. Его снова отбросило на добрых пять шагов, и на этот раз воин не удержал равновесия.

Встав с земли и сплевывая песок, Мартан грязно выругался. Потом свистом подозвал стоящего недалеко скакуна и запрыгнул на его спину.

- Приведи своего брата, Ахани! - грозно крикнул он. - Если он придёт - получит своих женщин! Время у вас до того, как Сома похудеет дважды!

Мартан рукой указал на луну, потом злобно сплюнул на землю, развернул своего черного скакуна и скрылся за гребнем холма. А девушки след простыл, как будто ее и не было. Если бы не сумка с едой, которая лежала рядом, Ахани подумал бы, что и

она ему привиделась.

Слезы боли застилали его взгляд и он, шипя, до крови закусил нижнюю губу. Юноша все так же ощущал себя подвешенным и плавающим в воздухе, светлеющий небосвод также кружился перед глазами, но теперь ещё нестерпимая боль в груди добавилась к его ощущениям.

Тем временем старик, опираясь на кривой посох, обернулся к Ахани и склонив голову, оценивающе заглянул тому в глаза. Юноша впервые видел бога перед собой, если это конечно все было не очередным видением. Он понял, что старик, который отогнал Мартана - это Рудра, бог диких животных, что живёт высоко в горах. Редкому человеку удавалось в своей жизни увидеть живое божество.

Наклонившись к земле, бог сорвал оттуда травинку, помял её пальцами и закинув ее в свой рот, принялся тщательно и задумчиво ее пережевывать, не отрывая глаз от побледневшего юноши.

Затем достал ее и приложил к ране парня. Боль Ахани вспыхнула с новой силой, прокатилась волнами по всему телу, но всего на мгновенье, заставив его вскрикнуть. И тут же стала отступать. Старый бог накрыл рану ладонью и боль утихла.

Ахани пришёл в себя. Он смотрел на лицо Рудры, обрамленное седыми волосами. Мгновенье тот всматривался в голубые глаза юноши, а затем резко посмотрел в сторону гор. Ахани тоже посмотрел в ту сторону. И мир погас.

Глава 2.

Очнулся Ахани, когда солнце уже стояло высоко. Резко открыв глаза, он скривился от ослепляющего яркого света, что заливал всю равнину.

Голова гудела. Ахани приподнялся на локтях, сел и огляделся вокруг. Он находился возле того же серого гранитного камня на вершине пологого холма, там же где и начинал свое охранение прошлым вечером.

Опомнившись, юноша посмотрел на свою грудь и увидел, что накидка порвана и залита запекшейся кровью. Приподняв одежду, он разглядел небольшой свежий белый шрам на левой груди и опешил.

Значит все что произошло с ним за эту ночь было правдой! Но это было слишком невероятно! Такое бывает только в сказках!

Ахани убрал свои длинные волосы с лица чтобы лучше видеть и заметил поваленную и вырванную с корнями траву и новую насыпь из мелких камней шагах в десяти от себя, как будто

бы здесь пролетел маленький ураган. Но как знал юноша, причина этого был магический ветряной удар престарелого бога.

Ахани встал на ноги и покачнулся, так как голова его закружилась. Он был голоден и сильно хотелось пить. Отцепив от пояса бурдючок с водой, он с жадностью опустошил его. Блаженная влага увлажнила потрескавшиеся и засохшие губы и рот, прокатилась оживляющими волнами по гортани.

Коров, которых должен был охранять юноша, нигде не было видно, кроме того несчастного животного, которое заболело и не смогло пережить последнюю ночь. Земля у основания холма, на котором стоял Ахани, была вся истоптана многочисленными следами конских подков, были там и следы от колес повозки.

И тут разум юноши пронзила болезненная вспышка. Он вспомнил искаженные лица своих родных. Боль и ярость зародились в его груди. Ахани подобрал с земли свой лук и колчан и, резко сорвавшись с места, со всех ног побежал домой, в сторону родной деревни.

На бегу он вспоминал серьезные лица матери и маленькой сестренки, и милой Хини, отчего дыхание его перехватывало и ком подступал к горлу, но он нарочно еще больше увеличивал скорость, чтобы отдать все свои силы на бег.

Ахани несся со всего духу, рассекая воздух грудью, сердце бешено колотило внутри него. Теплый встречный ветер вздымал его волосы, ступни, обутые в мягкие кожаные сапоги, поднимали тучи песчаной пыли при каждом его шаге.

Еще издалека юноша почувствовал запах гари и, приблизившись еще немного, увидел вместо скопища своих родных круглых юрт черное выжженное пожарище. Чуть позже, добежав до центра когда-то живой деревни, Ахани стал бродить по ней, всматриваясь под ноги и крутя головой по сторонам, ища кого-то или хотя бы что-то что могло сохраниться в бушующем здесь ночью огне.

Но пламя не пощадило ничего, кроме камней. Казалось, оно, как неистовый безжалостный зверь пожрал все, до чего мог дотянуться.

Только в самом центре деревни возвышалась небольшая черно-серая гора из золы и пепла. Редкие порывы теплого ветра брали из нее по чуть-чуть, пригоршнями, бережно поднимали и слой за слоем уносили в сторону гор.

Дыхание перехватило - не вздохнуть, не выдохнуть. Время замерло и черная земля закружилась перед глазами. Мир рухнул. Все что он знал и любил до этого перестало существовать - родная юрта обратилась в прах, добрые соседи сгинули, а родные пропали. Стон родился где то глубоко в груди и вырвался сквозь

сжатые зубы.

Счастливое и безмятежное детство сгорело вместе с родным очагом. Обрывки воспоминаний - мягкие улыбки матери, шутки сильных братьев, проказы маленькой Савитри, все это подернулось дымкой забвения. Неясные вспышки радости и солнца - вот все что осталось в памяти потрясенного юноши, когда он сам не зная зачем, как во сне, бродил по большому выжженному полю, склоня голову и тщательно осматривая пепел под ногами.

Каждый шаг он старался ступать осторожно, мягко опуская ступни, с носка на пятку, чтобы не потревожить черный пепел. Но тот все равно легкими облачками взметался от каждого движения и окрасил бурую обувь юноши в угольный цвет.

Вот вроде здесь была моя юрта, - подумал Ахани, замер и огляделся вокруг. - Хотя нет, тот холм был ближе, - он аккуратно сделал три шага в сторону. - Да, так я встречал Сурью, когда он появлялся на небе с того холма. Мать всегда откидывала полог, чтобы поклониться ему.

Ахани вспомнил слова Мартана и тот короткий срок, что дал он для того, чтобы найти и привезти его старшего брата. Всего два месяца. Два месяца, чтобы перейти через гору и в тех густых опасных лесах, про которые рассказывал отец, отыскать брата, которого он никогда не видел.

Но выбора у Ахани не было и, оставив пепелище родной деревни за спиной, он уверенно зашагал на юг в сторону гор. Проходя мимо зеленеющего возделанного поля по еле различимой тропинке, юноша думал о лошадях. Он надеялся, что табун который всегда пасся за этими полями, разбежался от ночного набега и ни один конь не достался подлым воинам Мартана. Хватит им и стада коров.

Ахани прошел поле и взобрался на пригорок, за которым начиналась холмистая равнина. Коней нигде не было видно. Зато вид родных предгорий, покрытых желто-зеленой травой и усыпанных множеством серо-черных камней, булыжников, глыб и валунов, немного отогрел его скорбящее сердце.

Теперь предстояло идти до гор на краю земли и если на коне Ахани добирался туда весь светлый день, то сейчас, пешком, путь должен был растянуться гораздо больше.

Узенькая речка, извиваясь и журча, скрывалась за пригорками, все ее берега также были усыпаны серыми глыбами и галькой. Вода весело пела, перепрыгивая с камня на камень, иные огибая, и стремительно текла в долину.

На горизонте же, над холмами медленно плыли огромные и белоснежные облака. Казалось, что они ползли по пологим

вершинам, оставляя за собой влажные темные следы, наподобие огромных снежных улиток.

Долина продолжала жить своей жизнью и Ахани казалось что она вовсе не заметила потери целой деревни. Все вокруг продолжало дышать и цвести в ритме заведенном от сотворения мира. Изумрудный трава волнами качалась под натиском ветра и совсем скоро она должна была скрыть место страшного пожара, так знал юноша.

Пройдет совсем немного времени и о моей семье и деревне не вспомнит никто, кроме меня, - думал он.

Парень сжал зубы, нахмурился и уверенно зашагал по склону. Из-под подошв его сапог, с шорохами и стуком, вылетал мелкий щебень и скатывался вниз. На ходу юноше часто приходилось огибать большие валуны или перешагивать через те, что поменьше, либо взбираться на те, что покрупнее.

Вот так, в очередной раз вскарабкавшись на большую глыбу, Ахани увидал внизу какое-то движение, между нагромождения камней и мелких кустарников было что-то живое и оно было черного цвета. Но как не присматривался юноша, разглядеть что это он не мог, так как было далеко. Тогда Ахани аккуратно слез с валуна и стал спускаться в сторону неизвестного существа, стараясь издавать как можно меньше шума.

Продвигался юноша медленно, потому что старался не выдать себя неизвестному животному. На ходу он случайно спугнул птицу кайру, которая с криком взметнулась высоко в небо. Ахани зашипел с сожалением и замер. На том месте, где сидела птица, прямо на траве лежали три отложенных маленьких яйца. Недолго думая, голодный юноша подобрал их и, пригнувшись, стал продвигаться дальше, выпивая содержимое яиц.

Животное, что пряталось за невысокими кустами, почти не издавало шума, лишь изредка пофыркивало. Ахани достал лук из-за спины, наложил стрелу и осторожно выглянул из-за большого валуна.

Это был Даэв. Ахани улыбнулся, когда увидел его. Совсем еще молодой жеребец полностью черного, угольного цвета. Был он невысокий и худой, но отсутствие развитых мышц придавало ему резвости и скорости.

Конь рвал листву с куста, жевал ее, попутно отгоняя мошек длинным густым хвостом и чутко прислушивался к окружающим звукам, поводя ушами. Ахани спрятал лук на положенное ему место и осторожно позвал коня.

- Даэв, - негромко мелодично произнес он.

Животное вздрогнуло и отпрянуло, недоверчиво косясь на

юношу. Тогда Ахани вышел из-за камня, за которым прятался, и шагнул вперед, миролюбиво протянув открытую ладонь встревоженному коню. Даэв вглядывался всего мгновение в юношу огромными влажными глазами и тут же узнал знакомого. Он радостно и коротко заржал и подбежал к юноше, мотая длинной гривой и пританцовывая на месте в нетерпении.

- Хороший Даэв, хороший Даэв, - с улыбкой повторял Ахани и гладил коня по холке, между плечами, там где начиналась роскошная грива животного, пока тот немного не успокоился.

- Пойдем со мной, Даэв! - попросил коня юноша и мягко потянул его за гриву в нужном направлении, дальше на юг, вниз по склону в маленькую долину, по дну которой извивалась узкая река.

Юноша и конь шли рядом какое-то время. Ахани поглаживал коня и разговаривал с ним, рассказывал все, что произошло за последние два дня и ему становилось легче идти и дышать, тяжесть, придавившая плечи, исчезала.

Даэв был хорошим слушателем. Он чутко прислушивался к взволнованному голосу человека, иногда всхрапывал в ответ на его злые слова или мотал шеей так, что его густая, черная как ночь, грива летала вокруг.

Прошло время и Ахани попробовал влезть на спину коню, и тот ему позволил. Юноша осторожно взялся за гриву и мягко направил скакуна в нужном направлении.

Так, верхом, Ахани оказался в длинной извилистой долине, посередине которой текла быстрая река. Вода ее была холодной до ломоты в зубах. Вдоволь напившись и наполнив бурдючок, юноша снова влез на Даэва и направил коня вдоль реки по берегу.

Скоро начало темнеть и Ахани развел костер, чтобы пожарить маленькую куропатку, подстреленную по дороге. Позже, когда юноша лакомился горячим дымящимся мясом возле мерцающих углей потухшего костра, он достал из поясной сумки два маленьких куска лепешки, что приготовила его мать и осторожно откусил маленький кусочек, тщательно и не торопясь он насладился его вкусом, а то что осталось спрятал обратно.

Насытившись, парень завернулся в волчью накидку, которую до этого оттер от крови, и лег спать, греясь возле тёплых углей.

Сон не шёл. Ахани думал о своих близких, их улыбающиеся образы мерцали в сознании, потом вспомнил лица строгой матери и растерянной сестренки, измазанные копотью и расчерченные следами от слез, и сердце его наполнила глухая злость. Он мечтал добраться до Мартана, представлял как вцепится ему в горло и перегрызет его зубами.

Ещё Ахани не понимал, зачем они сделали все это? Какая

цель у всех этих злодейств? О чем были разговоры Мартана со старейшиной Вьясой и намеки Анхры. И при чем тут его старший брат Ману, уже десять лет как сгинувший за горами на юге.

За этими мыслями и воспоминаниями промелькнуло полночи. Ее тишина не была полной. Потрескивали затухающие багрово-черные угли, часто раздавались в ночи крики птиц, уханье сов, повизгивали мелкие жители недр земли, изредка хлопали крылья невидимых летучих мышей и журчала ледяная вода совсем рядом в реке.

Внезапно совсем рядом раздался протяжный злобный вой и разом вся природа вокруг затихла. Ахани, только задремавший и погружающийся в сон, сразу встрепенулся и настороженно прислушался к окружающему. Рука его нащупала рукоять длинного кинжала, что дремал в ножнах на поясе.

Шло время, но ничего не происходило. Также журчала вода, ветер шелестел листьями редких окружающих кустов и посвистывал между камнями. Перемигивались сотни ярких звёзд и медленно плыли редкие курчавые облака.

Даэв, до этого щипавший редкую траву между камней рядом с Ахани, подошёл к юноше совсем близко и стал прислушиваться вместе с ним. Конь был спокоен внешне, лишь изредка по его телу пробегала крупная дрожь да хвост бил по бокам чуть чаще обычного.

Ахани совсем уже было ослабил хватку своей ладони на кинжале, как вдруг совсем рядом, шагах в десяти зашуршали ветви кустарника и раздалось тихое утробное рычание. Он увидел только как злобно полыхнули красные зрачки и тут же пропали.

Ахани вскочил на одно колено, отложил клинок и молниеносно накинул стрелу на тетиву. Прищурившись, он выпустил смертоносное древко с костяным наконечником в то место, где только что сверкали глаза дикого животного.

Отпущенная сильными пальцами тетива с облегчением выдохнула и привычно взметнула светлые волосы юноши. Стрела на прощание коснулась белым оперением скулы Ахани, свистнула, рассекая прохладный воздух и исчезла в темноте.

Реакции не было. Ахани втайне надеялся на жалобный скулеж или хотя бы на злобное рычание, но ответом ему была тишина. Все окружающие тоже казалось замерли, наблюдая за исходом охоты или просто попрятались в свои норки и трусливо дрожали там, ожидая, когда свирепый хищник покинет их уютную долину.

Ахани наложил новую стрелу и, натянув тетиву, встал на ноги. Даэв, тихо сопя, прикрывал ему спину. Полнолицый Сома плыл высоко по черному небосводу и ярко освещал местность.

Снова раздался шорох веток, но уже гораздо левее от предыдущего места. Между валунами, за которыми поблескивали журчащие воды холодной реки, мелькнула крупная тень. Ахани снова выстрелил, метясь в нее , но она была очень проворна и, не дав попасть в себя, тут же исчезла.

Ахани был спокоен. Он достал третью стрелу, снова натянул тетиву и стал ждать. Юноша знал, что иногда, чтобы победить в схватке, нужно проявить терпение. И быть спокойным и твердым как камень. Оперение стрелы, покачиваясь под редкими порывами теплого ветра, забавно щекотало правую скулу юноши, словно стараясь поддержать его в опасной ситуации.

Снова раздался шорох, но теперь он был справа от юноши в двух десятках шагов и на фоне темного склона холма почти ничего не было видно, кроме нагромождения валунов. Внезапно на их вершине, отражая лунный свет, зажглись ярко-красные огоньки.

Ахани мгновенно отпустил стрелу, метясь точно между огнями. Но снова черная тень оказалась проворнее и стрела ушла в никуда.

Даэв за спиной юноши негромко заржал, словно предупреждая Ахани об опасности. Парень присел под шею коня и увидел еще одну большую волчью тень. Дикий зверь, не особо таясь, скалил зубы и злобно рычал между камнями в десятке шагов от человека. Увидев направленную на него стрелу, волк тут же скрылся, но Ахани успел разглядеть его и понять что зверь, кружащий вокруг них с Даэвом был не один.

Это был крупный черно-серый волк. Ахани видел однажды похожих хищников, когда они с отцом ездили в соседний большой аул, что был в трех днях пути от их деревни, там куда уходил солнце - Сурья. Но тогда хищники даже не решились напасть на них.

И отец тогда сказал, что волкам обычно хватает того множества мелких животных, что живут вокруг и даже на деревенские стада коров они нападают очень редко, но видимо эта ночь была неудачной для волчьей охоты.

- Пойдем, Даэв, - спокойно сказал Ахани и медленно попятился в сторону реки, не забыв подобрать кинжал и воткнуть его в ножны. Он надеялся, что стая не окружит их с конем на берегу, ведь неизвестно сколько еще зверей пряталось во тьме. Лук он так и не опускал, поводы им на каждый шорох.

Внезапно на высокий валун справа от юноши, злобно рыча, выскочил огромный, ростом с самого Ахани, волк. Не медлив, он с воем, бросился на человека, разинув большую пасть, забитую белоснежными изогнутыми клыками.

Ахани выстрелил в летящего волка. Стрела коротко свистнула и вонзилась ему в грудь. Зверь злобно взвизгнул, его тело немного развернуло от удара деревянного древка, но все же стрела не остановила его полет.

Падающий волк всем весом тела обрушился на Ахани и опрокинул его на землю. Лук юноши отлетел в сторону. Ахани неосознанно выставил правую руку перед лицом и челюсти волка сомкнулись на его запястье.

Парень зашипел от боли. На лицо капала горячая слюна волка, когда тот, яростно рыча, скреб передними лапами с острыми когтями по груди человека.

И тут Даэв, резко развернувшись, лягнул бешеного хищника так, что его отбросило на пару шагов. В момент удара Ахани услышал шлепок и хруст, и на лицо ему брызнула теплая липкая жидкость.

Еще даже не встав с земли, Ахани снова услышал злобное рычание, но уже со стороны реки, и из расщелины между камнями вылетело еще одно косматое стремительное животное с оскаленной пастью и горящими глазами. Дикий волк увернулся от щелкнувших в воздухе зубов Даэва и налетел на успевшего встать на одно колено Ахани.

Юноша почти ничего не видел вокруг, все его зрение сузилось до размытых пятен из-за залившей лицо крови, но все же он успел, ориентируясь на звук бегущего хищника, выставить кинжал в нужную сторону, крепко сжать рукоять двумя ладонями и что есть силы напрячь мышцы рук, чтобы остановить полет мускулистого хищника. Волк с диким воем на бешеной скорости налетел на Ахани, щелкая челюстями и снова повалил юношу на землю, как ни пытался тот удержать равновесие.

Животное сразу смолкло и обмякло на юноше, немного подергиваясь. Из его спины торчал кончик кинжала Ахани, потому что волк в ярости налетел всем своим весом на выставленное лезвие и кинжал пробил его насквозь.

Ахани как можно быстрее постарался выбраться из-под убитого хищника, столкнул его огромную морду с себя и отполз, отталкивая тело ногами. Одновременно юноша тер глаза от крови и пытался проморгаться, чтобы видеть получше.

Рядом завыли еще три - четыре волчьих голоса, между камней и кустов то тут, то там замелькали большие стремительные тени. Даэв громко и грозно заржал рядом с Ахани, видимо пытаясь отпугнуть хищников и показывая, что готов сражаться с ними.

Ахани же шарил по траве, пытаясь отыскать свой упавший лук. Он все еще плохо видел. Частое моргание только частично

вернуло ему зрение - мир вокруг все также напоминал размытый рисунок.

Наконец юноша нащупал гладкое изогнутое древко любимого лука и вздохнул с облегчением. Он быстро встал, держась за длинную гриву Даэва, вогнал кинжал в ножны и натянул тетиву с наложенной стрелой.

Так они продолжили движение к берегу реки. Ахани поводил луком на каждый звук, раздающийся рядом, руки его дрожали, а вой и повизгивания окружающих хищников все не прекращались.

Волки уже почти не таились. Они совсем близко следовали за отступающей парой, взбираясь на камни и мелькая за кустами. Ахани насчитал их с десяток. Но видимо хищников теперь останавливала участь погибших товарищей и нападать они не спешили, а пытались скорее запугать и запутать врага.

Но вот один из волков, видимо самый молодой и безрассудный, с воем попытался атаковать Ахани, прыгнув на него с валуна. Юноша тут же отреагировал на звук рассекаемого волком воздуха и выстрелил навстречу опасности.

Звук отпущенной тетивы порадовал слух и сердце Ахани. Стрела свистнула и вонзилась прямо в гортань волка, пролетев между широко разинутых в злобном вое и поблескивающих в лунном свете челюстей.

Дикое рычание резко оборвалось и перешло в булькающий хрип. Тело волка развернуло в воздухе. Полет его прервался и хищник рухнул на землю, так и не дотянувшись до Ахани.

Юноша сразу же привычным жестом наложил новую стрелу, натянул тетиву и они с конем продолжили путь, лавируя между валунами.

Ахани тихонько шипел от боли. Раненая правая рука, покусанная волком, продолжала кровоточить и ныть, но времени на то, чтобы осмотреть рану не было.

С неба яркий Сома вместе со своими двадцатью семью женами с интересом наблюдали за проходившей внизу в долине кровавой охотой.

Река была совсем близко, когда голодная стая предприняла еще одну попытку настичь добычу. Крупный волк бросился на Даэва, попытавшись добраться до горла жеребца, но тот встал на дыбы и острые челюсти цапнули только клок черной гривы.

Одновременно еще два волка с разных сторон бросились на Ахани. Одного из них он остановил выстрелом из лука, стрела угодила прямо в глаз хищника. Второй же с рычанием и яростью налетел на юношу.

Этот хищник был старше и крупнее предыдущего и поэтому

у него получилось вцепиться зубами в плечо парня и опрокинуть его навзничь, навалившись всем своим поджарым телом.

Тем временем к Даэву подскочили еще три волка и конь, как мог гарцевал между их клацающих челюстей, вздымаясь на дыбы и лягаясь что есть мочи. Волки были очень резвые и крутились вокруг коня с бешеной скоростью, рыча и повизгивая, каждый норовил вцепиться в какую-нибудь часть тела скакуна.

Одиножды удалось Даэву снова встать на задние копыта и обрушить передние на спину нерасторопного волка, который не успел отскочить в сторону. Раздался хруст и короткий жалобный скулеж. Передние копыта коня заблестели от влаги в лунном свете. Остальные волки, увидав кончину своего товарища, стали вести себя аккуратней и уже не столь резво бросались под смертельные копыта.

Ахани тем временем, лежа под рычащим волком, пытался быстро немеющей рукой вытащить кинжал из ножен. Правой он сдавливал горло волка сквозь густую и длинную шерсть. Сжимал пальцами, одновременно стараясь придушить его и удержать от движений, чтобы хищник не трепал челюстями, вцепившимися в его левое плечо.

Уже почти не чувствуя левую руку, Ахани нащупал скользкую от влаги рукоять кинжала и потянул его вверх. Каждое движение отдавалось болью, потому что волк придавил его жилистым телом к земле, цепко держа лапами, чтобы тот не шелохнулся.

Напрягая последние силы из мышц плеча, Ахани тянул кинжал вверх, пока тот не высвободился. В это время к месту схватки подбежали еще четыре крупных волка и стали кружить вокруг, наблюдая.

Клинок выскользнул из немеющих пальцев. Юноша судорожно шарил по траве насколько позволял сильный хищник, натыкаясь то на ветки, то на камни и погружаясь пальцами в изрытую когтями смесь песка и гальки.

В глазах парня начало темнеть. Перестало хватать воздуха. Злобный волк уже давно и сильно придавил ему грудь и часть шеи, так что перед глазами все начало плавать и окрашиваться в красный цвет. Звезды стали гаснуть в вышине космического пространства, а пальцы правой руки Ахани подрагивали и ослабляли хватку на горле хищника.

Рычание волка приобрело довольный оттенок и другие звери осторожно подошли ближе. Тут пальцы Ахани нащупали кинжал и цепко сомкнулись на рукоятке. Юноша приподнял оружие и, насколько позволял цепкий волк, вонзил лезвие ему в бок.

Но позволил сильный волк совсем немного и лезвие вошло в его тело только на глубину пары пальцев. Хищник яростно взвизгнул и с новой силой впился клыками в плечо человека. Ахани закричал и на глазах его выступили слезы. Звезды и луна заплясали и закружились перед глазами.

Собрав остаток сил, коротко дыша и подрагивая, юноша старался погрузить лезвие кинжала еще дальше и, шипя от боли, как мог преодолевал сопротивление мощных лап. Волк тоже повизгивал и рычал, но все же лезвие очень медленно погружалось все дальше и глубже в его тело.

Наконец он судорожно забил лапами с длинными когтями по земле, взметая вверх мелкие камни, песок и ошметки травы, и замер.

Тем временем Даэв задним копытом попал наконец и отбросил одного из волков прямо об твердую поверхность высокого валуна. Конь подбежал к лежащему на земле под распластавшимся телом большого волка Ахани и призывно заржал.

Юноша приоткрыл глаза. Ему очень хотелось уснуть. Сил совсем не было. Но его друг Даэв звал его куда-то и ему нужна была помощь.

Ахани зашевелился под мохнатым грузным телом. Отталкиваясь правой рукой и спихивая ногами волка, выполз из-под него и встал, пошатываясь и сжимая кинжал.

Оставшиеся волки, не переставая рычать, кружили вокруг человека с конем. Юноша в ответ размахивал кинжалом и тоже злобно и бессвязно кричал на хищников.

Зрение подводило Ахани. Благо что луна светила ярко - юноша быстро обнаружил лук на земле между камней. Он подобрал его и забросил за спину. Затем, прихрамывая и держась одной рукой за густую гриву Даэва, зашагал к берегу реки.

Волки, не отставая, крались вслед за труднодоступной добычей. Часто Ахани приходилось из устало махать правой рукой с зажатым кинжалом и громко кричать, левой рукой он кое-как держался за гриву коня и почти не чувствовал ее.

Наконец добрались до воды. Река встретила друзей прохладным ветром и свежими брызгами разбивающихся о гладкие валуны ледяных струй. Вода бурлила с большой скоростью и весело журчала, устремляясь в сторону долины.

Ахани с облегчением ступил на гладкую прибрежную гальку и стал продвигаться к воде, огибая глыбы. Прохладный ветер освежал открытые раны юноши и он тихо шипел, сжав зубы. Свет Сомы отражался на резвых волнах реки. Она была не широкой и с пологими берегами.

Поняв, что добыча почти упущена, волки засуетились с удвоенной энергией. Они стали подбегать гораздо ближе и старались ухватить Даэва за ноги. Тот с угрозой ржал, Ахани кричал и отмахивался, и даже довольно глубоко полоснул одного из хищников.

Но все было тщетно. Волков было еще семеро и все они были голодны и яростны. Сил у юноши почти не осталось и это заставляло друзей отступать к воде.

Часто парень гладил ладонью своего коня по бархатному черному боку, стараясь успокоить его или успокоить себя. Конь казалось понимал все, что не произносил друг.

Скоро сапоги Ахани ступили в быструю реку. По его телу сразу побежала дрожь от холода воды, что текла из заснеженных вершин. Волки яростно визжали и клацали острыми челюстями, заставляя друзей отступать.

Ахани по щиколотку в воде добрался до большого валуна и взобрался на него. Даэв обошел камень с другой стороны. Волки неистово бросались наверх, царапали когтями и высекали искры из твердой гладкой поверхности.

Выпад кинжала, устремленный вниз, нашел свою цель, один из самых сильных зверей взвыл и, подняв тучу брызг, опрокинулся на спину, пронзенный лезвием в горло. Грани кинжала окрасились в черный цвет, но тут же засверкала снова сталь, отмытая речными брызгами. Ахани смочил руку водой, такой холодной, что ладонь его занемела, и наспех протер глаза.

Теперь он стал лучше видеть. Волков же еще больше разъярила гибель одного из стаи и запах его крови. Ахани оглянулся и решил перепрыгнуть на соседний валун, где глубина воды, как ему показалось, была больше.

Юноша вогнал кинжал обратно в ножны и, размахнувшись руками, прыгнул. Оказавшись на краю валуна, он неожиданно заскользил по влажной поверхности. Рухнув на живот, Ахани стал сползать вниз. Он пытался зацепиться правой рукой и почти сдирал ногти на пальцах, но удержаться было не за что.

Так парень нелепо опрокинулся в воду и не почувствовал дна под собой. Сильные холодные струи тут же наполнили его волчью накидку и, сильно утяжелив ее, потащили за собой.

Ахани стал захлебываться. Его мокрые волосы облепили лицо. Брызги воды нещадно били в глаза и заполнили нос. Но открыв рот, для того чтобы вдохнуть воздуха, юноша вместе с ним наглотался воды и стал кашлять.

Даэв жалобно заржал, а волки наблюдали за всем со стороны, не решаясь лезть дальше в воду. Конь, насколько мог быстро, поспешил к Ахани, сначала взметая тучи брызг ногами, а затем уже грудью раздвигая бурный поток воды, когда глубина стала больше. Потом скакун поплыл, но догнать друга не мог.

Конь громко ржал, стремился подплыть к нему ближе, но нещадная река тащила юношу за собой.

Ахани мотало волнами из стороны в сторону. Еще недавно бывшие такими опасными волки скрылись за поворотом реки и теперь юноше приходилось бороться с новой напастью. Насколько мог он старался держать лицо над поверхностью воды и ему было очень холодно. Тяжелая волчья накидка сильно тянула ко дну, но как ни старался парень не мог расстегнуть ее правой рукой, левая же почти не слушалась.

Его сердце сильно огорчали испуганные ржания Даэва. Юноша не хотел, чтобы его друг так сильно расстраивался. Поэтому иногда он старался крикнуть что то в ответ коню, но сильный шум потока перекрывал его ослабевший голос.

Несколько раз бегущие струи больно швыряли Ахани на валуны. Он сразу же искал правой рукой на гладком камне хоть какой-то выступ или выемку, за которую можно зацепиться, но всякий раз не удерживался и бурлящие волны снова срывали его и волокли дальше.

До тех пор пока река не отбросила его на очередной камень, об который Ахани больно ударился затылком и сознание его погасло.

Глава 3.

Очнулся Ахани от истошных птичьих криков . Он лежал навзничь на траве, прижатый к теплому черному камню. Камень подрагивал, был не твёрдым и будто бы покрыт бархатом угольного цвета. С трудом разлепив веки, юноша увидел перед собой ярко-лазурный небосвод и крупных чаек, часто снующих перед его взором стремительными верещащими комочками.

Светловолосый Сурья высоко в небе щедро одаривал землю теплом и светом. Птицы стремительно пролетали над зеркальной гладью большого озера, выискивая неосторожных рыб, что подплывали близко к поверхности воды, и своими истошными криками разбудили Ахани.

Юноша чувствовал прохладу реки и слышал убаюкивающий плеск спокойных волн. Этот звук был гораздо приятнее для слуха, в отличии от ночного шумного рокота стремительных потоков, что несли его за собой и били о попутные валуны. Похоже что река, вдоволь наигравшись, выбросила Ахани на пологий травянистый берег.

Юноша поморщился от боли. Все его тело ныло, особенно досаждало левое плечо. Отлепив правую руку от непонятного теплого камня, Ахани осторожно прикоснулся к плечу.

Камень почувствовал движение юноши и радостно фыркнул. Это оказался Даэв. Он смог всё-таки догнать Ахани в быстром потоке, вместе с потерявшим сознание другом выбрался на берег и всю оставшуюся ночь грел юношу своим теплом, прижавшись к нему.

- Даэв, доброе утро, Даэв, - поздоровался Ахани и погладил коня по холке и густой гриве.

Конь в ответ радостно заржал и замотал головой, дыша горячим дыханием прямо в лицо друга.

Волчья накидка Ахани истрепалась и намокла. Юноша наконец-то расстегнул её и, сняв с себя, бросил на нагретую солнцем траву. Он остался в длинной рубахе, сотканной его матерью. Рубаха тоже была влажной и облепила его стройное тело.

Ахани огляделся вокруг, а Даэв поднялся на ноги и с чувством исполненного долга принялся пощипывать сочную прибрежную траву.

Воздушный бой чаек в небе приобрел не шутливый характер. Когда одна из птиц подхватила из волн небольшой запруды мелкую рыбешку, остальные устремились за ней, надеясь отобрать трепещущую серебряной чешуей добычу. Чайки громко пищали и горланили, стремительными движениями пытались

догнать более удачливую птицу, но все было тщетно и та успела нырнуть в норку на дальнем берегу и похоже быстро полакомиться там добычей. Остальные птицы снова принялись низко пролетать над волнами небольшого озера, выискивая пищу.

Ахани встал и склонился над водой, надеясь рассмотреть свое отражение. Из трепещущей глади волн на него глянул высокий и худощавый юноша. Под его правым глазом синел небольшой кровоподтек, а слева на щеке появились две новые длинные царапины. Похоже что бурный поток изрядно помотал бесчувственное тело юноши ночью.

С треском лопающихся ниток, парень оторвал правый рукав от рубахи, обнажив загорелую рельефную руку и постарался как можно плотнее обвязать левое плечо. Кровь из вспоротой клыками волка кожи давно остановилась, но каждое движение отзывалось острой болью и грозило снова вскрыть затягивающиеся рубцы. На правом запястье юноши тоже были небольшие раны, но казалось они ничем опасным не грозили.

Ладони Ахани зачерпнули чистую и прохладную воду, спугнув стайку серых мальков, и юноша вдоволь напился. Вода оказалась вкусной и не холодной, а уже нагретой солнцем.

Теперь по правую руку в дымке тумана он разглядел маленький водопад. В устремляющихся вниз струях играла маленькая радуга. Вода с глухим рокотом падала с нагорья с высоты примерно двух человеческих ростов и затем растекалась в большое озеро. Похоже что оттуда и принесло потоком Ахани ночью, а затем волны и верный Даэв вытащили его на берег.

Юноша вылез наконец-то из воды и ступил на твердый с редкими пучками травы и множеством камней и валунов берег. Живот его просил пищи. Тогда он сбросил с себя мокрую рубаху и штаны, расстелил их на нагретых солнцем валунах, особенно побеспокоясь об искрящих камнях - Ахани достал их из поясной сумки и положил под солнечные лучи. Затем вытащил из колчана две стрелы и пошел в озеро. Дойдя в воде до глубины выше пояса, остановился и замер.

Юноша, затаив дыхание, вглядывался себе под ноги. Вода была прозрачной и дно под ногами хорошо различимо. Оно все было усеяно камнями разных размеров, форм и цветов. Стайки мелких рыбешек лавировали между ними и иногда пугливо прятались в редких невысоких водорослях, когда видели других рыб чуть больших размеров.

Ахани стоял не шевелясь довольно долго, так что Сурья стал нагревать его обнаженные плечи. Одна из стрел была зажата между зубами юноши, вторую он крепко сжимал правой рукой.

Большая серебристая стрекоза жужжа приземлилась на его

замотанное бежевой льняной тканью раненое плечо и Ахани поморщился. Насекомое было размером с ладонь юноши и огромными зеркальными шарами глаз рассматривало незнакомое существо, на котором сидело.

Улетать стрекоза не торопилась. Она часто подпрыгивала, с потрескиванием облетала вокруг головы Ахани и снова садилась на полюбившуюся ткань, распрямляя длинные прозрачные крылышки с белыми прожилками.

Юноше приходилось терпеть. Шевелится было нельзя, потому что так можно было спугнуть большую рыбу, ради которой он и затеял всю эту водную охоту. Ещё ему очень хотелось есть. Боли от стрекозы почти не было, больше было беспокойства и надоедливости.

Редкие пушистые облака проплывали по яркой лазури небосвода. И когда одно из них на короткое время закрывало лик Сурьи своим рыхлым белесым телом, то Ахани вздыхал с облегчением и его плечи немного охлаждались.

Шло время. Даэв уже перестал пощипывать траву на берегу, насытившись. От одежды, разложенной на прибрежных валунах поднимался легкий пар.

Озеро, со всех сторон, кроме южной, окруженное пологими пятнистыми холмами, постепенно нагревалось. С южной стороны его висела непроглядная завеса густых молочных облаков. Но Ахани знал, что за этой пеленой уже начинаются каменные утесы. А потом и горы.

Редкими порывами дул тёплый ветер и пускал рябь по искрящейся от солнечных бликов водной глади. Иногда странные насекомые - водомерки, что умели бегать по воде, деловито сновали мимо замершего юноши, от их мелких лапок по воде расходились такие же мелкие круги.

Наконец-то рыба, которую так долго ждал Ахани, появилась. Она осторожно высунула заостренную морду из водорослей и подплыла близко к ногам юноши. Была она светло-серого цвета и размером с ягненка. Её крупная чешуя поблескивала, отражая солнечные лучи, а движения больших плавников были плавными и уверенными.

Уголки губ Ахани удовлетворенно поползли вверх, правая рука с зажатой стрелой тоже очень медленно двинулась в том же направлении.

Юноша уже чувствовал во рту сочный вкус рыбьего мяса, зажаренного на углях и думал на сколько дней пути хватит этой большой рыбины, если ее засолить на солнце и как её надо будет тащить с собой. Нарезать и связать куски ее мяса и нести на спине или всё-таки как-то примотать их к поясу, или все же

забросить мясо на Даэва?

Рыба подплыла совсем близко к Ахани, так что почти касалась его колена. Юноша что есть силы обрушил правую руку со стрелой.

Взметнулись брызги. Костяной наконечник, насаженный на древко, вспорол водную гладь. Выбил пару чешуек на боку рыбины. Но та ловко увернулась и бросилась уплывать. Ахани с досадой закричал во все горло и нырнул вслед за ней, выставив стрелу перед собой.

Но опять лишь оцарапал несколько чешуек на ее боку. Рыба отпрянула и уплыла, победно и насмешливо извиваясь гибким откормленным телом.

Ахани вынырнул. Повязка на его плече намокла и на ней проступило пятнышко крови. Разочарованно мотая головой, он побрал на берег. Даэв встретил его ржанием и нетерпеливым топотом копыт.

Сейчас Ахани был похож на водного бога. Мокрый и весь облепленный темно-зелеными водорослями, юноша был весь блестел от воды. Тёплые обильные струи стекали с длинных волос, так что на камнях за ним оставались мокрые отпечатки босых ног.

Быстро схватив лук, Ахани наложил на него мокрую злополучную стрелу. Растянув потрепанную тетиву, он какое-то время ждал, наблюдая за небом и осторожно отступая от воды. А затем прищурился и выстрелил. В небе жалобно пискнула чайка и как камень рухнула вниз. Ахани побрел за ней.

Позже, когда угли в маленьком костерке догорали, а юноша обглодал последнюю птичью косточку, он удовлетворенно вытер пальцы о траву.

- Пойдём, Даэв, - обратился к коню Ахани, натягивая одежду и сапоги. - У нас еще долгий путь.

Конь одобрительно заржал в ответ. И они пошли дальше на юг, огибая озеро по каменистому берегу в сторону густых белых облаков.

Когда Сурья уходил к себе домой, небосвод стал темнеть и на нем уже зажигались первые звезды, Ахани облюбовал место для ночлега - небольшую поляну между больших глыб, сокрытую от ветра и посторонних глаз. Озеро осталось далеко позади и снова превратилось в узкую реку. Уютная долина заканчивалась и переходила в маленькую извилистую низину, зажатую между крутобокими, усыпанными камнями холмами.

Ахани всю дорогу собирал сухие ветки и теперь соорудил из них скромный костер. Быстро поджарив на огне подстреленного зайца, юноша подкрепился. Затем завернулся в накидку, разгреб

мелкие камни до ровной поверхности для удобного сна и лег под тёплый бок Даэва.

Тихо потрескивали догорающие угли, а в небе перемигивались сотни звёзд и плыли редкие, кажущиеся черными облака, когда уставший юноша, привыкнув за день к легкой ноющей боли из ран, пытался забыться во сне.

Мысли о его родных, сгинувших в неизвестности, как дурман, завладели им. И он корил себя. За то, что так легко поддался на обаяние и притворную дружбу Анхры. За то, что дал обмануть себя её хитрым речам. Поверил ее чарующей красоте.

Ахани обвинял себя в мыслях и зубы его слегка скрежетали от обуявшей его злости, дыхание в горле перехватывал комок, не пропускающий воздух. Кулаки его сжимались до белеющих костяшек.

О если бы он не выпил тот дурманящий настой из рук Анхры! Тогда все было бы по-другому! И его деревня была бы жива! И все были бы живы и счастливы!

Он стегал себя этими мыслями как плетью и слезы проступали на его глазах.

А теперь кто знает, живы ли его отец и братья? Ахани все никак не мог признать для себя из какого пепла состоял тот холмик посередине его родной деревни. И все убеждал себя, внушал сам себе надежду, что отец и братья живы, что они просто отступили или ускакали за помощью. Что вот-вот они вернутся и приведут с собой сотню сильных воинов. Что отыщут Мартана и вырежут ему сердце. А подлую Анхру заставят вечно служить им, работая в поле.

И конечно вернут матушку и сестренку. И милую Хини. И снова все будут счастливы.

Эти мысли не давали покоя и сна. Горечь обиды душила. Кулаки сжимались, срывая траву, и сильно стучали по земле в досаде.

Так текло ночное время. И бледный Сома в небосводе казалось закручинился и чуть похудел. Ночь была полна звуков. Откуда-то изредка кричал филин и еще реже докатывался отдаленный смех шакала. Потрескивали ночные насекомые, иногда свистели землеройки.

Ахани наконец-то уснул. Ему снились родные. Сестренка Савитри со слезами на лице звала брата. И Ахани рвался к ней, но что-то мешало ему идти. Казалось сам воздух загустел, а ноги его были тяжелы, как будто к ним привязали камни и никак не мог Ахани сдвинуть их с места.

Очнулся юноша от тихого шороха и резко открыл глаза. Не сразу пришел он в себя после тяжелого сна и долго думал где он.

Вокруг все также властвовала ночь. Но близкий шелест травы разбудил чутко спавшего юношу.

Ахани вздрогнул. Рука его обхватила рукоять кинжала и тихо достала его из ножен. Лунный свет отразился от зеркальной остро отточенной грани. Даэв, ровно и глубоко дыша, спал рядом с другом. Затем шорох повторился и чуткий конь встрепенулся.

Ахани же приподнялся на локте и стал настороженно всматриваться в полумрак теней, падающих от больших глыб, возле которых они устроились на ночлег. Поляну заливал тусклый свет луны. Но в вязкий сумрак лучи её не проникали. Оттуда и доносились короткие тихие шорохи.

Ахани услышал мягкие хлопки сильных крыльев высоко над головой. Большая тень пронеслась по черному небосводу, заслоняя собой россыпи ярких звезд, и пропала из виду на фоне громады высокого холма.

- Уху! Ух! - негромко донеслось оттуда, зажглись и погасли большие круглые глаза и Ахани узнал в птице филина, что вышел на ночную охоту.

Подозрительные шорохи, разбудившие юношу, прекратились и Ахани через некоторое время начал клевать носом, пальцы, сжимающие кинжал, ослабели.

Казалось неведомая опасность в тени исчезла. Да и какую она могла представлять угрозу? Если бы это был хищник, то он бы уже давно напал, а так пошуршал по кустам, побегал. Да мало ли кто там мог быть! Может и просто крот или суслик.

Так рассуждал юноша и мысли его становились все медленней. Веки открывались все реже и очень скоро он снова спал, сладко посапывая.

Снилось Ахани что он летит. Высоко-высоко над землей в ночи. Ветер свистит в ушах и слезит глаза. Внизу проносятся бесконечные холмы, все заваленные камнями от бурого до черного окраса, разных размеров и форм, больших и маленьких, гладких и крутобоких, и рубленых, и разбитых, и рассыпанных, как будто боги как малые дети резвились с ними, расшвыривая на сколько хватало взора, от горизонта до горизонта.

Проносились маленькие рощи с низкими деревцами, извилистые речки с белодымными порогами, большие и маленькие озера, трепетно отражающие россыпи звезд над собою, бурлящие водопады с белесыми туманами, стада скачущих оленей и стремительных диких лошадей, стаи суровых серых кабанов и рыщущих волков, луга желто-зеленой травы.

Все это ярко освещено лучами Сомы. Ахани почувствовал свои раскинутые руки. Но они не были руками. То было два крыла покрытых песочно-черным оперением. И он летел держа их

на воздушных потоках, так как будто умел это с рождения.

Крылья его не вздымались и не хлопали - они ровно поддерживали тело юноши, плавно скользя по ветру. И ноги его были вовсе не ноги, а короткие оперенные лапы с черными изогнутыми когтями. И был он больше не человеком Ахани, а сильным и грозным филином.

Свой полет летучий хищник завершил большой петлей над родной деревней Ахани. И была она еще жива тогда. В нее только-только врывались, спускаясь полукругом с окрестных холмов, хладнокровные суровые всадники с оружием наголо, яростно свистя и крича для устрашения.

Ахани птичьим взором видел как выбегают им навстречу из его родных и таких знакомых юрт полуголые взъерошенные мужчины с саблями. Как отмахиваются, подныривают под вражеские копья и ятаганы, как режут ноги коням с брызгами горячей дымящейся крови. Всадники кубарем скатываются с раненых коней, но не успевают даже подняться с земли, как их встречают женщины селения и последнее что они видят - это длинные вороненые кинжалы, летящие в их лица.

Но всадников больше. Гораздо больше. И один за другим падают израненные защитники деревни, а на женщин издалека и ловко накидывают петли и валят с ног древками копий, и обезоруживают, и тащат, яростно стонущих и сопротивляющихся, к центру деревни.

Затем Ахани-филин увидел отца, грозно и размеренно машущего длинным обагренным копьем. Перед ним билась в конвульсиях гнедая лошадь с перерезаными ногами, а ее всадник, проткнутый и выбитый из седла, уже не шевелился. Подлый ночной разбойник поплатился за дерзость и лег в пыльную землю рядом еще с четырьмя его же товарищами.

Тела врагов вперемешку с лошадьми громоздились бесформенной кучей, а земля под ногами Дакши была вся блестящей от крови. Два его сына, Брани и Стори, стояли по бокам у отца, защищая его спину. Мать, сжимая длинный кинжал, охраняла вход в юрту. Сави видно не было, похоже девочке строго-настрого приказали носа не казать на улицу.

Опешившие от такого яростного сопротивления, ночные разбойники уже не так резво лезли на рожон, огибая опасную троицу и устремляясь дальше к центру деревни. Но вот снова еще двое всадников одновременно решили попытать удачу и устремились на защитников, махая ятаганами и подбадривая себя улюлюканьем и свистом.

Одного из них свалил Стори. В этот раз он пожалел взмыленную лошадь и просто увернулся от свистнувшего

изогнутого ятагана разбойника и, выбросив правую руку с узким мечом вверх над собой, воткнул лезвие нападавшему прямо в подмышку,в щель между стальными пластинами, да так что оно погрузилось туда наполовину, а острие вышло из его правого плеча, поддев вверх лисью шапку нападавшего. Тот взвыл от боли и опрокинулся навзничь на спину лошади, поливая ее кровью, и меч Стори выскользнул обратно.

Второго разбойника снова насадил на свое копье Дакша, привычным уже движением выбив того из седла. Очередной незадачливый грабитель, скуля и вцепившись в древко копья, торчащее из его живота, как куль шмякнулся рядом со своими приятелями и сразу же отправился к Яме - богу смерти и повелителю царства мертвых.

Тут свистнули стрелы. Ахани, кружа над родной деревней, в которой звенел бой, птичьими глазами видел как к его родным не торопясь подъехал Мартан в окружении трех мощных воинов и те разом достали из-за спин короткие мощные луки. Они натянули тетивы и одновременно спустили их.

Братья успели махнуть мечами. Брани резким движением лезвия разрубил направленную в него стрелу пополам, а Стори просто клинком отклонил полет своей смертоносной стрелы и та вонзилась в землю неподалеку от него. Отец же был без меча и потому стрела, направленная ему в грудь, оцарапала подставленное им копье и вонзилась в его левое плечо.

Дакша зло усмехнулся. У Ахани закружилась голова от ярости, гнев затопил его разум, а рот, теперь ставший черным изогнутым клювом, издал злобный совиный крик.

- Аахр! - звонко раздалось высоко в небе.

Все еще высоко кружа по ветру над местом нападения, юноша увидел как к его юрте, стремительным шагом идет Анхра, спускаясь по холму меж серых валунов и сжимая в левой руке тонкий длинный меч. Лезвие светилось бледным сиянием.

Острие клинка она держала небрежно и тот часто царапал подножные мелкие камни, со скрипом высекая из них искры. Некоторые из этих искр падали на сухую траву и оттуда начинал подниматься легкий дымок.

И чем дальше шла Анхра, тем выше становились струйки дыма за ее спиной и некоторые из искр уже превращались в языки пламени. Сверху для взора Ахани казалось, что огненная змея извивается за стремительной девушкой.

Шаг ее был похож на бег, но с прямыми ногами, так быстро она шла, переставляя часто и мягко ступни, обутые в мягкие кожаные сапожки. С каждым быстрым движением ее стройных ног вздымался подол длинного до лодыжек темно-красного платья и

плащ ее трепетал за спиной движимый ветром. Развевались длинные черные волосы, а прекрасное лицо было сосредоточено, изогнутые брови сведены к переносице в задумчивости, уголки чувственных губ подрагивали в легкой полуулыбке, казалось в предвкушении вкуса крови.

Подойдя к юрте с задней стороны, девушка умело и молниеносно взмахнула мечом снизу вверх и легко вспорола ткань жилой хижины.

- Сави! Беги! - хотел крикнуть взволнованный Ахани, но снова птичий клюв издал высокое, режущее слух. - Аахр! Аар!

С этим криком взмокший и часто дышащий юноша сел на траве, ошарашенно озираясь по сторонам и лихорадочно сжимая рукоять кинжала. Сон был настолько реальный, что казался явью. Даэв рядом зашевелился.

- Уху! Ух! - снова донеслось из темноты.

Ахани посмотрел в сторону раздавшегося крика, пытаясь разглядеть филина, но ночь была темна и птицу совсем не было видно на фоне высокого склона холма.

Возможно пернатый хищник сидел совсем недалеко и наблюдал за Ахани и конем или же высматривал землероек или сусликов, но зачем тогда так явно выдавать себя криком, ведь они всегда тихи на охоте?

- Манью, - произнес глухой мелодичный голос с другой стороны поляны за спиной Ахани и юноша резко обернулся.

Это была она. Та же девушка, что только что видел он во сне. Та, которая поджигала его родную деревню и пыталась найти его сестренку, которая опоила его и бросила на гибель.

Сначала невысокий женский силуэт обозначился в полумраке теней на фоне больших валунов, а затем и сама она, бесшумно ступая и казалось не приминая травы, вышла на залитую лунным светом поляну.

Теперь Анхра также твердо и уверенно смотрела на него, ошалело сидящего на земле, как и в то мгновение, когда стоя рядом со своим братом Мартаном над одурманенным юношей, решала жить ему или умереть. Девушка сжимала меч с серебряной рукоятью и слегка изогнутым лезвием изящной левой ладонью.

- Ахани, тебя легко найти как глупого теленка, - с грустной улыбкой проговорила девушка, склонив голову и пристально глядя на юношу. Ее огромные черные глаза казалось совсем не мигали. - Как ты заслужил помощь Рудры?

- Манью? - вопросом на вопрос ответил опешивший юноша и легко вскочил на ноги, чувствуя как злоба сжимает кулак с кинжалом. - Что это? И где моя семья?

Верный Даэв также резво поднялся на ноги и зло заржал. Юноша, тяжело и коротко дыша от ненависти и обиды, встал насупившись и зло склонив голову, всего в паре шагов от Анхры.

- Ауху! - снова раздался из темноты голос филина.

- Это мое второе имя, - ответила Анхра-Манью и мгновенно ткнула кончик лезвия в грудь юноши, выставив перед собой левую руку. - Но ты должен ответить мне о Рудре!

- Ничего я тебе не отвечу, подлая чужестранка! - с жаром выпалил Ахани. - Это ты мне ответишь за все зло! Своей кровью!

- Прошу тебя, не гневись так быстро! - с легкой грустью быстро прошептала Анхра. - Ведь ты ничего не знаешь!

- С твоей матерью и сестрой все хорошо! - продолжила она. - И если твой брат придет и преклонится перед Мартаном, то они получат свободу, как и обещано.

- А что стало с моим отцом и братьями? И Хини? - с тревогой вопросил Ахани. Он почти не обращал внимания на легкую боль в груди.

Даэв, изредка вхрапывая и мотая длинной густой гривой, чутко прислушивался к чарующему, новому для себя, голосу.

- Вот это мне неведомо, - Анхра разочарованно мотнула головой и сквозь волну её угольных взметнувшихся волос вспыхнула в лунном свете большая серебряная серьга с вдетым в неё жемчугом. - А вот что за Хини? Уж не та ли это гордячка, что все защищала твою сестру? Она сполна ответила за свою дерзость!

- Что вы с ней сделали? - казалось Ахани потерял остатки разума от негодования и вскричал, подавшись вперед.

Даэв, услышав громкий гневный крик друга, заржал и взвился на дыбы, как грозная черная туча. Он легко оттолкнул Анхру и чуть не опрокинул ее наземь.

- Аах! - разбойница, раскинув руки, еле удержалась на ногах и проехалась сапогами по скользкой от росы траве. Она закрыла лицо свободной от меча правой ладонью и, шипя от боли, пригнулась.

Ахани ошарашено взглянул на взбешенного Даэва и принялся успокаивать его, гладя по холке, шее и длинной черной гриве.

- Спокойно, Даэв, тише, - мягко приговаривал он и размеренно проводил ладонью по подрагивающим густым волосам коня. Даэв тихонько всхрапывал в ответ и мотал головой.

Бледный Сома, уже чуть похудевший, с безразличием взирал на все происходящее внизу с черного небосвода, начинающего краснеть с краешка в ожидании Сурьи. Все жены Сомы так же оживленно перемигивались, а его любимая супруга Рохини даже

пустила короткую свою слезу - падающую звезду в сторону обиженной Анхры.

Девушка разогнулась и отняла ладонь от лица. Пухлые губы ее дрожали в гневливой и обиженной гримасе, нижняя была разбита и из неё сочилась темная в лунном свете кровь. Взгляд её был тверд и казалось чёрный туман клубился в больших зрачках.

Тонкая черная струйка, как маленькая змея, стекала из уголка её рта по изящному белому подбородку вниз, дальше по белой шее и ныряла в высокое декольте.

А затем неожиданно Анхра начала смеяться. Сначала смех её был робкий, как тихие переливы маленького ручья, прыгающего по камням, но постепенно он рос и набирался сил, подобно полноводной быстрой реке, и вот она уже весело смеялась, запрокинув голову.

Одновременно с ее смехом, длинная тень что отбрасывала ее стройная фигура, извивалась и росла, увеличивалась в размерах и постепенно начинала заполнять поверхность поляны.

Тень девушки расширялась и поглощала под собой траву, камни и мелкие кусты, сливалась с полумраком под большими валунами, что окружали поляну и Ахани становилось не по себе. Юноша изумленными глазами наблюдал за происходящим, не переставая успокаивать коня.

Когда смех прекратился и девушка вновь стала серьёзной, то меч её с шелестом вернулся в ножны.

Анхра подняла открытые ладони, обращенные к черному небосводу, и тень её, уже заполнившая собой почти всю поляну, внезапно потянулась обратно к хозяйке, устремилась к ней на руки, словно два черных дымных ручейка.

Тени, влекомые к бледным и тонким пальцам, скручивались и переплетались между собой в воздухе, образуя круглое тугое облако непрерывно движущихся темных туманных струй, наподобие клубка чёрных змей.

Когда на поляне не осталось больше ни одной тени и все они собрались в живой, непрерывно пульсирующий шар, парящий в воздухе, Анхра оторвала взгляд от сотворенной ворожбы и пристально посмотрела на изумленного юношу.

- Прости меня, Ахани! - мягко произнесла колдунья. - Но я должна это сделать!

С этими словами девушка развела ладони и клубок, не удерживаемый больше ничем, упал на землю, с черными брызгами и тут же зашипел, меняя форму.

Теперь Ахани смотрел на большую кобру, в которую превратился клубок теней и холодок пробежал по его спине. Костяшки пальцев, сжимающие рукоять кинжала, побелели.

Анхра, заведя руки за спину, сделала два шага назад и вбок, предоставляя сотворенной змее свободу действий.

Та стала шипеть и раскачиваться, надув черные полукруглые пазухи. Взгляд маленьких глаз змея не сводила с замершего перед ней человека и часто из её рта высовывался острый красный язык.

Кобра извивалась и вила кольца по земле влажным хвостом и голова ее раскачивалась на одном уровне с юношей. Часто разевая пасть, она показывала парню два длинных изогнутых клыка, с которых капала слюна.

Ахани обхватил рукоять кинжала обеими ладонями и выставил острие перед собой. Кобра, увидев это движение, не стала долго выжидать и бросилась на человека, шипя и широко разинув пасть. Юноша как будто погрузился в затхлую болотистую влагу. Лезвие кинжала не встретило никакого сопротивления. Змея из теней оказалась мороком, иллюзией и пролетела сквозь парня, обдав его прохладным, плохо пахнущим ветерком.

Зато оказавшись за спиной Ахани, кобра неожиданно обрела плоть и вонзила клыки в шею Даэва.

Конь заржал от боли, а резко обернувшийся юноша полоснул кинжалом по призрачной змее. Кобра развалилась на десятки теней и они пролились черной водой, исчезнув между трав и камней.

Из-за холмов показался Сурья и стало светло. И снова он не заметил куда и когда пропала Анхра. Ахани встретил первые лучи солнца, сидя на холодной земле. Голову Даэва юноша положил себе на колени. Изредка он гладил коня по лбу, погружал пальцы в его густую гриву. И невидящим взглядом смотрел на восход солнца.

Недавно Даэв пофыркивал и часто дышал, иногда его ноги подергивались, но теперь дыхание его прервалось и карие влажные глаза смотрели на Ахани, не моргая.

Глава 4.

Высокий юноша быстро шел вверх по длинному пологому склону. Мех его волчьей накидки, больше похожей на короткий плащ, мягко перебирал встречный влажный ветер. Ярко освещал землю Сурья, но его тепло уже почти не долетало до Ахани. Все тепло забирали себе пронизывающие насквозь, хладные дуновения с высоты холма.

За передвижением человека, кружась в небе, наблюдал суровый орел с песочно-черным оперением и загнутым клювом. Уютная извилистая долина, по которой прошел Ахани,

закончилась и уперлась в огромную гору, что закрывала почти весь небосвод. Травы на склоне почти не было и после каждого шага Ахани из-под его ступней со стуком выскакивали россыпи серо-бурых камней и, весело подпрыгивая, скатывались вниз.

Склон был длинным и помогите, на краю его в вышине плыли плотные как деревенские барашки, надутые облака и струился неясный туман.

Ровно и мерно дыша, Ахани неутомимо шагал и шагал вверх. В редкие моменты его сапоги начинали скользить и съезжать вниз по спинам гладких камушков, которые журча и переговариваясь перестуками, скатывались вниз по склону, огибая островки пожухлой травы, большие выступы скал и торчащие то тут, то там разноцветные глыбы и валуны.

Тогда Ахани хвастался за первое, что попадалось перед глазами, будь то иссушенная ветка кустарника или же острый выступ камня, и останавливал скольжение. Упорства было много и юноша снова принимался карабкаться вверх, огибая скользкое место.

Далеко внизу остался его уснувший друг Даэв. Ахани часто вспоминал коня и в эти моменты начинало болеть горло и встречный холодный ветер дул в его глаза до слез.

Когда это происходило, юноша с удвоенной скоростью принимался шагать вверх. Часто для того чтобы продолжить движение, Ахани приходилось перешагивать, перепрыгивать, перелазить и вскарабкиваться на большие каменные глыбы, которых становилось все больше да и размеры их все увеличивались.

Молодой арий шёл как исступленный, но мысли его были совсем о другом. Взбираясь на вершину очередного валуна и на ощупь выискивая на гладком холодном боку какую-нибудь выемку, юноша думал об отце.

Он гадал, был ли вчерашний сон провидением? Неужели боги приоткрыли ему знание, которое так жаждал он узнать или же это было хитрое колдовство Анхры, которая была тогда неподалеку от него?

Еще Ахани все думал, что же могло случиться после того как Мартан со своими дружками подъехали к его отцу и братьям, после той стрелы, что вонзилась отцу в плечо и после того, как хитрая Анхра проникла в их юрту, вспоров задний полог.

А те слова подлой колдуньи о наказании для милой Хини. Что могли они сотворить с его веселой подругой? Думая о Хини, Ахани шмыгал носом и мотал головой, отгоняя грустные думы. Сердце сжималось и дыхание перехватывало, когда образ милой вставал перед его мысленным взором.

Ахани вспоминал тот их последний короткий разговор на окраине деревни, как стояла горделиво Хини и взоры уходящего Сурьи были нацелены на девушку. Как подсвечивало солнце нежно-алым цветом её длинные светлые волосы, а в больших голубых глазах Хини весело плясали хитрые огоньки и маленькие пухлые губы её дрогнули, когда схватила она Ахани за мизинец.

При этом воспоминании юноша поднимал правую ладонь и вглядывался в неё, потому что странные ощущения, которые впервые появились от теплого прикосновения Хини, возвращались туда и раскатывались жаркими волнами по всему телу, заставляя землю под ногами кружится.

Зная гордый характер подруги, Ахани все гадал что за наказание досталось ей от Мартана. Он отдал бы все на свете, чтобы оказаться рядом с ней и помочь, заступиться и защитить. Но вспоминая их детские игры, думал что Хини сама защитит кого угодно, а уж мимо несправедливости не пройдет никогда и сама может надавать тумаков.

Он мысленно, а иногда и шепотом взывал к мудрому Варуне, чтобы тот помог им увидеться снова с ней и любимой семьей, матерью, отцом, братьями и сестренкой Савитри.

Иногда юноша думал об Анхре и ее странных словах. В её извинениях прошлой ночью он не почувствовал обмана и теперь размышлял о том, что могло вынудить колдунью на этот злой поступок. Неужто подлый брат заставляет свою сестру так поступать?

Одинокий орел, до этого кружащий в небе над Ахани, издал боевой клич и камнем рухнул вниз. Уже возле земли крылья птицы с громкими хлопками замахали и орел снова поднялся над землей, держа в цепких изогнутых когтях трепыхающуюся землеройку.

Ахани, увидав эту охоту, вспомнил что ел он последний раз вчера, но мысли о еде почти не посещали его, все его помыслы были заняты уснувшим Даэвом и неизвестной судьбой его семьи.

Недолгое время порыскав по окрестным валунами, юноша углядел только пригревшегося на нагретом камне большого и толстого ужа.

Позже он развел маленький костерок в небольшой покрытой мхом впадине и ел жареное змеиное мясо.

В это же время, пока Ахани кушал в южных предгорьях, немного севернее по холмистой равнине что есть силы скакала белая лошадь.

Кобыла была высокой, молодой и сильной. Ни капельки жира не было под ее белоснежной шкурой и только мышцы

рельефно выделялись на длинных бедрах.

Белоснежные грива и хвост кобылы развевались по ветру. Мощные копыта высекали искры и с корнями выдирали траву при каждом ударе о землю. Ноздри лошади широко раздувались, выдыхая большие клубы пара.

Животное неслось во весь опор и казалось ни одна из живущих лошадей не могла сравниться с ней в скорости.

Всадница быстроногой кобылы уверенно сидела на ее спине, накрытой овечьей шкурой, и сильно прижималась стройными бедрами к бокам животного. Черноволосая девушка почти лежала на шее лошади, обхватив её руками.

Худое лицо Анхра прятала в густой белой гриве, пытаясь найти в ней спасение от дыхания Ваю, но от этого было мало проку. Колючий воздух все равно проникал туда, немного мешал дышать и сильно слезил её большие чёрные глаза.

Соленые слезы текли по ее впалым щекам, от чего девушке становилось немного прохладней и обнаженные кисти рук покрывались мурашками.

Рана на нижней губе колдуньи, оставленная конем, запеклась и немного саднила. Но Анхра не обращала внимания на эту лёгкую боль.

Взор ее был прикован к поверхности земли, что быстро летела под копытами лошади. Казалось она что-то выискивала и пыталась высмотреть заплаканными опухшими глазами среди пролетающих трав и камней.

Лошадь скакала на север по склонам холмов, то взбираясь на их плешивые каменные вершины, откуда открывался захватывающий дух вид на зеленые волны предгорий, простирающихся до самого горизонта, то снова ныряя в слегка сумрачные их подножия, где в заполненных молочным туманом оврагах жили таинственные апсары. На ходу животное огибало редкие заросли низкорослых кустарников и многочисленные серо-коричневые россыпи камней.

Время летело вместе с кобылой, но вот наконец Анхра разглядела впереди на земле маленький кустик и, нагнувшись, на ходу сорвала его. Между ее длинных цепких пальцев остались несколько маленьких зеленых листьев с белыми прожилками и комочками земли.

Сжав растение в кулаке, девушка поднесла его к губам и закрыла глаза.

- Манью брахрор, - еле слышно прошептала она глухим голосом, быстро выдохнув, сунула пучок в рот кобыле и сильно ткнула пятками ей в живот. - Вперед, Марута!

Лошадь привычно приняла подношение и быстро прожевала

траву. После чего глаза её вспыхнули зеленым светом и тут же подернулись черной поволокой. Кобыла громко заржала и ноги ее побежали ещё быстрее, да так что Анхра снова пригнулась к гриве.

Беловолосый Сурья, что провел весь светлый день на бирюзовом небосводе, в вечной погоне за своей любимой красавицей Ушас, уже добрался до края земли и на смену ему прискакали братья Ашвины в золотой повозке. Эти близнецы всегда появлялись дважды в сутки перед закатом и перед рассветом, но сегодня их веселое настроение испортил грозный Варуна, появившийся с севера.

Анхра - Манью знала что Варуна суров и справедлив, и никогда не приходит без надобности. И раз он пригнал за собой стаю грозных туч, то ждет ее наказание за убийство коня Ахани.

Быстроногая Марута стала сильно забирать в сторону, опасаясь ярких вспышек на краю земли. Девушка зябко поежилась, но затем решительно, сжав в кулаках пушистую гриву, направила лошадь в нужное направление на север, прямо на клубящиеся там со всполохами молний черные тучи.

Она уже давно и ничего не боялась. Будь что будет! Колдунья понимала, что совершила ужасный поступок, но он был уже далеко не первым и потому в груди ее болело все меньше. С каждым обманом или смертью Анхра становилась все спокойнее и равнодушнее, казалось что частички ее души отмирали вместе с совершенным грехом.

Анхра - Манью с надеждой смотрела на бурю. В глазах ее застыло отчаяние, казалось все ее существо молило мудрого Варуну о понимании и спасении. Об избавлении от мук. О свободе. Но если же нет - тогда о быстрой смерти.

Так думала прекрасная колдунья, а послушная Марута несла хозяйку на грозовые всполохи.

Буря быстро приближалась и первые холодные капли уже долетали до Анхры, падая с небес на ее обнаженные руки. Тысячеглазый стремительный Ваю казалось никогда еще не был так силен, как сейчас. Его леденящее дыхание с бешеной скоростью трепало черный плащ колдуньи, обитый лисьим мехом, с такой силой что одна из завязок плаща лопнула, а вторая, застегнутая крупной серебряной брошью в виде змеи, впилась в горло Анхры, лишая ее дыхания.

Плащ трепетал с громкими хлопками. Длинные волосы колдунья перевязала красной веревочкой с янтарем, собрав их в хвост, чтобы бешеный Ваю не выдернул их.

Марута уже не могла сопротивляться ветру-Ваю и медленно брела на север, склонив голову к земле. Каждый шаг давался

лошади с трудом, ноги ее дрожали от напряжения при движении.

Дождь усиливался. Пелена черных туч достигла Анхры. Дышать стало невозможно. Да и глаза колдуньи были открыты всего чуть-чуть и она почти ничего не видела перед собой, кроме неясных черных теней и близких ярких вспышек.

Скоро докатились могучие раскаты голоса Индры. Царь богов и всей Вселенной пришел вместе с Варуной. Его молнии били о землю на севере. А это означало что выжить колдунье вряд ли посчастливится.

Но Анхра была сильна духом и приняла единственное решение. Она соскочила с лошади. Мягкие сапоги ее сразу заскользили по скользкой влажной траве и мгновенно пропитались водой. Намотав поводья на левую ладонь, а правой прикрываясь от режущих глаза капель, девушка потащила лошадь в расщелину между валунами, что приметила совсем недавно. Марута послушно побежала вслед за хозяйкой.

В расщелине они уселись на землю. Дождь и ветер тоже проникали сюда, но не с такой яростью, как на открытом месте, а искать более подходящее укрытие времени уже не оставалось.

Индра приближался тяжелыми шагами. От грохота у Анхры закладывало уши, так что она зажала их ладонями и, сидя на коленях на мокрой траве, нагнулась к земле. Лошадь последовала ее примеру, хотя спасти свои уши не могла и потому испуганно и жалобно ржала, не переставая. Но Анхра видела только ее открытый рот, два ряда крепких зубов и огромные глаза, молящие хозяйку о спасении.

В ушах колдуньи остался только гул. Дождь с неба лился уже сплошной стеной. Анхра промокла и вода вокруг подступала к ней. Казалось Индра с Варуной решили потопить колдунью в наказании за ее грехи. Но девушка оставалась спокойной и ждала своей участи, сидя на коленях.

Вода быстро поднималась и скоро уже Анхра была по колено в ней. Земля тряслась, потому что Индра был совсем рядом. Частые вспышки ослепляли девушку и прижатые ладони не спасали от голоса разгневанного вселенского бога.

После очередного яростного крика Индры, который раздался над головой колдуньи ночную буйную темень прорезала ослепляющая вспышка. Молния расчертила чёрное пространство и с грохотом ударила в верхушку валуна, под которым пряталась девушка. Сверху на спины прятавшихся посыпался оплавленный щебень.

Анхра - Манью начала терять сознание, из ее правой ноздри потекла струйка крови, зрачки закатились и она отняла одну руку от уха и оперлась о землю. Рука ее погрузилась в холодную воду

по локоть. Колдунья разинула рот, глотая воздух как выброшенная на берег рыба. Мир вокруг нее кружился с неистовой скоростью, а затем исчез. Рука ее подогнулась и Анхра рухнула в воду, подняв тучу брызг.

Испуганная лошадь уже никак не отреагировала на падение хозяйки, а только мелко дрожала, ничего не слыша вокруг. Из воды было видна половина лица девушки, глаза ее были закрыты.

Буря стихла почти мгновенно. Дождь прекратился, а тучи развеялись и только большие лужи да частая капель с камней и веток напоминали о ней. Всю местность вокруг осветил худеющий Сома со своими женами.

Рядом с бесчувственной Анхрой на большом и ровном поле, с той стороны куда всегда уходит Сурья, появились семеро всадников. Ехали они медленно и направлялись в сторону укрытия колдуньи.

Впереди на высоком гнедом жеребце сидел статный широкоплечий мужчина преклонных лет. Был он одет в темно-желтый балахон с позолотой, перехваченный красным крученым кушаком с бахромой на концах. Пушистые кисти его болтались до колен. Широкое смуглое лицо мужчины обрамляла аккуратная курчавая борода каштанового цвета. На голове был одет тюрбан, а к седлу его коня был приторочен тяжелый двуручный меч.

Лицо предводителя всадников было сурово, густые брови были сдвинуты над пронзительными карими глазами. Правил жеребцом он уверенно и крепко, сжимая поводья большим сильным кулаком.

Остальные его спутники были моложе и ехали за ним выстроившись полукругом. И чем дальше от предводителя, тем моложе были годами мужчины, сопровождавшие его. Но совсем юных среди мужчин не было, все они были средних лет, все сильны и суровы, многие со шрамами.

Одеты воины были разнообразно, но не ярко, в скромных одеждах, многие в легких кольчугах, иные в куртках с нашитыми пластинами и с большим количеством оружия. Были там мечи, ятаганы, алебарды, пики и даже тяжёлая двуручная обоюдоострая секира была приторочена к седлу одно из всадников.

Ехали всадники в тишине, не переговариваясь и даже не покашливая, словно опасаясь нарушить покой предводителя и вызвать его гнев, лишь тихо бряцало оружие да изредка фыркали лошади.

Копыта коней хлюпали и вязли на ходу в поле, перемешивая мокрую грязь с травой, после прошедшей только что грозы. Потому ехали тихие всадники неспешно.

Марута ещё издалека увидела неясные тени своих

сородичей и жалобно заржала. Затем поднялась на трясущихся ногах, из ушей ее текла кровь.

- Ахура! - обратился ближайший из мужчин к предводителю и указал на измученную белую лошадь. - Это ее кобыла!

Тот, кого назвали Ахурой, кивнул и вскоре уже всадники стояли возле лежащей Анхры.

- Манью! - грозный раскат голоса Ахуры прокатился тогда по ночной тишине. - Выйди и покажись мне!

Ответом мощному старцу было молчание.

К тому времени ночь потеплела и наполнилась криками животных, что выжили в ужасной буре и теперь, скрываемые неясной тьмой, рыскали по холмам и низинам, выискивая пропитание.

Ветреный Ваю сменил гнев на милость и теплыми мягкими движениями очистил ночной небосвод от остатков сердитых туч. Засияли довольные Сома и жены его.

Юная колдунья лежала на влажной грязной траве, раскинув руки, накрытая насквозь промокшим чёрным плащом. Бледное прекрасное лицо ее было обращено на запад, алые губы чуть приоткрыты и казалось она не дышала. Роскошные волосы после грозы превратились в черный рваный капюшон и обрамляли ее лицо прилипшими извивающимися прядями.

Крупные копыта гнедого коня остановились в трех шагах от тела Анхры, с громким чавканьем утопая в черной жиже. Сопровождающие Ахуру воины встали еще за пять шагов до него и молча наблюдали.

- Манью! - снова громко и грозно повторил Ахура. - Выйди и покажись!

Опять тишина была ответом, но теперь же по тонкому слою воды, в котором лежало тело колдуньи, побежала мелкая рябь. Из ноздрей ее и приоткрытого рта полился тусклый свет.

Тело Анхры под чёрным плащом зашевелилось и она, не открывая глаз, медленно перевернулась на спину. Голова ее запрокинулась и из открытого рта стал подниматься легкий черный дымок.

Всадники, сопровождающие старца зашевелились и зароптали, начало шелестеть металлом их оружие, но властный жест Ахуры - кулак вверх, заставил их притихнуть.

Мощный старец, не торопясь, с прищуром строгих глаз,наблюдал что произойдет дальше. Кони его свиты занервичали и зафыркали, и воины как могли тихо пытались их успокоить.

Тем временем темный дымок из открытого рта Анхры стал собираться в маленькое облачко над ее головой. Сама же девушка

оставалась совершенно безучастной и никак не реагировала на происходящее.

Глаза ее были закрыты и зрачки под веками не шевелились, не слышно было дыхания и грудь ее не вздымалась. Острый подбородок был запрокинут вверх, шея неестественно изогнута, руки раскинуты, а бледное прекрасное лицо побелело еще больше, как будто жизнь окончательно покинула ее.

Вскоре облачко стало приобретать очертания странного животного, похожего на огромного медведя стоящего на задних лапах. Рассеяный и полупрозрачный поначалу дым стал уплотняться, набираться чёрного цвета.

Чем дальше, тем сложнее казалось этому дыму было покинуть тело колдуньи, завитки его тянули рот и запрокинутую голову девушки вверх настолько, что приподняли ее плечи и лопатки над землей, а безвольные руки согнулись и уперлись локтями в грязную жижу под ней.

И скоро большие лапы с изогнутыми когтями, покрытые густым, блестящим, черным мехом ступили на мокрую траву по обе стороны от мертвенного лица колдуньи.

Широкие ноздри животного изрыгнули клубы пара, в зрачках его отразился свет луны. Подняв удлиненную морду, зверь негромко рыкнул, как бы проверяя голос.

Кони, стоящие полукругом к страшному медведю, в испуге заржали и попятились назад, некоторые из всадников с трудом удержали их от бегства.

Громадный зверь, стоявший над поверженной Анхрой, расправил широкие плечи, махнув длинными лапами перед собой, острые когти со свистом рассекли воздух и снова с шумом и паром он выдохнул воздух из ноздрей.

Гнедой жеребец почтенного Ахуры невольно подался назад, избегая острых как ятаганы когтей медведя, ростом зверь был с этого жеребца, а силой еще и превосходил. Воины за спиной Ахуры разом обнажили все свое оружие, но снова жест старца остановил их.

Начиная с бедер и до подбородка, чёрный медведь был закован в латы и кольчугу с крупными звеньями, такого же угольного блестящего цвета, как и его шерсть. На его голове красовался маленький облегающий шлем.

- Ты звал меня, Ахура Масда? И вот он я! - взревел медведь громким рыкающим басом, показав людям огромную пасть, забитую крупными острыми клыками.

Глава 5.

Ахани улыбался. Его ноги были легки и без устали несли вверх по склону. После еды, хоть она была и невкусная, но настроение юноши улучшилось, чёрные думы покинули разум и вся его судьба уже не казалась ему такой уж безнадёжной.

Да и чего горевать? Ведь его старший сильный брат Ману не так уж и далеко. И конечно он согласится вызволить мать и сестру из плена. Это ведь родная кровь!

Даже если верить половине россказней, что судачили родичи Ахани о его старшем брате, будто был он благороднее и сильнее любого из живущих мужей, то Ману должен просто разорвать подлого Мартана голыми руками, даже не прикладывая больших усилий.

А отец его и братья наверняка отыщутся! И Хини тоже! И все будет как раньше!

Такие мысли сильно радовали Ахани и он весело щурился и улыбался Сурье, уходящему за высокие серые утесы по правую руку от юноши . Белые плотные облака на южном горизонте, к которым он так стремился, казалось стали немного ближе. Воздух, проникающий в ноздри и горло, приятно охлаждал их.

Дыхание Ваю посвежело и юноша иногда зябко кутался в свою меховую потрепанную накидку и продолжал неутомимо шагать вверх по склону. Россыпи серых камней всевозможных форм и размеров шуршали и поскрипывали, обтираясь друг о друга гладкими боками, под подошвами Ахани и далеко разносилось эхо при каждом его шаге.

Большие валуны и глыбы все увеличивались в размерах и потому юноша перестал вскарабкиваться на них, чтобы не тратить время и силы, а просто пытался обойти.

Но огибая один валун, перед взглядом Ахани появлялся следующий, ещё выше предыдущего и закрывал он собой полнеба. Снова приходилось юноше петлять, обходить и эту глыбу, а после высматривать нужное направление подъема. Благо что густой туман, закрывающий собой южные горы, позволял юноше не сбиться с пути.

Так прошло полдня и Ахани сам не заметил, как оказался в облаках. Это произошло настолько медленно и постепенно, что когда взгляд юноши уже перестал различать очертания валунов на расстоянии десяти шагов, то понял что гора близко.

Вскоре туман, окружающий его стал еще больше сгущаться. Высокие утесы по обе стороны от юноши приблизились к нему и нависли по бокам, закрывая небо серыми потресканными громадами. Свет Сурьи потускнел, потому что снова он достиг края земли, так и не догнав свою любимую Ушас.

Предстояло ночевать на склоне и Ахани в быстро темнеющем тумане отыскал короткую расщелину между камней, укрытую от ветра, где и развел маленький костерок.

Небольшой кусок змеиного мяса шипел и шкворчал, насаженный на тонкую ветку, над трепещущими язычками желтого живого пламени. Жирные капли падали на раскаленные угли. Мясо обугливалось и постепенно покрывалось черной корочкой.

Костер был маленьким и едва освещал расщелину, тени плясали по серым гладким и кое-где потресканным бокам валунов и по лицу Ахани, превращая его в черно-желтую маску. Над головой, сквозь поднимающийся от огня легкий, слегка слезящий глаза, дым юноша видел небольшой кусочек чёрного неба с серебряными звёздами.

Ахани сидел на шершавом камне, закутавшись в свою волчью накидку, сглатывал слюну и изредка переворачивал ветку с насаженным на нее мясом. Кусочек был небольшим, все что припас юноша от обильного обеда. Но он вполне должен был утолить голод до завтрашнего дня, а там уж видно будет, может кто-нибудь вкусный и подвернется ему по дороге.

Кусок небосвода над головой парня на мгновение заслонила мелькнувшая черная тень. Под ноги юноши упали два мелких камушка. Ахани запрокинул голову, надеясь разглядеть кто это был, но тщетно. Вокруг только печально гудел ветер да потрескивали затухающие угли. Мясо было почти готово.

Но теперь юноше стало не до еды и он насторожился, ведь неизвестно что за зверь крутился рядом. Любимый кинжал с шелестом покинул ножны. Угли почти потухли, лишь слегка мерцали в темноте красными огоньками.

Глаза быстро привыкли к пустому полумраку вокруг. Ахани встал, наклонившись вперёд и полусогнувшись, крепко сжал рукоять кинжала, выставил его перед собой.

Медленно озираясь и стараясь не шуметь, он переводил взгляд то на один выход из расщелины, то на другой, то на мерцающее небо и почти соприкасающиеся вершины валунов над головой.

Казалось неведомый зверь ушёл дальше на свою ночную охоту. Вокруг царила тишина. Многие животные и птицы избегали этих голодных и пустых скал. Только легкое и прохладное дыхание Ваю петлявшее между скал оглашало безмолвие тихим свистом.

И в отличии от предгорий и долин, по которым шёл ранее Ахани, здесь на возвышенности было гораздо темнее из-за влажного слегка морозного тумана пришедшего с гор и осевшего

между крутых утесов.

Лучей Сомы хватало на то, чтобы осветить не более пяти шагов вокруг юноши, далее все терялось в густой белой дымке. Вот в стороне одного из выходов из расщелины зажглись и погасли большие зеленые зрачки.

Изогнутые глаза мелькнули всего на мгновение, но Ахани вихрем развернулся в нужную сторону. Холодок пробежал по его спине потому что хищные голодные глаза были большого размера. Бесшумно метнувшись вперед, юноша опустился на колени и приник к небольшому валуну, за которым его не было видно.

- Наверное этот зверь хорошо видит в темноте, - подумалось Ахани и он быстро вытащил свой лук из колчана за спиной, наложил стрелу и выпустил ее в темноту, туда где только что мерцали зловещие зеленые огни.

Стрела с костяным наконечником свистнула и исчезла в белой дымке. Ахани наложил новую и затаил дыхание.

Забытое поджаристое мясо лежало возле углей и, тихо остывая, пропитывало воздух аппетитным ароматом. Видимо этот запах и привлек большого хищника, что кружил сейчас в непроглядном тумане, окружающем расщелину, где затаился Ахани.

Юноша с досадой покосился на слегка мерцающие угли, самого же сочного куска змеиного мяса не было видно из-за опустившегося вслед за погасшим костром сумрака. В следующее мгновение левая ладонь Ахани погрузилась в эти угли и он яростно зашипел, когда тяжелое мохнатое тело рухнуло на его спину прямо с края скального выступа, закрывающего небосвод над расщелиной.

Зверь оказался тяжёлым и, утробно рыча, придавил юношу к земле всем своим весом. Острые когти его впились в плечи Ахани накрытые плотной меховой накидкой, челюсти лязгали, пытаясь добраться до его шеи сквозь толстый воротник.

При падении юноша ударился подбородком о камень и перед его глазами заплясали разноцветные всполохи. Мир вокруг закружился.

Лук отлетел в сторону, а левую ладонь сильно обожгло углями, видимо поэтому острая боль придала парню сил и он мгновенно нащупал кинжал и что есть силы взметнул его над головой, неестественно выгнув руку.

Горячее дыхание на его затылке сменил злобный гортанный рык переходящий в визг и зверь соскочил со спины юноши.

Ахани тут же поднялся, превозмогая боль и вращающуюся землю, крепко сжимая рукоять окровавленного кинжала.

Дикий зверь что крутился перед юношей, повизгивая от боли и неожиданности, оказался крупным и серо-черным с густой шерстью. Лапы его были сильными и мускулистыми, острые уши заканчивались забавными кисточками и сам он был похож на огромную кошку, размером с корову.

Ахани узнал в звере рысь, хотя даже не видал таких ни разу, а только слышал о них из деревенских баек. Ранение ее оказалось пустяковой царапиной и быстро оправившись от неожиданной боли, рысь снова обратила внимание на человека.

Тогда уже Ахани углядел под ногами злополучный кусочек мяса и, размахнувшись. швырнул его в туман возле огромной злобной кошки. Рысь проводила полёт мяса взглядом и метнулась за ним.

Из тумана раздались довольное чавканье, но совсем недолгое. Ахани же, воспользовавшись моментом, быстро подхватил свой лук с земли и стал отступать к выходу из расщелины, надеясь скрыться в тумане, пока рысь не вернулась.

Взобравшись на поверхность, он быстро зашагал в южную сторону. Во всяком случае, надеясь что идёт в нужном направлении, потому что туман с наступлением ночи сгустился еще больше, а звезд на небе почти не было видно из-за него же.

Юноша мог углядеть не более трех-четырех шагов вокруг себя, густая серая дымка окружала его со всех сторон, свет Сомы почти что не проникал сквозь эту вязкую пелену и его бледный лик был почти не виден. В правом кулаке парень сжимал кинжал.

Ахани быстро двигался вперед, стараясь мягко опускать ступни, с носка на пятку, чтобы не шуметь излишне, но камни все равно часто поскрипывали под кожаными подошвами. В гнетущей тишине эти скрипы разносились далеко.

Из встречного сумрака выплывали чёрные стены огромных валунов, Ахани приходилось двигаться вдоль них. Он шёл пригибаясь, мягкой пружинистой походкой, крепко сжимая кинжал и часто оглядываясь, все время ожидая кровожадного рычания за спиной.

Пальцы его левой руки скользили по влажному холодному камню. Лёгкий стук падающего щебня заставил Ахани вздрогнуть и обернуться. Сквозь туман тускло сверкнули уже знакомые зелёные зрачки.

Значит рысь всё-таки пошла по следу человека и была уже совсем рядом. Маленького кусочка мяса конечно же не хватило для ненасытной утробы такой крупной кошки и она решила полакомиться добычей покрупнее.

Вот только добыча оказалась из кусачих и уже нанесла рыси лёгкое ранение, потому теперь она стала аккуратнее и выжидала

удобный момент для нападения.

Рысь хорошо чувствовала четкий запах человеческого пота и видела в сгустившемся молочной дымке гораздо дальше юноши. Голод манил ее и тот мелкий кусок мяса лишь раззадорил ее аппетит. Кошка видела как, крадучись, добыча пытается сбежать от нее. А Ахани, зная что за ним началась охота, старался больше прижиматься к серому боку скалы по левую руку от него.

Мышцы юноши сильно напрягались, а взгляд блуждал по сплошной молочной пелене вокруг него, сразу же реагируя на любой редкий шорох, доносящийся оттуда.

Вот раздалось резкое гортанное рычание и из тумана позади Ахани взметнулось пушистое стремительное тело. Сверкая зеленым блеском изогнутых глаз, рысь мягко опустилась на землю рядом с человеком. Пасть ее с истошным воплем разинулась во всю ширь, засверкали изогнутые клыки , затряслись длинные кошачьи усы и кисточки на заостренных ушах.

Тяжелая крупная лапа с острыми когтями и маленькими черными подушечками со свистом рассекла воздух. Ахани отшатнулся назад и когти рыси пролетели там, где только что было его лицо.

Будь он чуть менее проворней, этот удар оказался бы гибельным. А так только клок волос срезали острые когти рыси. Тихо кружась, волосы опустились на скальную поверхность.

Ахани еще в движении махнул своим кинжалом, пытаясь одновременно увернуться от пушистой лапы и достать ее лезвием. Кинжал остро заточенным кончиком полоснул дикую кошку по лапе.

Брызнула кровь, взметнулись в воздух несколько ее мелких капель, окруженные горячим паром и кошка, яростно рыча отпрыгнула обратно в непроглядный туман. Ее длинный пушистый хвост при этом движении мягко задел юношу по лицу, обдав его приторным мускусным запахом.

Ахани развернулся и ускорил шаг. Он знал, что рысь сейчас зализет свою мелкую ранку и с новой яростью и обидой устремится за ним.

Холодная стена слева от юноши плавно изогнулась и повела его прямо в южном направлении, что придало Ахани бодрости и сил. Из туманной дымки справа выплыла другая скальная стена и приблизилась к спешащему человеку.

Проход, по которому почти бежал Ахани, стал сужаться и вскоре он уже мог достать противоположные отвесные стены скал раскинутыми руками. Свет Сомы еле проникал в эту расщелину, а

воздух в ней был затхлым и недвижимым.

Неизвестно куда вел этот узкий и почти прямой проход между двух отвесных скал, но выбора куда бежать у Ахани не было. Сзади за его спиной почти наверняка в неясной туманной дымке за ним спешила пушистая смерть на мягких лапах, впереди была не различимая в полумраке неизвестность и ни одного выступа по бокам, куда можно было бы взобраться наверх.

Бледный Сома плыл над головой запыхавшегося Ахани, безразличный и еле различимый сквозь влажный туман. Ступни юноши издавали мягкие шлепки при каждом прикосновении о твердую гладкую скалу под ногами.

Ахани спешил вперёд в неясный туманный проход перед ним, а сзади изредка доносилось мягкое постукивание острых когтей по гладкой скале.

Юноше приходилось часто оборачиваться, пальцы его правой руки, сжимающей кинжал, уже начало сводить от напряжения. Ожог на левой ладони тоже немного напоминал о себе тупым ноющим жжением.

Мышцы ног начинали уставать, да и голова кружится от постоянных оглядок назад. Рысь преследовала юношу и уже особо не таилась. Ее пылающие зеленым светом зрачки мелькали уже совсем близко от уставшего и голодного Ахани, изредка из тумана доносилось низкое порыкивание и негромкий скрежет когтей по камню.

Юноша перешёл на бег, в надежде оторваться от преследования. Но рысь тоже ускорилась.

Она хорошо видела в полумгле спину убегающей добычи, ее развивающиеся волосы, взгляд встревоженных глаз, оглядывающихся назад, клубы пара, вырывающиеся из ее приоткрытого, тяжело дышащего рта, поблескивающий опасный коготь, который причинил ей немало боли.

Но та боль прошла, лишь тихонько сочилась алая кровь из неглубоких порезов, а урчащие тянущиеся позывы в пустом желудке гнали дикую кошку в погоню с желанием настичь, напрыгнуть, вцепиться и разорвать.

Когда Ахани резко вырвался на простор, то замер от неожиданности. Стены расступились, в лицо дохнуло свежее дыхание Ваю, а скала под ногами закончилась.

Юноша замер, резко остановившись и размахивая руками, пытаясь удержать равновесие. Потому что бежать больше было некуда.

Он стоял на обрыве. Вокруг все застилал густой туман, лишь бледный лик Сомы неясно просвечивал сквозь него. Юноша чуть было не упал вниз, в такую же полутемную дымку, что и

везде и неизвестно что ждало его там.

Размахивая руками, Ахани с трудом вернул себе ровное положение и отступил на шаг от обрыва. Из-под подошв его сапог выскользнули несколько мелких камешков и скатились вниз. Звука от падения не прозвучало.

В следующее мгновение из полумрака за его спиной с тихим рычанием выпрыгнула рысь. Ее густую серо-черную шерсть в полете разметал ветер, белоснежные блестящие челюсти лязгнули рядом с лицом Ахани, а когти обеих лап впились в его плечи.

Юноша, запрокинув голову, закричал от резкой боли пронзившей его тело. Руками он инстинктивно что есть силы надавил вперед, пытаясь оттолкнуть свирепую кошку, но она всем своим весом навалилась на человека и повалила его с обрыва.

Уже теряя равновесие и не ощущая под собой опоры, юноша почувствовал, как лезвие его кинжала погружается в трепещущую мягкую шерсть и на кулак льется горячая липкая жидкость.

Человек и дикая кошка, сцепившись, рухнули с обрыва, рыча и шипя от боли и ярости. Их тела переворачивались и вращались в воздухе, ветер падения трепал сплетенную волчью и рысью шерсть.

Серебряный свет Сомы отразился на клыках воющей от боли злобной кошки. Ее разинутая пасть с длинными усами заслонила собой весь мир перед взором юноши. И это было последнее что увидел Ахани.

Ахура Масда, не торопясь и с достоинством, покинул спину своего статного гнедого жеребца, накрытую волчьей шкурой и ступил на землю. Конь заметно нервничал, фыркал и переминался на месте, со страхом рассматривая невиданное существо, что стояло перед ним.

Высокие темно-красные сапоги Ахуры наполовину погрузились в черную земляную жижу, в которую превратилась земля после прошедшей грозы.

Лицо пожилого мужчины было строгим и не выражало более никаких эмоций. Не было на нем ни страха, ни волнения, ни интереса.

Сильные ладони, покрытые старческими морщинами, сомкнулись на длинной рукояти меча, притороченного к седлу и вытащили клинок наружу. Ахура развернулся и широко расставив ноги, встал лицом к огромному медведю, что возвышался перед ним и поднял тяжелый и длинный меч перед собой, держа его двумя руками.

Тяжёлое дыхание закованного в черную броню медведя

колыхало не длинные седые волосы престарелого воина, стоящего перед ним. Плечи и длинные лапы с когтями вздымались и опускались в такт дыханию, клубы пара изрыгали широкие чёрные ноздри зверя, хотя погода была тёплой.

Человек и зверь стояли напротив и смотрели в глаза друг другу. Безжизненная, вся мокрая и грязная колдунья лежала позади медведя, так что ее белое прекрасное лицо было видно между его широко расставленных лап.

За спиной мужчины стояли полукругом шестеро всадников, обнажив свое оружие. Склонив пики и копья, они молча ждали что произойдёт дальше, готовые броситься на выручку своему предводителю.

Странную встречу окружала теплая, светлая и полная звуков ночь. На чёрном забрызганном сотнями звезд небосводе не было ни облачка.

Широкие лапы медведя заканчивающиеся длинными черными когтями внезапно сомкнулись посередине лезвия меча пожилого воина стоящего перед ним. Тяжело рыча, зверь подался вперед и оттолкнул мужчину на три шага от себя.

Сапоги Ахуры проехались по грязной жиже и мокрой траве, не желая уступать противнику, пока в грудь зверю не уперлись многочисленные копья охраны мощного старца. Медведь неспешно отступил назад.

- Мой черед править миром, Ахура! - взревел медведь и мелкие ночные животные, что попискивали рядом в поисках пропитания тут же примолкли.

Воцарилась тишина. Только Ваю тихонько посвистывал меж камней да всхрапывали иногда испуганные лошади.

- Твоё время прошло, Ахура! Теперь я буду править три тысячи лет! Уходи! - гавкающим рыком продолжил медведь, грозно махая тяжёлыми лапами при каждой фразе.

- Ты знаешь вселенский закон, Манью! - глухо и грозно ответил ему старик. - Пока не покоришь сто народов, не быть тебе правителем! А если покоришь, даже Индра преклонится пред тобой.

Медведь-воин Манью снова громко взревел в ответ на эти слова, запрокинув морду к черному ночному небу и воздев кверху мощные лапы. В ответ на его призыв звездное небо мгновенно пересекли три широкие чёрные полосы, на концах которых кружились большие и блестящие черные звезды.

Звёзды быстро пересекли небосвод двигаясь по направлению к вызвавшему их медведю. Когда же они медленно спустились с небес, то оказались точно такими же медведями, покрытыми черной густой шерстью и закованные в черные

блестящие латы.

Лапы воинственных животных ступили на землю чуть позади медведя Манью и оказались они лишь немного меньше ростом, чем вызвавший их зверь-воин. Теперь силы стоящие друг против друга стали равны. Или даже перевес был на стороне медведей.

Охрана Ахуры заметно занервничала, кони их снова захрапели и заржали, переминаясь на своих копытах.

Три новоприбывших медведя точно так же стояли и оглядывали своих противников маленькими черными глазками, как и Манью, тяжело дыша и изрыгая клубы горячего пара.

Медведь Манью оглядел своих соплеменников и вальяжно повернулся к людям.

- Я знаю закон, Ахура! - чуть спокойнее прорычал медведь Манью. - И я уже покоряю народы!

- Тогда зачем тебе эта девочка? - вопросил Ахура и взглядом показал на лежащую Анхру. - Отпусти ее!

Медведь Манью оглянулся и мгновение посмотрел на безжизненно лежащую колдунью, а затем снова повернулся к старику. Чёрные губы его казалось чуть улыбнулись.

- Эта девочка - моя, Ахура! - проревел Манью. - Мне она нужна! И ее способности! И ее брат, что покоряет народы для меня!

Затем медведь наклонился совсем близко к строгому лицу Ахуры.

- Поэтому я никогда не отпущу ее! - прорычал Манью еще чуть тише. - И совсем скоро приду и за тобой, когда покорю сто народов! И ты преклонишься или умрёшь!

- Тогда попробуй убить меня сейчас! - воскликнул старец Ахура и брови его сурово сошлись к переносице. Он молниеносно, с не по годам развитой силой и энергией, рассек воздух перед собой тяжёлым двуручным мечом.

Кончик лезвия отрезал прядь черной шерсти медведя-воина, стоящего перед ним и выбил искры на его латах на излете взмаха. Манью злобно взревел на это.

- Какой мне смысл драться с бессмертным? - проревел он чуть погодя, когда злость его схлынула. - Скоро я стану таким же бессмертным и буду править миром! И погружу его во тьму! А ты сгинешь, хлипкий старец!

- Как ты смеешь оскорблять меня, нечестивый! - гневно закричал Ахура и меч его снова описал полукруг.

Медведь Манью чуть отшатнулся инстинктивно и это движение спасло ему жизнь. Лезвие свистящего обоюдоострого меча рассекло кусочек блестящей кольчуги на его боку и оттуда

закапала кровь.

Взревев от боли, медведь поймал мгновение, когда сверкающий меч Ахуры уйдёт в сторону, и широко размахнувшись, вонзил свои длинные, острые, черные и изогнутые как ятаганы, когти прямо в живот старца.

Ахура судорожно сглотнул и вздрогнул, из уголков его губ потекла кровь прямо на темную его бороду и закапала на бывший чистым, темно-желтый кафтан.

Охрана старца, склонив копья, ринулась вперед, но три медведя, защищающие Манью, оказались проворнее. Они ловко выскочили из-за спины своего предводителя и, быстро махая длинными лапами, переломали все летящие на них копья.

Перед замершей парой медведя, вонзившего когти в старика, образовалась свалка, воины вытаскивали свои мечи, ятаганы и секиры, свистели лезвия сталкиваясь с крепкими когтями медведей и отскакивали от них, вышибая искры.

Медведи-защитники умело махали лапами, вспарывая шеи и груди набегающим на них коням. Те падали, громко ржа от боли. Ночная тишина наполнилась лязгом и криками боя.

Медведь Манью тем временем пристально вглядывался в глаза страдающему от боли старику, не вынимая своих когтей из его ран. Тот кривился в диких судорогах, силился поднять свой меч, но сил ему, в раз ослабевшему, не хватало.

- Если ты бессмертный, то не значит что боли нет, - со зловещим удовольствием прорычал Манью, касаясь своим черным влажным носом крючковатого носа страдающего старика.

Ахура выронил меч и он с брызгами плюхнулся в грязь. И только тогда медведь вытащил свои когти из его живота.

Старик шумно выдохнул, булькнул и из его рта полилась темно-красная кровь. Он рухнул на колени чистейшими штанами прямо в чёрную жижу.

Медведи отошли чуть назад, давая охранникам добраться до старика. Три умирающих коня лежали в конвульсиях на земле среди обломков переломанных копий.

Воины подхватили старика за руки, оттащили его назад и закрыли своими телами, ощетинившись мечами. Теперь нападать на медведей они даже и не помышляли.

- Забирайте своего владыку и уходите! - грозным рыком приказал Манью настроившимся дорого продать свои жизни охранникам Ахуры. - Скоро я сам приду за вами всеми! Но тогда уже я буду бессмертным! А не ваш жалкий старик!

С опущенных к земле изогнутых когтей медведя стекала бурая кровь. Наиболее молодые из охранников богатого старца нервно сглатывали, глядя на это.

Не долго думая, воины закинули стонущего Ахуру на его жеребца, сами запрыгнули на своих лошадей и резво ускакали на запад по холмистому полю.

Когда последний из отступающих воинов растворился в ночной темноте, медведь Манью довольно хмыкнул и обернулся к своим товарищам.

- Спасибо вам, братья, - прорычал он. - Я позову вас, разделить мир или на битву! А пока отдыхайте!

Медведи коротко рыкнули в ответ и взмыли в небо, подмяв горячим воздухом траву под ногами и быстро превратились в блестящие черные звезды на небе, затем пропали и они.

Манью посмотрел на тихо лежащую колдунью и взгляд его потеплел. Медведь подошёл к ней, склонился над мертвенно-бледным лицом девушки и фыркнул.

Горячий пар обдал холодную кожу Анхры. Но девушка не шевелилась и не дышала. Тогда медведь-воин стал истончаться.

Его большое и грозное тело потеряло свой блеск, стало тусклым, затем подернулись его очертания и стали размытыми. Пропал объем и превратился в причудливый дым.

Этот дым тонкими струйками втягивался в ноздри колдуньи, до тех пор пока не пропал в ней весь.

На восточном краю неба появилась прекрасная Ушас - утренняя звезда. И только с первым взглядом Сурьи Анхра-Манью открыла глаза.

Глава 6.

Мартан сидел на шкуре волка скрестив ноги и рассматривал лицо старика сидящего напротив. На бурой от загара, морщинистой коже старца беспрерывно двигались черные тени от костра, перед которым тот сидел, не страшась ни дыма, ни жара. Глаза его были закрыты. Лицо старика обрамляла длинная седая борода, серебряные волосы на лбу перехватывал узкий кожаный черный ремешок.

Правая ладонь старца с растопыренными узловатыми пальцами раскинулась над трепещущим живым огнем. Губы его беззвучно шевелились, а зрачки под закрытыми веками беспрестанно бегали из стороны в сторону.

Языки невысокого рыжего пламени играли и извивались на потрескивающих поленьях в центре большой юрты. Клубы дыма вились и медленно поднимались к маленькому круглому оконцу на потолке. Дым выходил не весь и какая-то его часть растекалась по внутреннему пространству помещения, отчего глаза Мартана покраснели и слезились.

Сидел он ровно и прямо держа осанку, чуть подавшись вперед, с тревогой вглядываясь в старца сквозь языки жгучего пламени. Кулак мужчины нервно сжимал позолоченную рукоять меча, иногда спохватившись, Мартан выпускал рукоятку и встряхивал ладонью, чтобы снять напряжение.

Тонкие губы его были сжаты и подрагивали. В теплом свете костра худое скуластое лицо Мартана казалось не таким уж бледным, как обычно. Длинные черные волосы его свободно ниспадали на плечи. Пронзительные ледяные глаза улавливали каждое движение на лице старца.

- Что Агни открыл тебе, Вьяса? - полушепотом спросил Мартан, устав ждать.

Старец вздрогнул и нахмурился, не открывая глаз. Скрюченные пальцы его зашевелились над пляшущими языками пламени, как будто кроша в огонь невидимые травы, как приправы в похлебку.

И огонь живо отозвался на эти движения. Языки пламени скручивались между собой и тянулись вверх подобно пылающему водовороту, жаждая ужалить кончики старческих изможденных пальцев. Жарко и часто потрескивали обугливающиеся ветки. Веки пожилого ведуна Вьясы по прежнему не открывались, не смотря на то, что огонь уже почти лизал его ладони, как прирученный волк.

Пальцы старика были невредимы, а зрачки так же хаотично вращались под опущенными веками. Наконец они, дрогнув, приподнялись и Вьяса какое-то время не мигая смотрел в огонь.

- Она в опасности, - наконец прошептал ведун. - Демон, что

дремал в ней, обрел плоть. Она жива пока лишь выполняет его желания.

- Как? Как убить его? - в нетерпении почти вскричал Мартан, подавшись вперед так что обуглились кончики его черных волос. По юрте поплыл их едкий горелый запах.

- Смертному это не дано, - это все что поведал Агни, - отвечал старец Вьяса, казалось он постепенно приходит в себя после долгого крепкого сна. Ведун наконец начал моргать и взгляд выцветших глаз обрел осмысленность.

- Веды говорят, что Манью правит каждые три тысячи лет и пришел его черед, - глухо продолжил Вьяса. - Если он покорит сто родов, то обретёт бессмертие и погрузит мир во тьму.

- Агни показал, где моя сестра? - в нетерпении почти перебил старца Мартан.

- Там, на юге, - правая рука Вьясы, что только что управляла огнём, махнула в сторону закрытого полога юрты. Разочарованный, не наигравшийся пламень притих теперь и мягко потрескивал сухими сучьями.

Мартан резво поднялся на ноги, вырвав пятками клоки серой шерсти из шкуры, на которой только что сидел. Вьяса с презрением посмотрел ему вслед.

- Твоё слово, Мартан? - бросил старик ему в спину.

- Да-да, - отмахнулся Мартан. - Твои женщины не пострадают. Ты сомневаешься в моём слове, старик?

Мартан откинул полог юрты и внутрь проник широкий луч света, осветив плавающие в воздухе сизый дым, пылинки и разноцветные волоски со шкур, что устилали пол юрты.

- Мы же арии, Вьяса! - зловредно произнёс Мартан, обернувшись у выхода. - Благородные крепки своим словом! Или ты думаешь, я стал царем и возгордился, что забыл Веды?

- А как же Рохини? - строго спросил старец. - Или Веды позволили тебе наказывать девочку?

- Как я сказал - так и будет! - теряя терпение, бросил Мартан и вышел. Полог за его спиной закрылся и снова наступила уютная полутьма, освещаемая лишь маленьким затухающим костерком в центре юрты.

- Посмотрим насколько крепко твое слово, царь, - с ненавистью пробормотал Вьяса, но его уже никто не слышал.

Оказавшись на воздухе, Мартан зажмурился от яркого света полуденного солнца, слегка ослепившего его после полумрака юрты, и прикрыл глаза ладонью. Стояла жаркая звенящая погода. Воздух был недвижим на берегу широкой реки, на котором обосновалась армия Мартана.

Тучи жужжащих насекомых кружили в небе, привлеченные

запахами пота сотен и тысяч людей и животных. Отовсюду слышался веселый смех и разговоры, частое ржание коней, скрежет полируемого оружия и редкий перестук топоров. Многие старосты руками своих людей уже начали ставить себе огромные личные юрты. Тянуло дымком десятков костров, смешиваемым с ароматом жареного мяса.

Новоиспеченный царь собрал свое войско из воинов десятков мелких родов, кого уговаривая, кого подкупая, а кого и заставляя. Теперь же все шумные сотни могучих ариев расположились на отдых. Десятки охотников разбрелись по окрестным холмам в поисках дичи, освобожденные боевые кони бродили там же выщипывая редкую траву под присмотром самых молодых воинов, которым не исполнилось еще и пятнадцати лет.

- Что открыл ведун? - осторожно спросил пожилой воин, что ожидал Мартана. Был он высок и мускулист, длинные его светлые волосы уже посеребрила седина, морщинистое лицо с дубленой, много раз сгоревшей на солнце кожей пересекал длинный, давно уже заживший шрам, явно оставленный вражеским ятаганом.

- Моя сестра на юге и она в опасности, - нервно бросил Мартан. - Отряди два десятка ей на встречу! А лучше три!

- И еще, Вагва, - Мартан пристально глянул на пожилого воина. - Пусть твой брат найдет Анхру, Шагва найдет ее быстро.

- Да, благородный, - верный Вагва слегка поклонился и быстро зашагал прочь. Уже спустя короткое время конная дружина состоящая из крепких и опытных воинов в количестве трех десятков с сильным топотом, поднимая облака пыли за собой, покинула место стоянки и устремилась в южном направлении.

Белая измученная лошадь Марута медленно брела по склону холма, по колено утопая в сочной зелени. Голова ее была склонена к земле. Под ушами лошади запеклись потеки ее крови. Роскошная, бывшая некогда белоснежной, грива сейчас была покрыта грязью, щепками и ошметками желто-зеленой травы.

Неспешно кобыла переставляла свои копыта и ноги ее подрагивали при каждом шаге. Было очень жарко и Марута часто мотала головой и хвостом, пытаясь отогнать тучу насекомых, что с жужжанием вилась над ней. Путь ее был извилистым, потому что многие кусты и чахлые деревца вставали на пути у навьюченного животного.

Глаза всадницы, что лежала на спине Маруты, были закрыты. Анхра спала на ходу и руки ее беспомощно болтались по бокам лошади. Дыхание девушки было редким и неглубоким. Лицо ее чуть порозовело и теперь уже не казалось таким

мертвенно бледным, как предыдущей ночью.

Когда на гребне далекого холма между редких пышных деревьев одна за другой стали появляться стремительные фигуры мчащихся лошадей, то Марута, увидав их, чуть встрепенулась. Казалось, бодрые соплеменники придали лошади сил, она призывно, но негромко заржала и ноги ее пошли чуть быстрее.

Три десятка лошадей устремились к Маруте. Три десятка бывалых воинов умело управляли боевыми конями, ловко лавируя между серыми и бурыми валунами, густыми низкорослыми кустами и невысокими раскидистыми деревцами, спускаясь вниз по склону холма. На дне же их ожидал маленький каменобережный ручей.

Всадники, не сбавляя хода, врывались в холодные стремительные воды, что были по колено лошадям. Взметались белые брызги.

Высоко паря в небе на широко раскинутых крыльях, за спешащими лошадьми наблюдал строгий орел. Он рисовал круги на лазурном небосводе с редкими облачками и почти не мигающим черным взором вглядывался в происходящее на земле. Дыхание Ваю трепало коричнево-белое оперение птицы.

Орел видел как сильные быстрые лошади разных мастей подбегают и окружают одну белоснежную кобылу. Как спешиваются всадники, тянут руки к безжизненной девушке, стаскивают ее, вяло отмахивающуюся, со спины лошади, грузят на большого вороного жеребца в объятия широкоплечего мужчины, табун разноцветных спин снова срывается с места и устремляется в обратном направлении, но уже не так быстро, а лёгкой рысью, дабы не растрясти драгоценный груз.

Сверху, для птичьего взора, все действие представлялось как перетасовывание мозаики разноцветных каменьев на бескрайнем зеленом покрывале, а затем, подобно степной ядовитой змее, табун лошадей уполз из вида, сильно извиваясь и часто пропадая под кронами раскидистых деревьев.

Орел тут же потерял интерес к произошедшему и издал пронзительный, режущий уши крик, что прокатился над холмами.

- Она здорова, Шагва, но обессиленна, - сказал высокий и румяный воин, вглядываясь своим пронзительным ледяным взором в лицо Анхры. Борода его была совсем еще не длинной, а густые светлые волосы доходили до лопаток. Одет он был в черную кожаную тунику с нашитыми на ней стальными пластинами. - Мне думается, она не спала несколько ночей.

Шагва, брат-близнец оставшегося подле Мартана Вагвы, крепко прижимал спиной к своей груди хрупкое девичье тело. Все что он мог видел это густой шелк черных волос Анхры, ее

бледную скуластую щеку и закрытые глаза. Лошади ехали не быстро, но всадников все равно потрясывало на спинах скакунов, потому престарелый воин положил голову прекрасной колдуньи себе на предплечье, чтобы она не болталась безвольно при каждом шаге скакуна.

Молодой воин, на ходу осматривающий Анхру, протянул руку и осторожно потрогал лоб девушки. Затем приподнял ее веко, заглянул в черный слабо осмысленный зрачок, не обращая внимания на тихий ропот и вяло отмахивающуюся руку.

- Ей нужен покой и сон, - посоветовал он. - И нужно еще молоко и капельку сомы.

Шагва кивнул и нахмурил свои косматые седые брови. Он знал, что молодой Каршва все детство провел в услужении у знаменитого северного старейшины, потому то его и взяли с собой на поиски потерянной сестры царя. Теперь же когда она была найдена, предстояло целой и невредимой доставить девушку обратно к благородному брату.

- Хорошо что я взял с собой немного сомы, - Каршва снял с ремешка на шее маленький кожаный бурдючок и осторожно откупорил его. - Обычно это мужское питье, но сейчас сома нужна молодой благородной. Сома вернет ей силы.

Сказав так, Каршва отвязал от волчьей шкуры, лежащей на спине лошади, еще один кожаный бурдюк и налил туда несколько капель бесцветной сомы. Затем он потряс емкость и передал ее Шагве.

Пожилой воин осторожно запрокинул подбородок бесчувственной девушки, приоткрыл ее алые губы и потихоньку влил в ее рот содержимое бурдюка. Через короткое время Анхра задышала чуть чаще и глубже. Шагва довольно заулыбался.

- А ты сведущ, Каршва! - с одобрением произнес пожилой воин. - Хорошо что ты взял сому! Кто ее готовил?

- Это был Вьяса, - ответил Каршва, польщенный словами опытного воина. - Теперь он варит сому благородному Мартану, а скоро и всем нам она достанется. Несдобровать тогда врагам нашим!

- Другие рода ариев не враги нам, Каршва, - мягко поправил его Шагва. - Враги их старейшины, что не желают объединяться с нашим царем. Не хотят делить власть и земли свои. Они не понимают, что по одному нам не устоять. Анарии с заката победят нас числом, если мы не будем едины и не сможем мы защитить наши семьи и землю нашу.

- Ах эти анарии, пусть Индра сожжет их всех своим огнем! - яростно выпалил молодой Каршва и аж подпрыгнул от негодования на спине своего рыжего коня, отчего тот беспокойно

всхрапнул и тряхнул своей гривой. - Того лета сожгли они две деревни наших, убили мужчин всех, а женщин забрали. Эх, если б только благородный повел нас на закат в страну анариев! За все бы ответили подлые шакалы!

Большой кулак Каршвы с силой сжался на рукояти его изогнутого ятагана. Опытный Шагва, увидав этот жест, недовольно покачал головой.

- Молод ты еще, Каршва, - произнес он тихо. - В бою нет места ярости и мести! Погубят они тебя! Злость застилает глаза твои и ятаган твой ударяет без цели. В бою надо быть спокойным! Смотреть и видеть! Углядывать слабые места врага и бить туда! Так только ты сможешь одолеть подлого анария. А впадешь в ярость и несдобровать тебе тогда.

- Мне бы главное добраться до них! - не унимался Каршва. - А там я бы посносил им все их шакальи головы! Ты не видел что осталось от деревень тех, а я да! И не могу я спокойно думать о них!

Отряд всадников тем временем неспешно втянулся в извилистую долину меж трех крутобоких высоких холмов. Вперед ускакали три воина, посланные Шагвой разведывать дорогу. Еще по двое всадников отделились от основных десятков и поднялись выше по склонам холмов по обе стороны, чтобы и там высматривать возможного врага.

- Земли зендов, - пояснил Шагва молодому Каршве, который немного спустя притих на своем жеребце. - Их старшина Хида так же не хочет объединяться. Воины его сильны и много числом их. Потому и думают, что враг им не страшен. Ничего, скоро придем к ним мы с тремя тысячами воинов - тогда уже и повинуются.

Шагва усмехнулся в свою начинающую седеть светло-русую бороду. Был он высок и силен, как и брат его Вагва, что остался в стане Мартана, возле благородного и так же верил в силу молодого царя.

- Мы с братом уже давно служим Мартану, а до этого служили отцу его Кухулу, был он нам родич и старейшина в далеком закатном селении, - негромко поведал Шагва, невидяще глядя на широкие спины воинов, что ехали перед ним с Каршвой. Они не зря устроились посередине колонны чтобы избежать возможных опасностей для сестры царя. Девушка сладко дремала на груди престарелого воина, прижатая его сильной рукой.

- Налетели также анарии с заката и сожгли деревню, а Кухула убили, нам с Мартаном удалось спастись тогда и поклялся Мартан отомстить анариям и разбить их всех, а для этого нужно собрать большое войско, - неспешно рассказывал Шагва и

оглянулся, пытаясь разглядеть дозорных, что ехали по сторонам от отряда.

- Ариана - богатое царство! - продолжил он. - У них большая армия и сильные воины, много колесниц и укрепленные деревни, а столица их Оостр, город что окружен высокими белыми стенами, там и живёт их царь, которого анарии называют султаном и носа он не кажет оттуда. В Оостре много рынков, туда отовсюду приезжают караваны с добром и по рекам приплывают купцы и торгуют там. И город этот охраняет большая армия из лучших воинов со света.

- Отчего же тогда эти анарии зарятся на наши деревни, раз такие богатые? - с язвительным недоумением спросил Каршва.

Рыжий его боевой конь неспешно трусил бок о бок со злобным вороным жеребцом Шагвы. Воины, ехавшие впереди и позади Шагвы, негромко переговаривались, изредка поглядывая на высокую мощную фигуру своего старшины и с интересом на спящую девушку.

По полнеба с обеих сторон отряда закрывали собой холмы и медленно проплывали мимо людей, открывая взору следующие возвышенности, уже не столь высокие. Сурья наполовину скрылся за край земли и поливал местность своими прощальными бледно-красными лучами. Постепенно умолкали насекомые прячующиеся в высокой траве, меньше становилось трелей множества звонкоголосых птиц, невидимых в густой листве редких невысоких деревьев, пропали они и с темнеющего небосвода. Перестали жужжать и сновать туда-сюда дикие пчелы.

- Оттого и грабят, что мало им добра! Чем больше есть - тем больше хочется! - ответил Шагва и покачал головой. - Да и султан тот, я слышал, жаден, и свои же окраинные деревни обложил данью, да такой что люди еле живут там. Вот и озлобились, и нужда заставляет их грабить наших.

- А что же тогда не восстанут они? - с жаром выпалил Каршва, да так что конь его опять всхрапнул, а спящая Анхра испуганно поежилась. - Взяли бы да отказали своему султану! Мечи, копья в руки! Ведь умеют воевать!

- Как не умей, а против армии султана не выстоять им, - ответил Шагва. - И никому не выстоять! Придёт эта орда и враз их деревни сожжет. А с родичами что сделает, подумать страшно! Да и не шуми больно, Каршва! Разбудишь вон благородную! И места здесь не наши, мало ли услышат зенды, кто знает что у них на уме и у их старшины?

Каршва послушно притих и насупился. На небосводе начинали зажигаться первые искрящиеся звезды. Опускалась прохлада и уставшим воинам и их коням, вымотанным дневной

скачкой под жарким светом Сурьи, стало легче дышать.

- Той зимой ведь ездил Мартан в зендову деревню, хотел с их старшиной поладить - да не вышло, - негромко и настороженно проговорил Шагва. - Сказал что тот Хида уж больно много сомы пьёт, да так что разум теряет.

- Придем всем войском - враз притихнет, - буркнул Каршва.

Шагва чуть усмехнулся в свои густые усы и взгляд его углядел на вершине впереди стоящего холма большую движущуюся тень, плохо различимую в опустившемся сумраке. Воины в голове отряда зароптали.

Тень быстро приближалась и уже вскоре стало видно, что это скачущий гнедой конь с овечьей шкурой на спине. Животное неслось, не разбирая дороги, явно испуганное чем-то. Один из воинов Шагвы из передовой десятки, не дожидаясь приказа, резко сорвался с места и поскакал наперез мчащемуся скакуну.

Довольно быстро воин нагнал испуганного коня, поравнялся с ним и на ходу попытался успокоить. Он наклонялся к ушу скакуна, говорил ему какие-то слова, не слышимые издалека, тянул руку и гладил коня по холке и гриве.

Все всадники Шагвы остановились, наблюдая за происходящим, и вскоре увидали, что воин смог успокоить ошалевшего скакуна и неспешно повёл его к отряду, не переставая гладить его по шее. Конь послушно шёл к замершему отряду, часто мотая головой.

- Это конь Торши, что в переднем дозоре, - глухо проговорил Каршва, когда успокоившийся скакун, ведомый смелым воином, приблизился к отряду. - С ним что-то случилось впереди.

Шагва уже и сам понял, что с передними дозорными произошло что то неладное. Но путь их пролегал строго на север к стану своего войска и опытный старшина отдал приказ обнажить оружие, а лучникам быть готовыми стрелять, случись что.

Так сбавил отряд свою скорость и ехали дальше не переговариваясь, а настороженно глядя по сторонам. Но местность кругом была тихая и спокойная. Многочисленные пернатые и мелкие грызуны, что шумели при дневном свете, теперь умолкли, видимо попрятались по своим норкам и гнёздам, вполне довольные найденной и пойманной за день пищей.

Одинокие раскидистые деревца по мере движения отряда стали сближаться меж собой и образовывать маленькие рощицы. Воины настороженно всматривались в их густой сумрак, что притаился между близко стоящих древесных стволов. Путь их пролегал совсем близко с низко висящими ветвями, усыпанными

мелкими зелеными яблоками. Многие всадники на ходу срывали спелые сочные плоды и тихонько хрустели ими, уплетая сочную мякоть.

На темно-синем небосводе с редкими причудливыми облачками появился бледный и слегка похудевший Сома. Свой свет он бросал на обнаженные лезвия ятаганов, что лежали на коленях у всадников Шагвы и оружие тускло поблескивало не яркими бликами. Боевые кони также притихли, чувствуя изрядное напряжение своих всадников.

Вскоре справа и слева на склонах окруживших отряд холмов раздались невнятные крики и ржание испуганных лошадей.

- На боковые дозоры кто-то напал! - зло выпалил Каршва и чуть ли не зарычал от злости. Зубы его заскрежетали в ярости, а огромный кулак сильно сжался на рукояти кривого ятагана.

- Скоро и мы узнаем кто, - мрачно проговорил Шагва. Опытный воин уже чувствовал приближающуюся опасность и с холодной жестокостью готовился дать отпор врагу.

- Не растягиваемся! Плотнее встали! Все вокруг! Лучники ближе! - громко и твёрдо отдал он приказы и всадники быстро окружили его со спящей девушкой тремя рядами.

Так и продолжили путь. В молчании и мрачной решимости ехали дальше на север, а круглолицый Сома обрел уже силу и ярко освещал всю землю вместе со своими женами - созвездиями. Изредка невдалеке ухал филин и посмеивались в темноте шакалы.

Резкий свист прорезал ночную тишину, когда склоны холмов сошлись особенно близко. Впереди зажглись три огонька и стали подплывать к отряду. Лучники не сговариваясь со скрипом натянули тетивы.

- Стой! - раздался из темноты голос, когда огни эти приблизились к отряду. Отряд замер.

Огни приблизились еще ближе и оказались тремя факелами, что несли суровые и сильные всадники, было их десять. Один из них выступил вперед на большом черном жеребце.

Был воин сильный и полный. Черная его кольчуга , одетая на дородное тело и большой живот, переливалась тусклыми отблесками в свете факелов. На голове его был одет большой шлем, а округлые щеки были скрыты порослью темно-русой длинной бороды.

- Я - Хида, царь зендов! - зычно и грубо произнёс он. - И спрашиваю вас, чужаки, по какому праву вы ходите по нашим землям , не спросив разрешения?

Факелы в руках сильных и суровых воинов жарко потрескивали, шипя и плюясь искрами. Ядовито-оранжевые блики плясали на мрачных, презрительных лицах хозяев здешних земель.

- Мы воины царя Мартана! Была нужда в вашей земле - теперь уходим! - строго и зычно ответил Шагва, но вперед не выступил, берег благородную сестру царя.

- Конечно уйдете! - гулко рассмеялся Хида. - Но за проход вы оставите мне дань! Ваших коней!

- Кони нужны нам! - ответил Шагва. - Но царь Мартан отдаст вам дань, когда придет!

Хида обернулся на своих воинов и снова расхохотался.

- Царь Мартан? - переспросил он, когда чуть отдышался. - Бывал он у меня и никакой он не царь! Больно много думает о себе!

- Царь Мартан собрал уже дюжину родов и все они признали его благородным царем! - уверенно гаркнул Шагва. - Три тысячи воинов стоят в дне пути отсюда! И тебе было бы спокойнее дружить с нами!

Лицо Хиды помрачнело от этих слов и вся его веселость сразу улетучилась. Пухлая ладонь его, увенчанная двумя серебряными перстнями, сомкнулась на рукояти длинного меча, притороченного к поясу.

- Не тебе, шакал, что прячется за спинами воинов, указывать что мне делать! - яростно прошипел царь зендов. - Или кони или вы все поляжете здесь!

Один из воинов Хиды громко свистнул и на вершинах холмов по обе стороны от разговаривающих стали появляться многочисленные тени, зажигались огни факелов, заблестели десятки обнаженных ятаганов. Каршва, что стоял возле старшины, беспокойно огляделся.

- Сотня, не меньше, - на глаз прикинул он число врагов, окружавших их. Все десятки зендов, что казались черными тенями в ночном полумраке, стали спускаться вниз по склонам прямо на замерший отряд Шагвы, половина из них были пешими, половина же на лошадях. - Что теперь скажешь? - довольно вопросил Хида, оглядев свою подмогу. - Слезайте с коней и уходите, пока целы!

Шагва угрюмо нахмурился и быстро принял решение, понимая что вот-вот и их окружит сотня зендов.

- Вперед, арии! - громко крикнул он боевой клич и взмахнул своим ятаганом в сторону Хиды. Передние воины, стоящие перед Шагвой, мгновенно повиновались и с криками ринулись на десяток зендов, стоящий перед ними.

Пухлый царь Хида проявил неожиданную сноровку и ловко увернулся от нацеленного в него ятагана первого достигшего его ария. В ответ он сильно взмахнул своим мечом, достал длинным лезвием до противника и тот повалился со своего скакуна, схватившись за шею.

Охрана зендова царя тут же окружила его и летящие вперед воины Шагвы напоролись на частокол выставленных на них коротких копий и мечей. Кони с диким и злым ржанием взвились на дыбы. Кривые ятаганы со звоном и искрами столкнулись с короткими мечами. Один из воинов-зендов повалился со своего коня, прижимая ладонь к лицу.

Свистнули стрелы и один из коней воинов Шагвы, споткнулся и рухнул на темную землю, подминая под собой седока.

- Уходим! - громко скомандовал Шагва и, еще плотнее прижав к себе спящую девушку, принудил своего жеребца броситься вперед. Передний десяток, что схватился с зендами, последовал за ним и быстро окружил скачущего коня старшины своими спинами. Вслед им неслись яростные проклятия царя Хиды.

Кони воинов-зендов сорвались с места, по приказу своего царя и бросились в погоню. Снова свистнули стрелы. Двое всадников Шагвы повалились со спин своих лошадей. Еще одна взвилась на дыбы с жалобным ржанием - одна из стрел вонзилась ей в заднее бедро. Подоспевшие к ней зенды свалили воина с ее спины копьем.

Шестеро лучников, окружавших Шагву, на ходу выстрелили в ответ и трое из преследующих их коней резко замедлились и закружились на месте от внезапной боли. Зенды, спускающиеся с вершин обоих противоположных холмов, со свистом и криками устремились за уходящим отрядом Шагвы.

- Шагва, где мы? - негромко слабым голосом спросила проснувшаяся Анхра. Бешеная тряска и шум разбудили ее и она наполовину приоткрыла глаза. Губы ее плохо слушались и потому вопрос получился невнятным.

- В землях зендов, благородная, - хмуро ответил Шагва. - Уходим от их воинов.

Анхра попыталась приподняться и заглянуть через плечо пожилого воина, но тщетно - сил ее было недостаточно, да и Шагва крепко прижимал ее к груди сильной левой рукой. Длинная его седая борода щекотала прелестный маленький нос девушки.

- Верьте мне, благородная! - произнес воин. - И прошу не показывайтесь, а то мало ли чего...

Анхра недовольно нахмурилась, но спорить не стала. Скачка продолжалась. Рядом свистели стрелы и ломались о твердые валуны, проносящиеся мимо, высекая искры или вонзались в стволы деревьев, а то и просто в землю. Некоторые из стрел были с горящими остриями и такие пролетали над головами всадников с особым гудением живого пламени.

Три зендовы стрелы все-таки достигли своих целей. Одна из них вонзилась в лопатку заднего воина и он яростно зашипел от боли, две другие попали в крупы коней и те жалобно ржали, снизили скорость своего бега и стали сильно отставать. Лучники Шагвы стреляли в ответ и некоторые из преследовавших их зендов на полном ходу кубарем скатывались по склонам вместе со ранеными конями.

Долина летела под копытами коней, петляя и извиваясь, отряд Шагвы то влетал на вершину очередного покрытого густой травой пригорка, то опять нырял в маленькие прохладные низины, заполненные легким туманом, ветви проносящихся мимо деревьев хлестали всадников по лицам, ветер свистел в ушах и трепал гривы тяжело дышащих лошадей.

Шагва оглянулся и понял, что дело плохо. Зенды постепенно настигали его два неполных десятка на своих свежих лошадях.

- Каршва, прими благородную! - гаркнул пожилой воин и легко перебросил удивленную Анхру на спину соседней рыжей лошади. Девушка охнула от неожиданности.

- Скачи в стан и не оглядывайся! - приказал Шагва и мягко потянул гриву своего злобного жеребца, чтобы он скакал медленнее.

- Но как же.., - с обидой вскрикнул молодой Каршва, но старшина перебил его зычным голосом. - Выполняй, воин!

- Примем бой, арии! - крикнул Шагва и развернул своего коня, на ходу достав из ножен свой бывалый ятаган. Все неполные два десятка всадников последовали примеру своего старшины. Выстроили в ряд своих коней и ощетинились сталью клинков и копий. Сзади встали пятеро лучников и спустили тетивы поверх голов своих товарищей. Галдящая волна скачущих во весь опор зендов стремительно приближалась. Двое из преследующих коней споткнулись и упали, сраженные стрелами.

Каршва взобрался на пригорок очередного мелкого холма и вопреки приказу Шагвы оглянулся. Молодой воин видел как накатилась волна зендовых всадников и с трех сторон налетела на замерший отряд Шагвы. Видел как взметались в воздух клинки, играя тусклыми бликами от лунных лучей, и как со свистом опускались острые лезвия, как вставали на дыбы кони,

как выбрасывались вперед короткие копья.

До слуха молодого воина долетел скрежет стали о сталь, злобное ржание коней и яростные крики рубящихся противников. А потом он разглядел и царя зендов Хиду, который прискакал одним из последних и не лез в гущу свалки, спокойно наблюдая за боем со стороны.

Но вот старшина зендов подозвал к себе кого то из своих воинов и указал на остановившегося на вершине пригорка Каршву, вслед за его жестом от послушных ему зендов отделился десяток всадников и устремились в сторону молодого ария, свистя и подгоняя своих лошадей короткими выкриками.

Каршва развернул своего рыжего коня и бросился прочь. Черноволосая девушка, сидящая перед ним, молча и безучастно вцепилась в гриву скакуна. Преследующие их зенды быстро приближались. В отличии от уставшего коня Каршвы, который нес теперь на себе двоих людей, их скакуны были полны сил.

Долина все петляла, высокие холмы медленно проплывали мимо мчащихся всадников. Топот их коней далеко разносился в ночной тишине. Крики за спиной у молодого Каршвы постепенно приближались.

Последний холм остался позади и взмыленный конь вырвался на простор большого неровного поля, справа и слева виднелись темные рощи с высокими деревьями, а впереди блестела волнами широкая река. Дальний берег ее не было видно в ночном сумраке. Каршва досадливо выругался.

Его конь, увидев воду, чуть прибавил в беге. Но тут же нога его попала в невидимую в темноте яму и животное рухнуло на землю, взметнув в воздух тучи песка и выдернутого дерна. Всадники его кубарем покатились по земле.

Первым, пошатываясь, встал Каршва. Прихрамывая, он дошел до лежащей Анхры и помог ей подняться. Колени обессиленной девушки подгибались и она, тяжело дыша и склонив голову, так что густые волосы полностью скрыли уставшее бледное лицо, оперлась о локоть воина. Молодой арий обнажил свой ятаган. Крики зендов были уже совсем близко.

Глава 7.

Ахани было очень хорошо, тепло и благостно. Казалось, что он только проснулся после долгого и крепкого сна и теперь осматривался сквозь полуоткрытые, не желающие разлипаться веки.

В центре его родной юрты тихо потрескивали угли,

обнесенные невысоким барьером из белых округлых камней. Огонь - это дом Агни, потому он должен быть светлым, чтобы бог благосклонно относилось к дому, хранящему частичку его силы и к людям, населяющим юрту.

Ахани видел фигуру матери, сидящей к нему спиной. Видимо она, как и заведено, проснулась раньше и теперь молола зерна в большой красной чаше, чтобы позже накормить всю свою семью теплыми лепешками. Тихонько она напевала какой то стих из Вед, слов было почти что не разобрать, но юноша уловил имя Агни и понял, что мать восхваляет бога огня, чтобы он всегда любил ее семью и помогал ее дому.

Длинные волнистые волосы матери, выбившиеся из-под платка и тонкие плечи раскачивались в такт мелодии.

Рядом с матерью спала сестренка Савитри, накрытая шерстяным овечьим одеялом. Видно была только ее пухлое личико и русые, спутанные во сне волосы. Она негромко посапывала через нос и чуть улыбалась. Видимо ей снился светлый сон.

Ахани и сам чувствовал, что накрыт тяжелым покрывалом. Вот только было оно не из овечьей шерсти и пахло приторным мускусом. Острая короткая шерсть покрывала лезла в рот и щекотала ноздри, так что вызывало желание чихнуть.

- Что за странное покрывало? - подумалось Ахани и он уже решил было спросить об этом у матери. - Ма..?

Но странная шерсть, что накрывала его подбородок и нос, заглушила голос, да и рот сразу забился клоком непонятных волос. К счастью, мать то ли услышала, то ли почувствовала голос сына и начала уже поворачиваться к нему. Тут Ахани охватило непреодолимое желание потянуться, что он с наслаждением и сделал. При этом движении резкая боль пронзила затылок и сон померк. Юноша так и не успел увидеть лицо матери.

Было прохладно и журчала вода. Ахани открыл глаза и увидел пасмурное небо над собой, затянутое белой дымкой. Сурья светил высоко, но почти не грел. Легкий ветерок трепал короткую серую шерсть перед глазами юноши.

Ахани запрокинул правую руку за голову, чтобы нащупать что же причиняет ему такую сильную боль и пальцы его обхватили толстую ветку. Не долго думая, арий сломал ее одним движением кисти и сразу стало гораздо лучше. Боль в затылке почти прошла.

Ахани ощущал, что лежит на чем то неровном, да еще накрыт сверху тяжелой шкурой. Он попробовал привстать и шкура медленно, с тихим шорохом сползла с его лица. Юноша

помог ей сначала правой рукой, а затем и левой. И только тогда смог разглядеть, что шкура эта оказалась мертвой рысью, которая преследовала его ночью.

Парень углядел рукоятку своего кинжала, который торчал из груди дикой кошки, и вытащил его из раны. Из образовавшегося отверстия с тихим бульканьем потекла темная кровь.

Окончательно спихнув с себя уже холодную закоченевшую рысь ногами, Ахани с трудом привстал, проваливаясь на плотном хрустящем сплетении веток и огляделся. Он сидел на колючем кусте посреди большой расщелины. Совсем рядом весело журчал по камням неширокий извилистый ручеек. Запрокинув голову, юноша разглядел скальный выступ, с которого он упал ночью и мысленно восхвалил Притхиви, богиню земли, за то что она умудрилась вырастить роскошный куст в нужном месте, на маленьком клочке земли, среди нагромождения камней.

Со всех сторон Ахани окружали суровые, высокие, серые скалы, за исключением русла ручья, что уводил на юг. Конец этого русла терялся где то в неясной белой дымке среди неприступных обветренных стен утесов.

Арий опустил ноги на землю и встал. Голова его закружилась, когда юноша выпрямился в полный рост. Плечи, пронзенные когтями кошки, дико саднили. Юноша бегло осмотрел их, приподняв свою накидку и убедился, что кровь остановилась за ночь. Рубашка, сотканная матерью, сильно пострадала в ночной схватке.

Парень со злостью посмотрел на мертвую рысь, что пушистым камнем лежала у его ног и в животе у него заурчало. Кулак Ахани сильно сжался на рукоятке кинжала.

Гораздо позже, когда юноша насытился поджаренным на костре кошачьим мясом, он долго отмывал шкуру рыси в водах леденящего руки ручья, соскабливая остатки жира с внутренней поверхности острым камнем. Затем растянул шкуру на длинных ветках, отломанных от спасшего его куста, закинул эту нетяжелую конструкцию за спину и целеустремленно зашагал вдоль русла ручья, при каждом шаге слегка проваливаясь в россыпях мелких серых камней, что устилали собой все дно огромной, зажатой между скалами, длинной извилистой расщелины. Путь его лежал на юг.

Так прошло три дня. Ахани упорно двигался по длинному ущелью, которое то расширялось, то сужалось, но непременно и неуклонно поднималось наверх. С каждым днем становилось все холоднее и воздух, вдыхаемый юношей, все больше морозил его нос и нутро, а еще сильно кружил голову, да так что часто

приходилось останавливаться и отдыхать, сидя на очередном подвернувшемся камне и ожидая, когда земля перестанет качаться перед глазами.

По пути арий собирал любые ветки, какие только попадали в поле его зрения, а вечером, когда слабый Сурья уходил ночевать за край земли и наступало время Сомы, юноша находил самую маленькую по размерам расщелину или пещерку, отыскивал в округе подходящие по размеру камни, пыхтя, перетаскивал их ко входу и заваливал его за собой, чтобы внутрь не пробрался никто кроме него и не помешал ему спать.

В пещере он разводил скромный костер, экономя ветки, и долго жарил маленький кусок кошачьего мяса, насадив его на заостренную палку. Ожидая пока еда будет готова, Ахани камнем раскалывал некоторые из костей убитой им рыси и мастерил из них наконечники для своих новых стрел.

Высохшие жилы дикой кошки отлично подошли для скрепления кусочков ее шкуры, с которой пришлось много поработать. Шкура была толстой, тяжелой и потому арий долго возился, нарезая и прокалывая ее в нужных местах. За те три дня, что юноша тащил ее, растянутую палками, за собой, шкура сильно просохла, продуваемая холодным ветром, от вод ледяного ручья, в которой тщательно отмывал ее Ахани.

Юноша нарезал и сшил для себя короткие меховые штаны из рыси шкуры и теперь путешествовать ему стало гораздо теплее.

Но тем не менее каждое утро Ахани будил дикий холод. Он вскакивал, едва Сурья только показывался на небосводе, трясясь от озноба и лязгая зубами. Раздувал потухшие угли, подкидывал туда одну-две ветки и садился как можно ближе к огню, как будто стараясь поглотить и впитать в себя живительное его тепло, для того чтобы как можно дольше не терять его радость в себе.

Затем Ахани снова поджаривал маленький кусочек жесткого кошачьего мяса - приходилось растягивать припасы, потому что зверье уже давно перестало попадаться ему навстречу по дороге, перекусывал, разбирал сотворенную им защитную стену пещеры и снова шел на юг по ущелью.

Совсем редко юноша доставал два маленьким кусочка лепешки, испеченные его матерью. Он долго держал их на ладони, всматриваясь в них и задумываясь о своих родных, потом осторожно, едва касаясь зубами, откусывал маленький засохший кусочек родного хлеба, тщательно пережевывал его, стараясь прочувствовать вкус и запомнить его, а затем прятал кусочки хлеба обратно в карман.

На четвертый день Ахани увидел то, что никогда ранее не

встречал в своей жизни. Выбравшись поутру из очередной мелкой расщелины, служившей ему ночлегом, он запрокинул голову, пытаясь разглядеть солнце среди сплошного серого марева, повисшего над головой и заменяющего лазурное небо вот уже несколько дней его пути. Оттуда, сверху на него падали пушистые, белые хлопья. Они медленно опускались на теплую кожу его лица, чуть обжигали своим холодком и сразу таяли, оставляя капельки влаги.

Эти хлопья были очень интересны для Ахани, ведь он никогда прежде не видел снег. Юноша с интересом подставлял ладони под падающие снежинки и рассматривал их, любуясь причудливыми сплетениями тонких белых паутинок, что жили всего мгновение на его теплых пальцах.

Арий шел дальше и постепенно белых хлопьев, падающих с неба, становилось все больше. Ветер кружил их вокруг юноши. Они падали и устилали собою каменную насыпь, постепенно превращая окружающие серые скалы в белые искрящиеся стены и скоро из-под ступней Ахани при каждом шаге стал доноситься мягкий хруст сминаемого сплошного слоя холодных снежинок.

Ветер усиливался. И хлопья снега становились злее, понуждаемые его резкими порывами. Они уже не мягко таяли на лице юноши, а колко впивались в его кожу, заставляя зажмуривать глаза, оставлять всего лишь тонкую щелочку, для того чтобы разглядеть что творится под ногами.

А слой снега под ногами все рос и скоро уже Ахани утопал в нем по щиколотку при каждом шаге. Движения его замедлились и стали вязкими. Но все же парень добрел до того момента, когда окружающие его белые скалы расступились и открыли взору огромную снежную долину, расстилающуюся под его ногами.

Вся долина была холмистой и усыпанной редкими высокими соснами, кое-где собирающимися поворковать в маленькие рощицы, посередине поблескивало льдом большое замерзшее озеро. Но внимание Ахани привлекло странное сооружение, что возвышалось на дальнем конце долины.

Уже на самом склоне далекой горы, закрывающей собой почти весь небосвод, громоздились большие обтесанные камни, составленные друг на друга и образовывающие большую черно-белую пирамиду громадных размеров. Черным был цвет самих камней, а белый появился из-за множества сугробов, налипших на ее угловатые края.

Пораженный Ахани какое то время вглядывался в невиданную пирамиду и дивился ее странной конструкции, а затем стал осторожно спускаться по крутому склону вниз, в долину. Изредка его ноги скользили по снежному насту и он

падал в невысокие сугробы, взметая над собой брызги и комки снега, после чего, отплевываясь, поднимался и двигался дальше уже медленнее и осторожней, потирая ушибленные при падениях части тела и кривясь от боли.

Ахани достиг пологого дна долины, когда уже начало темнеть и на небо высыпали первые неяркие еще звезды. Он привычно уже стал искать место для ночлега и облюбовал маленькую расщелину между камней. Наломав веток от окружающих сосен,парень плотно заложил ими оба входа и накидал сверху.

Позже, когда окончательно воцарился на черном небосводе бледный Сома, а молодой арий, насытившись жестким прожаренным мясом, зевал и тер уставшие слипающиеся глаза, на фоне огромной пирамиды мелькнул огонек. Поначалу юноша не поверил свою зрению. Он тщательно проморгался, вглядываясь в далекое странное сооружение, наверняка возведенное богами, ведь человеку не под силу поднимать такие тяжелые камни и выстраивать их друг на друга, но вскоре огонек появился вновь.

Он двигался у самого подножия пирамиды, то пропадая за редкими стволами деревьев и небольшими заснеженными пригорками, то появляясь снова. Ахани напряженно следил за его движением, строго сведя брови и слегка раздвинув колючие сосновые ветки, закрывающие вход в расщелину.

Затем юноша решился. Он тщательно затоптал скудные угли, собрал свои пожитки и осторожно, слегка пригибаясь, пошел к пирамиде.

В ночи дыхание Ваю стихло и вокруг было довольно светло от ярко светящего Сомы. Его бледный свет отражался от толстого слоя снега, которым была покрыта вся долина, потому Ахани быстро перебегал от одной тени к другой, надеясь что его не заметят, хотя до странного сооружения было еще далеко.

Горы, в ночи казавшиеся черными исполинами, окружали долину со всех сторон и закрывали своими огромными островерхими телами половину небосвода. Искрились иголки высоких сосен, усыпанные серебристым инеем. Тихо поскрипывал рыхлый снег, встревоженный мягкими подошвами молодого ария. Лед, покрывающий небольшое округлое озеро, тускло блестел в ночном полумраке, по его поверхности извилисто расползались длинные трещины.

Ахани решил обойти водоем по берегу, не решаясь выходить на открытое пространство, да и неизвестно какой толщины был тот лед. Потому он быстрыми перебежками двигался от одного дерева, растущего около замерзшей воды, к другому, прячась под их раскинувшимися густыми ветвями. При

беге ступни юноши взметали пригоршни снега, иногда он соскальзывал с вершин небольших пригорков, погружаясь в сугробы почти по пояс, в другие моменты проползал под низко склоненными ветвями, стараясь не потревожить толстый слой снега, налипший на них.

Прошло полночи прежде чем юноша добрался наконец до странной пирамиды. Он взобрался на последний пригорок, откуда открывался отличный вид и затаился, лежа под деревом и прижавшись к его вкусно пахнущему, липкому стволу. Сквозь выдыхаемый изо рта легкий пар, замерзающий на длинных ресницах, Ахани разглядывал маленький вход в пирамиду, над которым трепетал язычок огня горящего факела.

Под факелом стояли двое. В пляшущем желтом круге света, отбрасываемом маленьким пламенем, топтались и грозно осматривали окрестности, выдыхая пар, два демона. Именно так показалось Ахани поначалу, но затем он присмотрелся получше и увидел, что то были все-таки люди, но со странной черной кожей. Их огромные глаза белели на фоне темных лиц, носы были необычайно широки, а губы огромны.

Ахани тут же вспомнил про народ дасов, живущих за горой, о которых рассказывал ему отец и сразу понял что это именно они. Одеты дасы были в черные шкуры, накинутые также на голову, сверху же над их бровями к шкурам прикреплены были большие белые клыки какого-то большого хищника.

Молодому арию стало не по себе, когда он подумал каким же огромным должен быть хищник с такими большими клыками и какие сильные воины эти дасы, раз они могут справится с подобным зверем. В руках черные люди сжимали длинные копья.

Изредка из маленького входного проема пирамиды доносился далекий заунывный голос, произносящий непонятные для Ахани слова, но затем оттуда раздался женский вскрик и юноша удивленно прислушался, распахнув свои огромные голубые глаза в изумлении.

Что могла делать женщина в этом странном строении, да еще и вскрикивать от страха? Неужели в этой огромной пирамиде обитает какой-то жестокий бог дасов, глумящийся сейчас над бедной девушкой? То что это был именно девичий голос, Ахани не сомневался, уж больно молод и тонок был испуганный вскрик, потревоживший его душу.

В памяти молодого ария сразы всплыли образы его матери и сестренки Сави, силой увезенные воинами подлого Мартана, и сердце его наполнили печаль и сострадание неизвестной девочке.

Твёрдо решив помочь, Ахани быстро и аккуратно сполз с пригорка, прячась за маленькими кустами и не спуская глаз с

охранявших вход дасов. Те разглядывали раскинувшуюся перед ними долину, отойдя от проёма на пару шагов. Ветер трепал короткий мех шкур, в которые были облачены черные воины, и постукивал звериными клыками, одетыми на их головы.

Раньше молодому арию уже доводилось охотиться на осторожных оленей, потому он хорошо умел таиться, используя любые мало-мальские укрытия, и подбираться к добыче максимально тихо и скрытно. Да еще родной бог Ваю решил помочь юноше. Своим порывистым дыханием он принёс с вершин окружающих долину гор обильные пригоршни снега и стал осыпать им черных дасов, мешая им видеть.

Потому Ахани быстро и бесшумно прокрался за их спинами и проник внутрь пирамиды. Там было тихо и холодно. Юноша замер, прижавшись к покрытой инеем стене и прислушался. Охранявшие вход дасы не заметили его, можно было дышать чуть свободнее и оглядеться.

Узкий коридор с низким потолком под уклоном уходил вниз. Из его черной глубины изредка доносились звуки падающих на каменный пол капель и обрывочное бормотание старческого мужского голоса. Слова были разными - то заунывными, то резко гортанными, то вкрадчиво молящими. Язык был незнаком Ахани.

Юноша обнажил свой кинжал и осторожно пошел по коридору. Каждый его шаг оглашал шорохом замкнутое пространство, тихий звук кожаных подошв отражался от низко нависающего потолка и гладких каменных стен. Вокруг было темно, потому Ахани ступал аккуратно, каждым нажатием ноги проверяя пол на прочность. Левую руку он не отрывал от холодной стены, скользя пальцами по влажной шершавой поверхности.

Вскоре скользкий пол под его ступнями выровнялся и в кромешной темноте далеко впереди замелькали отблески света. Юноша вздохнул с облегчением и зашагал чуть быстрее.

Длинный коридор закончился огромным помещением. Ахани, прижавшись к стене, осторожно выглянул из-за угла и подивился его размеру. В таком зале спокойно уместились бы с десяток его родных юрт, потолок же терялся в непроглядном мраке.

Пространство было слабо освещено несколькими чадящими, потрескивающими факелами. В центре зала возвышался большой, ровный камень, черный, с искрящимися прожилками. Возле него спиной ко входу стоял человек.

Был он низок и с головой одет в пятнистую черно-желтую шкуру. Мужчина сильно горбился, а правая рука его, сжимающая загнутый, каменный клинок, была изможденной и такой же

черной, как и кожа воинов, охраняющих вход.

Человек раскачивался и, нараспев, произносил непонятные молодому арию заклинания. Голос его был хриплым и дребезжащим, потому Ахани понял, что это был старик. В левой руке он держал узкую маленькую чашу.

Но больше внимание юноши привлекла молодая чернокожая девушка, лежащая на камне. Она была в одной набедренной повязке и вся блестела от масла, которым старик изредка поливал ее тело из чаши. Лицо дасьи было гораздо изящнее, чем у воинов-дасов, увиденных Ахани.

Глаза и пухлые губы девушки были одинаково приоткрыты и казалось, что она засыпала, по тому как ровно и редко вздымалась ее маленькая грудь. На длинных волосах дасьи, таких же умасленных, как и все ее стройное тело, играли отблески факелов.

Голос старика приобрел надрывные интонации, а левая рука его, держащая чашу, неспешно кружила над черным телом девушки. Тонкой струйкой тягучая жидкость стекала на ее кудрявые волосы, на лоб и пухлый нос, выпуклые губы, тонкую шею и ложбинку между ключицами, на грудь и впалый живот, стройные бедра и маленькие пальцы ног.

Загнутое полукругом, каменное лезвие, зажатое в правом кулаке черного колдуна, медленно поднялось вверх и блеснуло остро заточенным концом. Голос его почти перешёл на визг и Ахани понял, что медлить нельзя.

Юноша резко отлип от стены и бросился через зал к каменному постаменту, на который вели три ступеньки. Но старый колдун услышал шорох позади себя и обернулся. Сморщенное лицо его было обрамлено ожерельем из изогнутых зубов хищника. Одеяние колдуна всколыхнулось от стремительного движения и Ахани на мгновение показалось, что перед ним невиданный ему доселе демон в пятнистом окрасе и с широко разинутой пастью, усеянной острыми блестящими клыками.

Увидев светловолосого юношу в волчьей шкуре и с длинным стальным кинжалом, чернокожий колдун яростно вскрикнул и замахнулся на него своим клинком. Глаза его, и без того огромные, расширились на половину лица от удивления и гнева.

В следующее мгновение острие кинжала с лету вспороло звериную шкуру даса и со скрипом погрузилось в его грудь чуть левее от центра. Левой ладонью Ахани зажал рот колдуна, чтобы тот не проронил ни звука и не выдал его воинам, охранявшим вход.

Чернокожий старик дернулся и вскрикнул от дикой боли, но звук вышел сдавленным и еле слышным. Темные зрачки его уставились в ледяные глаза Ахани, а изогнутый кинжал выпал из враз обессилевшей ладони и со стуком скатился по ступенькам.

Через мгновенье колдун рухнул на пол и затих, Ахани перешагнул через его тело и склонился над девушкой. Взгляд ее огромных темно-карих зрачков бесцельно блуждал по сумраку, скрывающему высокий потолок зала, пока не наткнулся на лицо юноши. Изогнутые брови медленно поднялись в удивлении.

- Ари! - испуганно вскричала она. Левая ладонь Ахани тут же накрыла ее пухлые губы, а сам он чутко прислушался.

Через короткое время до его слуха донесся тяжелый топот чернокожих воинов.

***

Длинное, слегка изогнутое лезвие меча остро заточенным кончиком касалось сухой травы. Движимые порывами ветра высохшие, бледно-желтые травинки с шорохом скользили по закаленной, отливающей синевой стали, словно играя на ее поверхности с лунными бликами.

Изящная, но сильная ладонь Анхры сжимала двуручную серебряную рукоять, слегка вздымаясь и опускаясь в такт глубокому, размеренному дыханию. Каршва осторожно поддерживал ее за правый локоть. Напряженный и решительный взгляд его уперся в близкий пригорок, откуда доносились крики.

- Ияха! Ях! - первый из преследовавших их зендов вынырнул из полумрака и резко осадил коня, увидев лежащую на земле раненую лошадь, а затем и пару, за которой он гнался. Вслед за ним появились еще девятеро воинов.

Воинственные крики смолкли и, став полукругом, обнажив свои ятаганы, направили они своих коней к замершей паре. Каршва отпустил руку девушки и выступил вперед, заслоняя ее собой.

- Не нужно, - еле слышно проговорила Анхра и, собрав силы, выпрямилась, и расправила плечи. Но молодой арий не услышал ее.

Колдунья запрокинула голову и раскинула руки, обратив их ладонями к ночному небосводу. Дыхание ее стало максимально глубоким и полная грудь вздымалась, грозя разорвать темно-красную ткань платья.

Глаза девушки были закрыты, а из полуоткрытых губ ее полился неяркий серебряный свет в обрамлении белесого пара.

- А-а-а, - этот звук родился в легких Анхры и вырвался наружу, сначала совсем тихий, он быстро разросся до оглушающего визга.

Природа вокруг умолкла, пораженная страшным воплем. Молодой Каршва в изумлении обернулся к девушке, а подступающие к нему кони зендов остановились, в страхе переминаясь на месте.

Но крик Анхры и не думал прекращаться, а наоборот нарастал. Теперь к ее тонкому девичью голосу примешался низкий животный рык, плохо различимый на фоне ее визга.

- А-а-р-р! - неслось, нарастая, в ночной тишине.

Ветер задул с удвоенной силой. Его холодные порывы завертелись вокруг Анхры, Каршвы и замерших зендов и казалось обрели неясную видимость.

В воздух поднялась вырванная с корнем сухая трава. Она закружила вокруг людей с бешеной скоростью, заставляя озлобленных зендов морщиться и заслонять лица руками, потому что высохшие листья больно впивались и царапали кожу, на огромной скорости проносясь по кругу, центром которого была кричащая колдунья.

Крик достиг максимального своего звучания, визгливо-тонкого и одновременно яростно рычащего, теперь голос дикого зверя уже явно прорывался и звучал наравне с голосом Анхры.

- Аар!

Некоторые из зендов и стоящий ближе к девушке Каршва зажали уши ладонями и затем звук резко прекратился, унесясь в бездонную космическую даль. Казалось, он канул в безмолвную бездну и затерялся среди холодных звезд.

Листья и трава, не поддерживаемые больше дуновением ветра, с шорохом осыпались на землю. Зенды облегченно отнимали ладони от ушей, некоторые усиленно терли глаза и промаргивались, избавляясь от набившегося песка.

Анхра открыла веки и взгляд ее огромных черных зрачков замер, устремленный на звездный небосвод и округлую луну - Сому. На губах ее играла удовлетворенная улыбка.

Молодой Каршва, не совсем еще отошедший от удивления, проследил за ее взглядом и разглядел на ночном небосводе три звезды, быстро летящие рядом.

Природа вокруг робко попыталась ожить. Крикнула невидимая ночная птица, зашуршали и запискали невдалеке полевые грызуны. Зафыркали приходящие в себя боевые кони зендов, некоторые из всадников обменялись короткими фразами на своем диалекте. Заблестели снова их обнажённые ятаганы.

Анхра и Каршва, не отрываясь, глядели на небо, запрокинув головы - три звезды стремительно неслись в их сторону, оставляя за собой блеклые желто-фиолетовые следы. Очень скоро отблески этого света заплясали на их запрокинутых в удовлетворении и

изумлении лицах, на разбросанной и смятой траве вокруг них, заискрили на кривых лезвиях зендов и тогда всадники обратили свои взгляды на небо.

Раздались обеспокоенные возгласы.

- Эй, ты! Стой! Что это? - отрывисто, с трудом вспоминая слова, спросил у Каршвы самый старший из воинов-зендов, рукой указывая на пылающие звезды с гулом падающие с неба прямо на них.

Но молодой арий не успел ответить, потому что в следующее мгновение болиды рухнули прямо между ним и окружающими его всадниками.

- Бух! Бух! Бух! - с гулким грохотом почти одновременно врезались они в землю.

Потревоженные и вырванные из недр комья почвы вперемежку с камнями, песком, кусками дерна и ошметками травы взметнулись в воздух гораздо выше, чем сидящие на лошадях зенды и лавиной осыпались вокруг них.

Раздалось многоголосое испуганное ржание, отплевывание и невнятные крики воинов, пытающихся успокоить гарцующих в панике скакунов.

Анхра, замерев в той же позе, широко расставив ноги, с гордо выпрямленной спиной и свободно опущенными, расслабленными руками, в одной из которых был зажат слегка изогнутый, длинный, тонкий, серебряный меч, невозмутимо и с презрительной усмешкой, играющей на полных алых губах, наблюдала за происходящим.

Поднявшийся от столкновения болидов с землей ветер и ударная волна всколыхнули ее длинное платье, черный плащ, отороченный лисьим мехом и темные, как ночь волосы, но ни одна падающая травинка не коснулась ее, в отличии от остальных людей, что были нещадно обсыпаны песком и землей.

Над поверхностью поднялась туча пыли и на недолгое время заволокла собой лик Сомы, наступила непроглядная тьма.

- Благородная! Благородная! - несся голос взволнованного Каршвы оттуда. - Вы целы? - Со мной все хорошо, Каршва, - негромко и спокойно ответила колдунья. - Подойди ближе, иди на мой голос.

Пошатываясь, молодой арий вынырнул из пылевого облака и приблизился к Анхре.

- Что это было, благородная? - удивленно спросил он, усиленно вытирая веки ладонью и пытаясь очистить их от песка. - Почему вы так кричали?Я звала на помощь, Каршва, - спокойно ответила Анхра. - И помощь пришла, не беспокойся об этом.

Голос девушки был мелодичен и спокоен, как будто ничего

необычного не случилось.

Окружающая муть постепенно оседала и открывала взглядам взволнованных людей три черных, тускло блестящих сталью, больших шара. Жаркий пар с шипением поднимался над ними. Среди зендов послышался ропот, когда шары зашевелились.

Сферы задвигались, стали распрямляться с металлическим лязгом и взглядам оробевших людей предстали три огромных зверя, закованных в черные латы. Шумно выдохнув клубы пара из ноздрей, они поочередно распрямили плечи и не торопясь вылезли из воронок, оставленных ими при падении.

Три пары больших, мохнатых лап с грузным топотом, выбивающим пыль из почвы, встали перед изумленными зендами. Три пары глаз уставились на обомлевших всадников.

Звери свободно стояли на задних лапах. Их ноздри с шумом выдыхали воздух, прочные нагрудные пластины с жалобным скрипом терлись друг о друга при каждом их вздохе.

Мощные передние лапы, покрытых черным мехом медведей, были свободно опущены к земле, почти касаясь ее загнутыми когтями. Звери были неотличимы друг от друга как братья-близнецы. Они были спокойны и молча ждали, как поведут себя всадники, буравя их строгими взглядами черных глаз.

Первым пришел в себя от удивления самый пожилой и опытный зенд. Он оглядел своих товарищей, взмахнул ятаганом и яростно крикнул. Боевой конь его встал на дыбы и, зло заржав, понуждаемый сильной рукой своего наездника, ринулся на медведя, стоящего посередине и чуть ближе к всадникам. Остальные воины бросились за ним.

- Ияха! Ях! - злобно понеслось над округой.

Могучие лапы жуткого черного зверя с натугой остановили налетевшего на него гнедого храпящего коня. Свистнул ятаган зенда и высек искры на стальных латах, но медведь, не обращая на это внимания, зло зарычал и повалил скакуна на землю. Ноги лошади забили по земле, взметая тучи пыли, а мощный торс придавил кричащего от боли воина.

Ему на помощь уже спешили остальные зенды. Одновременно с двух сторон, они подлетели к медведю, яростно крича и размахивая клинками. Зверь поднял вверх свои длинные лапы и лезвия зендов лишь безрезультатно скользнули по его латам с режущим слух скрежетом.

Зверь же в ответ вонзил свои загнутые когти в плечо правого воина и, как тонкую соломинку, сдернул его со спины коня прямо под гарцующие копыта. Мгновенно повернувшись к левому зенду, медведь воткнул когти ему в живот, легко вспоров

тонкие листы стали, нашитые на его куртку и, приподняв в воздух, отбросил воина на землю.

Два оставшихся черных медведя встали по обе стороны от своего товарища и уверенно заработали мощными лапами, отражая сыплющиеся на них удары и смертоносно отвечая на них.

Схватка длилась недолго и вскоре наступила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием медведей и редким хрипением раненых лошадей. Осмотрев своих поверженных врагов, звери повернулись к Анхре.

Их морды и лапы были обильно окрашены красной жидкостью, тускло поблескивающей в лунном свете. Огромные силуэты зверей возвышались над бесформенными кучами распластанных и недвижимых тел. Ветер шевелил короткий угольный мех медведей, выбивающийся в узких щелях их прочной брони и уносил клубы пара, с тихим рычанием вырывающийся из приоткрытых пастей. Поблескивали их острые клыки.

- Друж, Акама, Айшма, благодарю вас за помощь, - твёрдо произнесла Анхра. Серьезный и бледный Каршва стоял возле нее, сжимая ятаган, и оценивающе оглядывал опасных демонов-медведей.

Звери чуть склонили морды, тихо порыкивая, затем с тихим стальным лязгом, не торопясь, сели на землю и их броня соединилась в большие сферы, которые тут же взмыли в ночное небо, подминая под собой траву, и затерялись среди сотен звезд. Тогда Анхра повернулась и посмотрела в глаза Каршве.

Глава 8.

Первый из чернокожих дасов вылетел из темноты, шлепая сырыми сапогами по каменному полу. Клыки зверя на его лбу постукивали, ударяясь друг о друга. Мускулистая рука выставила вперед короткое копье с остро обтесанным каменным наконечником.

Ари! - взбешенно взревел он, увидев молодого светловолосого воина и распростертое тело старого колдуна у его ног. Второй дас выскочил следом, чуть не налетев на более быстрого товарища.

Ладонь Ахани оставила губы испуганной дасьи и мгновенно взметнулась к луку, дремавшему за спиной. Пришло его время и мешкать было нельзя. Всего три десятка шагов отделяло ария от озлобленных воинов и его кинжал ничего бы не смог сделать против двух копий. Белооперенное древко стремительно легло на изогнутый лук, растянулась тетива и тут же свистнула,

освобожденная.

Пламя одного из факелов всколыхнулось, когда стрела пролетела возле него, рассекая наполнявший зал легкий дымок. Один из дасов захрипел и схватился за горло, бег его прервался. Глаза черного выпучились, когда он в тщетной попытке достать скользкое от крови древко, обхватил его ладонями. Но эти попытки были бесполезны и он, хрипя, повалился на пол.

Второй дас добежал до Ахани. Он выбросил вперед руку с зажатым копьем, метя в живот парня, но реакция ария спасла его - юноша слегка отклонился и острая грань рассекла многострадальную накидку. Тогда чернокожий воин одним прыжком вскочил на постамент и левой рукой схватил светлого врага за шею. Дико рыча, он сдавил ладонь и всем весом мускулистого тела повалил Ахани на жертвенный камень. Обнаженная девушка в испуге отшатнулась.

Скаля зубы, дас обхватил горло юноши и второй ладонью. Крупные мышцы на его руках вздулись от напряжения. Из открытого рта молодого ария вырвался протяжный хрип. Перед глазами замелькали искры и черный мрак, скрывающий потолок, приобрел красноватый оттенок. Пульс гулко застучал в висках.

Левая ладонь парня судорожно хлопала по поверхности черного камня в поиске кинжала, правой же он пытался оттолкнуть голову даса, выворачивая ему подбородок. Но черный воин был гораздо крупнее и сильней. Его пальцы казалось были сделаны из гранита. Натужно и шумно выдыхая воздух через широкие ноздри, он что было сил сдавливал горло врага.

На глазах Ахани выступили слезы. Мрак вверху закружился и стал поглощать юношу. Кончики его пальцев нащупали рукоять кинжала. Но дас увидел это движение и навалился еще сильнее, арий непроизвольно схватился за ладони, сдавливающие его шею, в попытке разжать их, до крови вонзая ногти в черную кожу. Пальцы юноши задрожали и задергались, кинжал отскочил от них и со стуком упал на ступени.

Силы покинули Ахани и разум стал меркнуть. Когда же ладони даса вдруг ослабели и разжались, юноша сполз на пол, жадно глотая воздух. Каменная поверхность раскачивался из стороны в сторону. Сквозь упавшую на глаза челку, арий видел перед собой ноги чернокожего воина. Затем они подогнулись и дас рухнул на ступеньки, схватившись за горло и пытаясь остановить хлеставшую оттуда кровь.

Ее теплые брызги попали на лицо Ахани, заставив его вздрогнуть. Сквозь туман, застилавший глаза, арий видел нагую дасью, которая стояла над дергающимся воином, сжимая каменный клинок колдуна, обагренный кровью соплеменника.

Затем она посмотрела на юношу.

Дасья была очень молодой и худой. Но не изможденной. Свет факелов скользил по ее блестящей черной коже, играл тенями на впалом животе и ямочке пупка, прятался между слегка проступающих ребер и под маленькими грудями, скользил по длинным гладким бедрам. Лицо ее было поражено гримасой боли - тонкие брови сведены, а в темных глазах застыли слезы.

Резко отвернувшись от умирающего у ее ног воина, дасья пропала из виду. Когда Ахани немного пришел в себя и собрал свое оружие - девушка вернулась. В руках ее был факел. Не говоря ни слова, она поманила Ахани за собой и молодой арий, пошатываясь, пошел следом, с некоторым интересом разглядывая ее худую спину с торчащими лопатками, длинные кудрявые волосы, изящные руки и выступающие ягодицы, скрытые намотанной грубой тканью.

Пляшущий свет факела выхватил из темноты большой каменный столб. Оказалось, что он стоял совсем рядом с жертвенным камнем, но был скрыт темнотой. Выдолбленные в его теле канавки образовывали множество жутких скалящихся лиц полулюдей-полузверей. У подножия была навалена груда белых черепов.

Девочка-дасья прошла мимо столба не обращая на него внимания. Огонь факела в ее руке шипел и извивался. Тени, отбрасываемые пламенем, скользили по бледным каменным лицам, кое-где измазанным засохшей красной жидкостью, прятались между длинных клыков и в пустых глазницах черепов. Казалось, злые дасьи боги со злобным молчанием разглядывают молодого ария, потревожившего их покой. Ахани стало не по себе.

На дальней стене зала был высечен огромный барельеф с тремя такими же страшными мордами. Дасья нырнула в маленький проем, прямо под ним. Арий, запрокинув голову, подивился размеру пугающих изваяний и последовал за девушкой.

Коридор, в котором они оказались, был точно таким же узким, как и входной, потолок нависал над головами пары и Ахани думал, что мог бы достать его вытянув руку. Его внимание опять привлёк округлый зад чернокожей дасьи. Упругие ягодицы грозили разорвать туго намотанную на них ткань при каждом ее шаге.

В памяти юноши появилась Хини. Как бы хотелось, чтобы она сейчас оказалась здесь и так же шла перед ним в своем любимом бежевом платье. Как и когда гуляли они совсем недавно по берегу мелкой речки. Наверняка на ее чудесных светлых

волосах играл бы и переливался теплый свет факела.

Она бы обернулась и улыбнулась ему ласково, а может даже и рассмеялась, как обычно, еще тогда в прошлой жизни, звонким и задорным смехом, журчащим как веселые струи, скачущие по камням. Но теперь неизвестно где она и что с ней. И какую подлость учинил с ней злой Мартан.

Ахани горестно покачал головой и горло отозвалось болью, еще не оправившись от удушающей хватки черного воина.

Скоро коридор закончился и пара оказалась в маленьком зале, посередине которого были навалены шкуры зверей и на больших зеленых листьях разложена странная еда.

Шкуры были разные и многие из них никогда не виданные Ахани. С короткой и длинной шерстью, черные, серые, полосатые и пятнистые, они были разложены по полу вокруг россыпи необычных плодов.

Дасья, увидав их, быстро закрепила факел в выемке на стене и, подобрав круглый коричневый плод, уселась на мягкий ворох шкур. Подняв плод над головой, она с силой ударила им по полу и тут же приложила к губам, с наслаждением глотая неизвестную жидкость.

Вдоволь напившись, девушка взяла еще один такой же плод и протянута его Ахани. Арий уверенно опустился на шкуры напротив дасьи и принял подношение.

Оно был коричневым и покрытым коротким ворсом. Юноша взмахнул рукой и ударил плодом по каменному полу. Тот отскочил, зажатый в его кулаке, но не треснул.

Голо, - впервые подала голос дасья, сказав незнакомое Ахани слово. Она нахмурилась и сильно махнула рукой к полу. - Голо!

Голос ее был глухой и низкий.

Сильнее? - спросил юноша и повторил жест девушки, догадавшись о значении слова.

Сильне, - кивнула дасья и снова махнула рукой.

Ахани размахнулся что было сил и плод раскололся от удара, обдав его лицо белой, терпко пахнущей жидкостью. Чернокожая девочка засмеялась, запрокинув голову и обнажив белые зубы. Слезы проступили в уголках ее больших глаз.

Юноше все же удалось сделать пару глотков с осколка большого ореха. Жидкость была вкусной, пряной и слегка похожей на коровье молоко. Каждое движение кадыка отзывалось болью, но жажда была сильнее.

Отдышавшись после смеха, чернокожая дасья приложила ладонь к груди.

Нала, - произнесла она и указала на юношу, вопросительно

посмотрев на него.

А я Ахани, - ответил арий, поняв что надо сказать свое имя.

Яихани? - переспросила девушка.

Нет, - улыбнувшись, юноша замотал головой. - Ахани.

Ахани, - понятливо потянула имя дасья, словно пробуя его на вкус.

Девочка зябко поежилась. На коже ее рук проступили мурашки. Она подобрала с пола одну из шкур, черную, с короткой шерстью и обмотала ее вокруг тела, прикрыв заостренные груди. Удлиненные концы, бывшие когда-то лапами зверя, она связала на боку, чтобы шкура не падала. Затем подобрала вторую, с черными и желтыми полосами, и накинула ее на худые плечи.

Гаса, - Нала протянула Ахани жёлтый изогнутый плод. Юноша осторожно взял его и надкусил.

Девушка снова рассмеялась, а затем показала что фрукт надо чистить, снимая с него кожуру. Его внутренняя мякоть показалась Ахани очень вкусной и сладкой. И он съел еще несколько таких же. Плод оказался питательным. Желудок юноши быстро наполнился и он, откинувшись на горку шкур, сладко зевнул. Глаза его слипались.

Дочо, - сказала Нала, увидев это. На четвереньках подползла к Ахани и, взяв его за плечи, мягко заставила лечь удобней. Затем сама легла рядом и накрыла их теплыми шкурами.

Дочо, Ахани, - ее темно-карие глаза смотрели в глаза юноши совсем близко, а слегка широкий нос коснулся кончика его носа.

Спать? -устало спросил молодой арий и дасья кивнула, снова задев его нос своим.

Спать, - ответила она и закрыла глаза. Правая рука ее легла на шею Ахани, пальцы погрузились в его волосы, левая нырнула под его голову и замерла.

Дыхание ее стало размеренным и глубоким. Ахани чувствовал ее теплые выдохи на своей щеке и засыпать так было непривычно. Немного подождав и поморгав, рассматривая красивое лицо Налы перед собой, он все же провалился во тьму.

Босые ступни Хини мягко ступают по длинной, выжженной солнцем траве. Подол длинного светлого платья вздымается при каждом шаге. Красная веревочка перетягивает тонкую талию. Густой шелк русых волос перекатывается волнами и тускло поблескивает, раздуваемый лёгким дыханием Ваю.

Они гуляют по берегу узкой, журчащей речки, где трава перемешивается с гладкими камнями. Иногда Хини легко вскакивает ни них и мило, с улыбкой щурится, подставляя лицо с еле заметными веснушками тёплым лучам Сурьи. Бог солнце

собирается уходить за далекие зеленые холмы.

Ты ведь не оставишь меня, Ахани? - спрашивает она, глядя на друга сверху вниз, с одного из таких камней. В голубых глазах искрится радость.

Нет, - негромко отвечает юноша, мотая головой.

Чтобы не было? - переспрашивает девушка.

Чтобы не было, - кивает парень.

Вьяса сказал, что мы всегда должны быть вместе - так повелел Агни, - голос Хини становится чуть строгим.

Так и будет, Хини.

Вращаются белые облака и наступает ночь. Испуганный взгляд мечется среди холодных звезд. Они мигают и перемещаются по черному небосводу. Летит земля и время. Холмы, огни и камни. Реки, рощи, одинокие скалы. И деревянный столб, к которому привязаны девичьи запястья.

Свистит кнут и с оглушающим щелчком вспарывает светлую ткань, подбрасывает русые волосы. В образовавшейся прорехе обнаженная девичья спина и глубокая царапина с проступающей кровью. Кнут с шипением замахивается снова.

Хини! - Ахани резко проснулся и сел на ворохе мягких шкур, тяжело дыша. Лежащая рядом дасья открыла глаза, с тревогой глядя на юношу.

Факел, закрепленный на стене, еле тлел и в зале было сумрачно. Зевая, Нала поднялась с ложа и исчезла в темноте одного из углов. Вернувшись с двумя новыми факелами в руках, она подожгла один, приложив его к догорающему.

Хини? - спросила она и опустившись рядом с Ахани, протянула ему жёлтый фрукт.

Мне было видение, подруга Хини, - пояснил юноша, задумчиво жуя.

Сердце Ахани наполнили боль и страдание. Он был уверен в правдивости сна.

Справедливый бог Варуна показал мне правду, - думал он. - Какой же я глупый! Надо было идти по следам воинов Мартана и ночью пробраться в их стан, и выкрасть родных! А теперь милую Хини так жестоко наказали! А я мог бы их освободить! Но теперь уже ничего не поделаешь! Надо быстрее найти брата. И убить подлого Мартана!

Юноша качал головой в горестных раздумьях, в злости сдвинув брови, пока его колена не коснулась теплая ладонь Налы.

Ахани, - она с сочувствием заглянула в глаза юноши, а затем взяла его за руку.

Все хорошо, Нала, - ответил очнувшийся парень. - Нам надо

идти!

Идти, - кивнула девушка, подняла круглый плод с листьев и ударила им по полу. Затем протянула одну из половин расколотого ореха Ахани. Он с жадностью выпил наполнявшее его молочко.

Ты слышала о Ману? - спросил он дасью, утерев губы.

Ману! - Нала зло оскалилась. Из ее рта вырвался поток неизвестных Ахани слов. Жестами она проводила себя ладонью по горлу, махала кулаками, изображая удары клинков, потом стучала ими по полу, подпрыгивая от переполняющей ее ярости. Закончила она тем, что вскочила на ноги и, наклонившись к лицу Ахани, выдала ему злобную тираду, начинающуюся с имени его брата. Потом отвернулась и отошла от него, так резко что огонь факела на стене заколыхался от движения затхлого воздуха.

Ахани с недоумением наблюдал за ней.

Просто покажи мне дорогу к Ману, - осторожно попросил он.

Нала, стоящая спиной к Ахани, скрестив руки на груди, досадливо дернула плечом и ступня ее в раздражении застучала по полу. Невнятно пробормотала что-то на своем языке и взглянула на юношу. Она нервно кусала губы, размышляя о чем-то, словно никак не могла решиться.

Взгляд ее темных серьезных глаз метался по залу, нигде подолгу не задерживаясь. Она смотрела то на кучу разноцветных фруктов, то на пушистые шкуры, то оборачивалась к пламени факела и наконец взглянула в голубые глаза Ахани и медленно кивнула.

Тогда нам надо идти! - воскликнул Ахани и, вскочив на ноги, стал собираться.

Первым делом он ушел в угол и вытряхнул из своего мешочка противное мясо рыси, снял штаны, сделанные им из ее шкуры и бросил туда же. Вернувшись, он туго набил мешок фруктами, выбрал и надел на ноги две черные шкуры, туго связав их, чтобы не замерзнуть в снегу.

Нала также утеплила ноги, раскопала из шкурной груды тёплые сапожки, надела их и кивнула Ахани.

Арий первым вышел в коридор ведущий в большой жертвенный зал. Путь освещал факел, горящий в его кулаке. Пламя почти касалось низкого потолка, оставляя на нем черный извилистый след копоти.

Нала в этот раз бесшумно шагала следом за Ахани, за пояс она заткнула кривой кинжал мертвого колдуна.

Быстро дошли они до большого зала и там было почти темно - большинство факелов потухли, лишь парочка мерцала во тьме маленькими алыми огоньками. Огромное пространство было погружено в полную тишину, потому шорохи шагов были необычайно громкие и разносились далеко.

Скоро обогнули жертвенный столб, жуткие каменные лица опять проводили пару кровожадными взглядами, но Ахани в этот раз было не до дасьих богов - его цель была в другом и все

помыслы его были заняты этой целью. Найти брата, освободить родных и убить Мартана, а мелкие божки пусть себе смотрят куда хотят, лишь бы на дороге не встали.

Дойдя же до жертвенного камня, Ахани опять стало не по себе. Трепещущий свет факела выхватил тела убитых воинов-дасов. Но лежали они на поверхности алтаря. Кто-то перетащил их, пока Ахани с Налой спали и аккуратно сложил на черный искрящийся жертвенник. Кровь дасов капля за каплей собиралась в особое углубление в камне и по маленькому выдолбленному желобку медленно стекала сначала на пол и далее в сторону дасьего столба.

Арий достал кинжал и обошел камень, девушка молча и бесшумно следовала за ним. Тело чернокожего колдуна пропало. На месте его смерти растеклась и блестела в свете факела большая запекшееся лужа крови.

Уйдем отсюда, - чуть слышно произнёс Ахани и дасья показала рукой на выход.

Когда же они споро дошли до противоположной стены, то остановились как вкопанные. Выхода не было. Проем, ведущий в коридор, был наглухо замурован каменной плитой.

Подойдя ближе, Ахани поводил факелом по краям плиты, рассматривая щели, попробовал поддеть камень кинжалом, но все было тщетно. Он опустился на колени, с силой попытался вогнать лезвие в щелку между плитой и полом, но и это не помогло. Тогда он озлобленно вздохнул и посмотрел на Налу.

Она махнула в сторону жертвенного камня и пара вернулась туда. Остановившись у кровавой лужи, девушка указала Ахани на еле заметные красные отпечатки ног, которые вереницей уводили к правой от входа стене.

Неужто ваш колдун бессмертный? - полушепотом спросил юноша. - Смерть могут победить только боги.

Доло гостр даса, - серьезно ответила Нала и ладонью обвела пространство вокруг. Юноша нахмурился. Он пытался догадаться, о чем говорит его спутница.

Может, это дом бога дасов? - задумчиво проговорил он.

Даса, даса, - закивала девушка.

Пойдем по следам, - Ахани все еще не был уверен в правильности перевода и принял решение. - Посмотрим куда они ведут.

Ведут, - снова согласилась Нала.

Юноша с осторожностью пошел в темноту, часто вглядываясь под ноги, пытаясь углядеть кровавые отпечатки. Иногда след обрывался, тогда он кружил на месте, высоко поднимая факел, пока не обнаруживал его снова. Дасья тихо шла

за парнем, напряженно всматриваясь во мрак. Кулак ее сжимал темно-зеленый клинок восставшего колдуна.

Следы привели пару к правой от входа стене. На ней висели два больших одинаковых барельефа. Морды каменных зверей скалились на людей, словно охраняя что-то ценное. Сильно выпирали их неестественно длинные клыки. Пляшущие тени в диких зрачках злобно рассматривали незваных гостей.

Ахани подошёл к головам зверей на расстояние вытянутой руки, тщательно разглядывая их. Красные, еле заметные отпечатки босых ног обрывались точно между ними. Юноша спрятал кинжал и его ладонь обхватила один из острых каменных клыков.

Надеясь отломать его, Ахани потянул вниз. Раздался щелчок и каменная плита пола, на который стояла Нала, с грохотом и скрежетом обрушилась. Девушка вскрикнула, резко потеряв опору, ее руки взметнулись в надежде ухватиться за край соседней плиты. Но ладони ее лишь со шлепком и скрипом съехали вниз не найдя ни одной щели.

С испуганным криком, который как эхо разнесся по темному залу, дасья исчезла в черном проеме. Ошарашенный Ахани резко обернулся и расширившимися глазами видел падение подруги. Все произошло в мгновение ока и он ничем не успел помочь девушке.

Нала! - одним прыжком подскочил он к дыре в полу и посветил туда факелом. Ответа не было. Свет пламени не доставал до дна нижнего помещения и Ахани не мог представить с какой высоты рухнула милая дасья. Страшные мысли пронеслись в его голове и в груди похолодело. Брови сошлись в скорбной гримасе.

Нала! - снова крикнул он. Голос юноши дрогнул и стал чуть тише.

Ахани! - негромко донеслось из темноты. Звук Нала, я брошу тебе факел! - пальцы ария разжались и факел кувыркаясь с гудением улетел вниз. Юноша постарался бросить его чуть в сторону чтобы не задеть девушку. Падал он не долго, а приземлившись осветил темный каменный пол и дасью, лежащую на боку.

Приподнявшись на локте, Нала смотрела наверх, пытаясь увидеть ария.

Ахани! - снова жалобно крикнула она. Но в ответ из окружающей ее темноты раздалось утробное рычание.

Юноша не стал думать, сполз в проем, держась за край плиты и повис. В следующее мгновение пальцы его разжались.

Благородный, твоя сестра вернулась! - Вагва вошёл в просторную юрту Мартана. Голос его был глух. - Она жива и здорова, и спешит сюда.

Молодой царь оторвался от полировки меча с золотой рукоятью.

Надо накормить ее, пусть Кальпа сготовит мяса.

Пожилой воин тут же отправился выполнять поручение, а Мартан отложил меч и точильный камень. Он задумчиво ждал.

В центре юрты весело потрескивал сухими ветками невысокий рыжий пламень. Мартан сидел на волчьей шкуре. Чуть поодаль на траву были навалены еще несколько для сна. Рядом красовалась нехитрая утварь - глиняные чаши и кружки разных размеров, толстостенные и окрашенные красным охром, ближе к ложу лежали короткое копье и лук с колчаном, полным стрел.

Внутри было сумрачно и тепло, костер освещал только центр жилища, по краям же прятались осторожные тени. Лёгкий дымок вился и медленно поднимался к маленькому окошку в потолке, был уже вечер, а потому потолочная ткань слегка трепетала от хладных дуновений осмелевшего Ваю. Мартан всматривался в язычки пламени и мигающие угли, думая о чем то своем.

Скоро полог распахнулся и внутрь шагнула Анхра. Она была уставшей и бледной, и поэтому сразу опустилась напротив брата на точно такую же серую шкуру. Расстегнула плащ, бросила его на траву за спину и осталась в темно-красном длинном платье грубой ткани, почти наглухо скрывающем ее тело, за исключением кистей изящных рук и лодыжек, на которых были надеты мягкие, невысокие сапожки. Длинный и тонкий меч с серебряной рукоятью она положила рядом.

За девушкой несмело вошёл молодой Каршва и встал у входа. Мартан строго оглядел обоих.

Что ты стоишь там? сядь рядом, - голос молодого царя был спокоен. Рукой он указал Каршве на место рядом с девушкой. - Ты ведь Каршва? Как остальные твои родичи?

Они пали, благородный, - молодой арий сел. - Зенды напали на нас и царь их был там.

Все? И Шагва? - Мартан нахмурился.

Я видел как их окружили, благородный и видел как дрались, - Каршва посмотрел на Анхру, будто ища поддержки.

Он спасал меня, - произнесла девушка, не глядя на молодого воина, но Мартан предупредительно поднял ладонь.

Значит ты не видел как Шагва пал, так же как и остальные воины с ним?

Нет, благородный, - Каршва мотнул головой.

Потому рано еще горевать по ним, может мудрый Варуна остановил врагов их, - Мартан расправил плечи и выпрямил спину. - А подлый Хида ответит за свое злодейство - завтра же выступим!

В юрту вошла низенькая седая бабушка, в ее руках на плетеном подносе дымились две большие чаши с аппетитным мясом, посыпанном зеленью.

Исхудало то, дитя, - она сокращённо покачала головой, глядя на Анхру, девушка стыдливо потупила взор. - Чтобы все съела! И придешь еще потом! Как поговорите - так ко мне сразу приходи, деточка!

Приду, бабушка, - согласно кивнула девушка и приняла из рук Кальпы еду. Вторая чаша досталась Каршве.

Пара принялась есть. Анхра быстро уплетала обжигающее мясо, активно работая челюстями и иногда замирая, открыв рот, когда небу становилось нестерпимо горячо. Каршва же напротив, ел медленно и аккуратно, чувствуя себя не совсем уверенно в присутствии царя. Бабушка постояла еще короткое время, глядя на девушку и покачивая головой, а затем вышла.

Спасибо, Кальпа, - бросил ей вдогонку Мартан.

Чтож, сестрица, - голос молодого царя приобрёл глухую строгость, когда полог перестал колыхаться за бабушкой. - Расскажи куда и зачем ты исчезла?

Это все Рудра, - спокойно ответила Анхра и оторвала белыми зубами кусочек мяса, а прожевав продолжила. - Мне стало интересно, зачем он защитил мальчика, тебе разве нет?

Это не стоит того чтобы ты рисковала жизнью! - Мартан откинулся чуть назад. - Да это очень странно, но причина ведь не только в этом, сестрица? Уж я то тебя хорошо знаю!

В этом, а в чем же еще? - Анхра слегка удивленно захлопала ресницами и даже ненадолго перестала жевать. - Если Рудра вдруг выступит против нас, то несдобровать нам!

Мне думается, больше не Рудра тебя беспокоит, а тот мальчишка, кого он защитил, - тихо и строго проговорил Мартан. - Но послушай, он всего лишь слабый глупый мальчик, он не дойдёт даже до дасов, сгинет в горах. Да и в это время он уже пал в царстве ..., и Рудра дальше не станет помогать ему! Его видят раз в сотню лет и больше он не появится.

Может и не появится, - Анхра равнодушно пожала плечами, все еще жуя, потому слова ее были немного невнятны. Каршва рядом чуть осмелел и уплетал уже активнее, не переставая прислушиваться к разговору.

Узнать все же стоило, - продолжила девушка, а затем заулыбалась. - Ну и думы тебя, брат! Почему мне должен быть

интересен какой-то мальчик с этой окраинной деревушки? Вздор!

Здесь веселого ничего нет, - Мартан подался вперед и черные тени от огня заплясали на его бледном лице, брови зло сошлись к переносице. - Те три десятка наших родичей, что я послал за тобой, стоили твоего веселья? Стоили они того что тебе вдруг захотелось повидать этого щенка шакала?

Теперь ты никогда не покинешь стан! - царь чуть успокоился и голос его стал тверд. - Ни шагу от меня! Если ослушаешься - не сестра ты мне больше! Накажу и не посмотрю что сестра! Розгами, при всех! Я в ответе за тебя перед родителями! Их духи проклянут меня, случись что. Ты все поняла?

Да, брат, - кивнула серьёзная Анхра.

Мартан немного подумал и посмотрел на молодого ария, сидящего сбоку.

Охраняй ее, Каршва, - увидев взметнувшиеся в обиде брови юноши, царь повысил голос. - Зендам мы сами отомстим, а ты нужнее здесь! Будет своевольничать - говори мне! Ступайте!

Да, благородный.

Отложив пустые чаши, пара поднялась и собирались уже выйти, как Анхра, резко вспомнив что-то, обернулась к брату.

Та дерзкая девчонка! Где она?

Мартан вопросительно глянул на сестру.

Тебе есть дело до неё? Отдал Шитре за самоцветы, - царь кивнул на тугой мешочек, стоящий у его ложа. Полог за вышедшей парой закрылся, а взамен впустил резкое дыхание Ваю, заставившее затрепетать языки пламени.

Глава 9.

Маленький караван медленно ехал по цветущему взгорью. Четыре крытых повозки и три десятка всадников - почти все опытные воины в самом расцвете лет. Большинство смуглокожих жилистых анариев, но были и светлые арии, и даже один молодой чернокожий дас. Все воины были сильно оружены, все хладнокровны и молчаливы. Лениво оглядывали они окружающие холмы, крутобокие валуны, низкую поросль кустарника, редкие раскидистые деревца с сочными плодами.

Спокойный жаркий полдень стоял вокруг, умиротворяя все окружающее. Редкие, маленькие, надутые как куски пшеничного теста облачка проплывали по бирюзовому небосклону, но не могли подступиться к жаркому Сурье. Ветер-Ваю давно уже не появлялся, видимо ожидая ночного своего друга - луну-Сому. Потому всадники, даже в нетяжелой кожаной броне, изрядно

потели.

Воины давно уже привыкли к подобным лишениям - жара была лишь малым из них. Та стезя, что выбрали они своим трудом заставляла проявлять терпение, вести беспокойную жизнь вдали от дома и принимать вероятность вполне возможной скорой встречи с богом смерти - Ямой. Благо, что платил торговец Шитра достаточно.

У каждого из воинов охранной дружины была своя история попадания в ряды наемников, но не все хотели рассказывать о ней кому бы то ни было. Излишне болтая, можно было нарваться на неприятности. Однако молодой дас охотно делился своей с плотным смуглолицым анарием пожилых лет пристроившимся во второй с главы каравана телеге прямо возле юного возницы.

Спустились с горы белые ари и напали, - голос его был низким. Ехал дас на вороном, под стать цвету его кожи, но немолодом скакуне. Конь понуро и медленно плелся рядом с неспешно едущей повозкой, изредка хватая попавшуюся по пути траву, и казалось чутко прислушивался к мерному поскрипыванию деревянных колёс.

Поубивали всех моих родичей, забрали все добро, - говорил дас на анарийском диалекте, изредка коверкая слова. - А старшина говорит, заберем мол чёрное дитя на потеху благородным, пусть подивятся, и забрали меня. Но я был совсем мал и еле выжил в горах, в пути в Арию. Немного выздоровел и отдали меня торговцу в Оостр за три локтя ситца. Но в дороге ограбили караван, а я сбежал. Дошёл в Оостр. Нашёл на рынке даса-торговца и взял он меня помогать. Потом одна из визиревых жен сказала, что он обманул ее и казнили торговца. А визирь забрал дом. Услышал на рынке, что Шитра честный торговец, потому и пришел к тебе.

Шитра поскреб широкий мясистый подбородок сквозь короткую седеющую бороду и хмыкнул.

Чудная история, Ньяма, - ухмыльнулся он. - Уж в Оостре каких только историй не наслушаешься, но и твоя то интересна.

Торговец на мгновение задумался, взгляд его затуманился и застыл на крупе рыжей лошади, запряженной в повозку. Вокруг в траве поскрипывали и пощелкивали многочисленные насекомые, а немалая армия пернатой живности охотилась на них, кто по одиночке, а кто и стайками и нисколько не пугались разнообразные птицы медленно бредущего, маленького каравана.

А я то побывал в твоей стране дасьей в юных летах, - задумчиво произнёс Шитра, чуть погодя. - Видишь, остался без руки, да выходил меня ведун наш. И Варуна не отдал Яме.

Торговец досадливо дернул правым плечом с короткой

культей, прикрытой дорогой мягкой тканью рубахи.

Потому левой научился сражаться, да еще и лучше, говорят, - Шитра взглянул на даса. - Видел я ваши джунгли и реку Ган тоже, ох и широка она.

Да, Ган широкий, - кивнул чернокожий юноша. - Но я плохо помню его. Ган - священная река! Она даёт силы моему роду и бережет нас. Потому ари никогда не победить мой род!

Так уж ли бережет? Уж сколько лет жгут ваши деревни! - усомнился Шитра.

Можно убить немногих, но всех - нет, придет время и придётся ари держать ответ за все! - молодой дас нахмурился.

А вот это будет хорошо для меня. Ариям станет нужно больше оружия и хорошо заплатят за него, - торговец довольно заулыбался. - Если скажешь мне, когда это будет - подарю тебе коня, на котором сидишь.

Молодой дас взглянул на пожилого жеребца под собой и задумался.

Я буду спрашивать в Оостре у моих родичей, они знают и скажут мне, но позволь просить тебя, - голос Ньямы приобрёл вкрадчивый оттенок, а взгляд метнулся на третью повозку. - Позволь вместо коня просить тебя девочку.

Умеешь торговаться, - чуть улыбнулся Шитра. - Но твоя информация не стоит столько сколько стоит эта девочка. Глаз то твой наметан - вижу! За эту девочку немало отвалят на базаре, может даже кто из визиревых купит ее в гарем, если Великий Ахура будет благосклонен ко мне!

Ну конь тоже хороший, - согласился Ньяма с некоторым сожалением и, снова взглянув на третью повозку, на некоторое время примолк.

Русоволосую девушку сильно трясло. Деревянные колеса скрипели и подпрыгивали на каждом ухабе и хотя опытный передний возница всегда ехал по уже знакомому ему ровному маршруту, но мелких препятствий все равно было немало. Пленницу уложили на груду качественно выделанных шкур, также внутри стояли несколько пузатых запечатанных бочек, пахнущих рыбой - они были прикреплены к бортам телеги, и один невзрачный продолговатый сундук, обитый витиеватой сталью.

Хини чутко прислушивалась к разговору. И хотя большинство слов она не понимала, все же часто в речи проскальзывали знакомые ей и можно было примерно догадаться, о чем говорят анарии. Из-за грубого полога, натянутого на повозку, внутри царил полумрак и духота. Впереди возле возницы было небольшое отверстие для того, чтоб воздух попадал внутрь, но этого все равно было недостаточно и Хини сильно потела. Ее

светлое платье липло к телу в некоторых местах и потому стесняло движения, хотя двигаться ей было некуда. Задний полог повозки был приоткрыт для создания сквозняка, но ветра почти не было.

Зато девушка отлично видела двух наемников, едущих за ее телегой. Вернее их крепких боевых коней. Но и сами темнолицые воины изредка заглядывали внутрь и с ухмылками оглядывали стройную девичью фигуру. Хини презрительно отворачивалась в ответ.

Из разговора чернокожего даса с торговцем Шитрой девушка поняла, что везут ее в Оостр, в саму Анарию и это сильно опечалило ее. Потому что этот пугающий город был очень далеко от ее родных мест, далеко от ее любимой матушки, что осталась пленницей в стане Мартана, далеко от места упокоения ее отца, павшего во время ночного набега. И совсем неизвестно было, что случилось с Ахани. Последнее, что она видела, как лежит он на холмике еле живой, а рядом стоит Мартан с мечом в руке. Дальше все происходящее скрылось за боком холма и как не пыталась она выспросить у злючих мартановских воинов о судьбе друга - те лишь пожимали плечами.

Потому она взывала мысленно к богам, а иногда и тихим шепотом читала стихи Вед, и уделяла мольбам почти все время. Она просила Индру, Дьяуса, Притхиви, Сурью, Сому, Агни, Варуну, Ваю и Рудру помочь Ахани быть живым и не отдать его Яме - богу смерти. Хини со злостью вспоминала злую Анхру, что оскорбилась на невинное ругательство маленькой Савитри - сестренки Ахани, и хотела уже ударить девочку, но Хини вмешалась и оттолкнула руку мартановой сестры. Наказание за этот поступок превзошел все ожидания девушки - она была готова на любое, но не разлучать ее с родными. Теперь же неизвестно, увидит ли она когда-нибудь любимую матушку и милого Ахани.

Изредка Хини откупоривала бурдюк с теплой водой и аккуратно отпивала оттуда, ценя каждую каплю, потому что горло пересыхало от жары и молитв. Затем снова садилась на колени, складывала сжатые кулаки между колен, закрывала глаза и, склонив голову, негромко продолжала читать Веды, заученные ею еще с малых лет.

Так прошел день, а вечером, когда Сурья скрылся за краем земли, возницы поставили свои повозки в круг. Все воины спешились и собрались возле большого костра в центре стана, многие расселись прямо на траву в ожидании, пока седовласый старик сготовит им мясо коня, которое он пристроил над огнем.

Приятный аппетитный запах донесся до ноздрей Хини, но она твердо решила ничего не есть сегодня. Пища утяжелит ее

думы и ноги, а это сильно помешает тому, что она задумала. Осталось дождаться, пока наемники накушаются и уснут, а дальше ночная темнота и покровительство мудрой Притхиви-матери земли скроют девушку.

Хини по очереди всматривалась в открытые оконца повозки, чтобы понять где она. Местность была незнакомой. Караван встал прямо посреди большого луга. Сурья ушел за дальнюю гору, а значит девушке надо было в противоположную. Но если анарии хватятся и погонятся за ней, то тоже поскачут туда же, потому бежать надо было либо на север, где вдалеке поблескивала волнами небольшая река, либо на юг в сторону маленькой рощи.

Хини выбрала рощу. Ей оставалось только ждать и молиться Притхиви, Соме и Варуне, чтобы боги поддержали ее и не дали врагам обнаружить девушку.

Негромкие поначалу голоса возле полыхающего костра со временем стали громче. Прибавились частые смешки, речи стали быстрее и непонятнее для Хини. Выглянув в окошко, она увидала в руках наемников несколько бурдюков, которые они передавали друг другу, ожидая мяса. Видимо жидкость в этих бурдюках и развязала языки анариям. В ее родном селении так же старшие мужчины выпивали иногда сому, но пили они совсем по чуть-чуть и не вели себя так развязно.

Вокруг стана опустилась тьма, на небосвод выплыл Сома, внутри же круга из составленных повозок было светло. Сильный пламень окрашивал борта телег ярко-оранжевым теплым светом.

Вскоре полог девичьей повозки зашуршал и Хини, тут же отпрыгнув от окошка, уселась обратно на шкуры. В открывшемся проеме показался покачивающийся чернокожий парень. Для наемника был он очень молод, не в пример остальным опытным воинам. В руке он держал кусок жареной конины и с широкой улыбкой протянул его девушке. Хини не шелохнулась, смерив даса презрительным взглядом. Тогда парень заулыбался еще шире, обнажив крепкие белые зубы и бросил мясо перед девушкой.

Хини взглянула на дымящийся, вкусно пахнущий кусок перед собой, потом на даса и молча отвернула голову. Дас расхохотался и прикрыл полог. Вернувшись к костру, он весело сказал о чем то на анарском. Послышался хохот и Хини решила, что обсуждают ее гордость.

Но дело было вовсе не в своенравии девушки, а в ее расчетливости, ведь ей предстоял долгий пеший путь, а потому припасы могли понадобиться. Подумав так, Хини спрятала кусочек мяса в маленькую дырявую суму, что завалялась в углу

повозки и, улегшись на свое меховое ложе, принялась ждать, смежив веки. Губы ее почти беззвучно шевелились, в сотый раз повторяя мольбы к благодетельной Притхиви.

Время шло, Сома в небе разгорался все ярче, но был уже не так округл и доволен, как несколько ночей назад. Разговоры и раскаты хохота у костра становились все тише. Выглянув в щелку полога, Хини увидала, что большинство анариев уже спали вповалку прямо на траве, некоторые подложили под головы сложенные шкуры, служившие до этого попонами для коней либо холщовые дорожные мешки. Рядом с наемниками поблескивало разнообразное оружие, дремавшее с хозяевами. Не спал лишь чернокожий дас и еще один взрослый анариец - они беседовали короткими неразборчивыми фразами, сидя рядом на траве и часто пожимая руки друг другу. Наконец старший воин, покачиваясь, сидя на земле, потихоньку завалился спать и молодой дас остался в одиночестве.

Чернокожий вглядывался в затухающий огонь перед собой почти немигающим взором, иногда икая и покачиваясь, видимо перебрав пьянящего напитка. Хини решила, что медлить больше нельзя - вряд ли опьяненный дас представляет какую то опасность. Она накинула на плечи самую темную из шкур, чтобы скрыть свое светлое платье. Затем, стараясь не шуметь и двигаться медленнее, чтобы не выдать себя скрипом деревянного настила повозки, пробралась к заднему пологу и осторожно выглянула. Убедившись что ее никто не видит, быстро перегнулась через борт и растянулась на теплой шуршащей траве. Свобода встретила ее свежим прохладным воздухом и смешливым покалыванием кончиков травинок.

Дальше надо было двигаться быстрее, чтобы к появлению Сурьи быть как можно дальше от анарьего стана, когда наемники хватятся ее и будут искать. Хини поползла как можно тише, стараясь не поднимать головы и не выставлять высоко свою округлую попу при движении, благо что трава была довольно высокой.

Оказавшись в нескольких шагах от повозки, бывшей для нее неволей, девушка разглядела еще одного наемника поставленного охранять покой стана. Сильный анарий сидел на камне, положив ятаган на колени. Изредка он поднимал голову к небу и широко зевал. Затем тряс головой и снова смотрел на стан и борта повозки - видимо благая Притхиви помогла девушке и момент побега остался незамеченным чужим воином.

Скоро появился все тот же чернокожий парень. Он покачиваясь подошел к охранному анарию и произнес несколько слов, тот хмыкнул, пожав плечами, затем встал с камня и

направился к костру. На охранении остался дас.

Хини изменила направление и медленно поползла, огибая его. Через короткое время она позволила себе поднять голову и оглянуться. Девушка видела, как чернокожий встал с камня и направился к ее повозке. Страх обуял Хини. Поняв, что сейчас он обнаружит пропажу пленницы и перебудит всех воинов, она уже не стала таиться. Вскочив на ноги, она пригибаясь, но стараясь бежать как можно быстрее, помчалась к темнеющей рощице. Длинные волосы Хини развевались по ветру, а маленькая сума с мясом била по бедру при каждом шаге. Девушка надеялась, что кусочек не выпадет в прореху. Дыхание ее стало быстрым и частым и сердце колотилось в груди очень быстро, встревоженное сильной неясной тревогой.

Вскоре позади себя Хини услышала топот и шорохи сыплющихся под тяжелыми подошвами камней. Оглянувшись, она увидела молодого даса, бегущего за ней. Чернокожий был невероятно быстрым, а ее длинное платье мешало бегу, потому девушка, на миг остановившись, закатала подол до середины бедра. Бежать стало значительно легче и она даже подумала, что могла бы гораздо быстрее добраться до рощи и скрыться там в ее темени, благо что глупый дас не свистел и не кричал, видимо решив сам догнать девушку и забрать всю славу себе.

Длинные белые бедра Хини быстро взметались по очереди, прохладная трава игриво скользила по худым щиколоткам и спасительная роща была уже совсем близко. Лик Сомы спрятался за тучкой и девушка заулыбалась - ей нравилась эта переполнившая грудь свобода и полет быстрого бега, ветер в ушах и нахлынувший полумрак. Оглянувшись, она увидела чернокожего преследователя гораздо ближе к себе и в следующее мгновение нога ее зацепилась за выступающий корень.

Хини кубарем покатилась по земле и больно стукнулась лбом о ствол первого дерева рощи. Настолько сильно, что даже на мгновение потеряла сознание, а очнулась от того что кто то тяжелый уселся на ее поясницу и заломил руки за спину. Мужская рука отбросила волосы с лица и она почувствовала жаркое, плохо пахнущее дыхание возле уха.

Дас быстро говорил что то на непонятном анарийском языке, слова были невнятными, Хини уловила только "дружба, девочка, хороший, жена", а затем почувствовала прикосновение между бедер. Она в ярости зарычала и задергалась, но мускулистый дас навалился локтем на ее шею и голова ее закружилась, перестало хватать воздуха. Затем она услышала шорох платья и ягодицам стало прохладно. Хини поняла, что чернокожий смотрит туда и тут же почувствовала его ладонь.

Теперь уже она закричала от страха и ужас придал ей невероятной силы. Она задергалась, попыталась привстать и, даже освободившись на мгновение, смогла перевернуться на спину. Тяжело дыша, сквозь упавшие на лицо волосы девушка видела грустное лицо чернокожего парня. Он быстро говорил что то жалобным голосом и двумя руками прижимал ее запястья к земле.

Один мужчина, одна женщина, дружба, свадьба, - в потоке заискивающих слов разобрала Хини, пока дас наклонялся к ней. Затем она почувствовала теплое прикосновение губ чужого воина к своей щеке и ей тут же захотел вжаться в землю, чтобы матушка Притхиви приняла ее.

Отвращение и брезгливость заполнили разум Хини, заставили снова извиваться, сопротивляться и дергать ногами. Правое бедро сильно ткнулось между ног парня и он взвыл от боли. А в следующее мгновение, отпустив запястья девушки, сильно наотмашь ударил ее по левой щеке.

Голова Хини запрокинулась и зазвенело в ушах. Во рту она почувствовала непривычный и неприятный вкус. Черная трава перед глазами закачалась из стороны в сторону, силы оставили девушку.

Услышав шорох платья, возню и почувствовав прохладу теперь уже и на своем животе, Хини с трудом повернула голову. Дас грубо и торопливо дергал ее набедренную повязку, царапал низ живота ногтями, часто дыша и взгляд его был устремлен только туда, между ее ног.

Кинжал на поясе черного воина тускло блеснул рукоятью в свете Сомы и ладонь девушки обхватила его. Резко выдернув его из ножен, она тут же ткнула им в бок наемника, защищенный только кожаной курткой. Лезвие со скрипом по самую рукоятку погрузилось в него.

Дас закричал во все горло и снова сильно ударил Хини. Вращающийся небосвод перед ее взором заволокло багровым сумраком. Из последних сил девушка выбросила кулак с зажатым кинжалом вперед и вверх и услышала хрип и бульканье. На лицо брызнула теплая жидкость.

Затем она почувствовала облегчение на бедрах - дас завалился набок, упав в траву и сознание покинуло ее. Маленький кулачок девушки в бессилии рухнул на землю, пальцы разжались и влажный кинжал скатился в траву.

Мартан сидел на высоком вороном жеребце, одетый в простую холщовую рубаху и кожаные штаны. Конь был полон сил и рвался в бег. С нетерпением черные копыта стучали по земле,

длинный густой хвост бил по бокам, шея, грива поблескивала волнами.

Из-за края земли только-только выглянул Сурья и окрасил холмы, реку и десятки юрт бледно-желтым цветом. Первые редкие птицы, разбуженные голодом, носились над густой травой то взмывая в небо, то резко пикируя вниз, едва не погружаясь в желто-зеленую поросль в поисках пропитания. Они редко и коротко чирикали, встречая новый день, но все же стараясь не подлетать близко к сотням лошадей, которые собрались в огромный табун на берегу возле стана.

Будешь старшиной над станом, Вагва, пока не вернусь, - Мартан смотрел на пожилого воина сверху вниз, со спины жеребца, накрытого излюбленной серой шкурой волка. Позади него на коне лежали две тяжелые, связанные меж собой сумы и копье. - И мужайся, благородный! Если брат твой жив, то вернем его! Если же нет и боги не помогли ему, тогда привезем тело прощаться и хоронить.

Да, благородный царь, - Вагва хмурясь кивнул.

Займи воинов частоколом, пускай поставят вокруг стана - уж больно место хорошее, - распорядился Мартан и кулаки его сжали гриву коня. - Индра с нами!

С этими словами царь направил скакуна на юг и тот побежал легкой рысцой. Табун вслед за ним пришел в движение. Живая река из лошадей и сидящих на них воинов полилась тонкой струйкой по пять в ряд, а затем и больше, устремляясь за Мартаном.

Вагва отошёл в сторону, провожая взглядом войско. Земля вокруг слегка сотрясалась от топота сотен копыт и высоко поднялась пыль, заслоняя солнце. Многие воины были знакомы ему и в прощании поднимали правые ладони или кивали пожилому старшине. Раздавалось частое многоголосое ржание коней, стальное бряцание оружия, до слуха Вагвы долетали обрывки разговоров и редкие раскаты смеха. Воины в хорошем расположении духа покидали стан в предвкушении славной битвы.

Пять сотен всадников позвал за собой Мартан - две от рода старейшины Атара и три от рода Кухула. Сами же старейшины - не по летам бодрые воины, возглавили свои сотни и скакали сейчас сразу за царем, чуть поотстав. Их длинные седеющие бороды развевались по ветру. Одеты они были так же просто как царь.

А что большое селение у зендов? - хмуро спросил у Мартана старшина Кухул. Ехал он на коне гнедой масти и был высок и мускулист.

Нет, маленькое, - ответил царь. - Две сотни людей, из них половина воины.

А частокол как же? Есть ли он? - теперь уже задал вопросы Атар. Он был на белом коне и уже несколько располнел.

Да, - кинул Мартан. - Есть частокол и высок он.

Значит ломаем ворота, как и всегда? - предложил Атар. - Ворот то двое? Зайдем с обоих!

Доберемся, а там посмотрим, - царь чуть в раздражении дернул плечом и спутники его не осмелились больше подавать голосов, памятуя о силе и злобности Мартана. Каждый знал и помнил частые истории о том, как выходил из себя царь и рубил людей, чуть осмелившихся перечить ему.

Вскоре конь Мартана устал скакать рысью и перешел на быстрый шаг, царь не принуждал его ускоряться, видимо никуда не торопясь, а потому оба старейшины, да и все войско вслед за этим сбавили скорость. Весь светлый день сотни провели в пути, а к вечеру встали на отдых в большой низине. Вокруг трех главных юрт, спешно поставленных для царя и старшин, зажигались десятки костров для приготовления еды для воинов. Ночь надо было провести с полезным отдыхом для коней и их всадников, чтобы следующим днем бодрыми и свежими смести враждебное селение зендов, которое уже было совсем недалеко и там наверняка уже знали о приближении войска.

Поутру, с первыми лучами Сурьи, сотни снова двинулись в путь и через недолгое время, когда жаркий бог-солнце повис над головами всадников, достигли они вражеского селения, стоящего на берегу полноводной реки. Царь со старшинами поднялись на небольшой пригорок, чтобы хорошенько рассмотреть его и до этого отправили по десятку воинов обогнуть деревню с обеих сторон и проверить защитную городьбу и там.

Ворота закрыты и лучники над ними, - произнес царь, осматривая селение, прикрыв глаза ладонью от жарких лучей Сурьи. - Атар, ты со своими зайдешь со стороны реки. Мы с Кухулом отсюда. Отрядите по три десятка со щитами ломать ворота и сотню с луками, чтоб зенды высунуться не смели. Начнете в одно время, чтобы их воинов разделить. Сигналом будут наши стрелы с огнем. Индра с нами!

Индра с нами! - как эхо повторили старшины и спустились с пригорка отдавать приказы.

Вернулись дозорные десятки и коротко доложили своим старшинам. Две сотни воинов Атара разделившись примерно пополам отправились в обход селения по краям возделанных полей держась на расстоянии полета стрелы от защитной городьбы. Многие воины уже были оружены и одеты в толстые

кожаные куртки.

Когда последний из всадников Атара скрылся за частоколом селения зендов, Мартан подождал еще некоторое время, а затем подал знак Кухулу, не спускавшему с него глаз внизу пригорка. Старшина повернулся к своим воинам.

Вперед, благородные братья! Индра с нами! - зычно выкрикнул он и взмахнул ятаганом. Гнедой конь под ним зло заржал и загарцевал на месте.

Живая масса кухуловых всадников сорвалась с места и с топотом и пылью устремилась к деревне зендов. Всадники на скаку растягивали тетивы и выпускали стрелы, метясь чуть выше над городьбой с заостренными бревнами. Голубое небо над селением расчертили множество черных и дымных полос, воздух наполнился звуком гудения стрел, некоторые из которых были с горящими наконечниками.

Некоторые из защитников деревни пытались отвечать. На короткое мгновение они высовывались над городьбой по пояс, отпускали свои стрелы в сторону врага и тут же прятались обратно. Многим из них не повезло и стрелы кухуловых лучников вонзались в их тела, разворачивая и отбрасывая их вниз со стены. Некоторые из зендовых выстрелов также достигли целей и несколько всадников повалилось с лошадей, еще с десяток коней закружились на месте, ужаленные острыми стрелами в тела, сбрасывая воинов.

Не доскакав немного до охранной стены, кухуловы воины разворачивали коней и накладывали снова стрелы на тетивы. Они заставляли скакунов беспрестанно двигаться, снова и снова стреляя над частоколом, и неосторожные защитники селения падали один за другим. К закрытым воротам вслед за всадниками уже бежало три десятка пеших воинов. Прикрываясь небольшими щитами, они тащили с собой толстое бревно.

Добежав до частокола, воины с разбега ударили в створки ворот. Бревна задрожали от удара, но выстояли. Тогда отбежали кухуловы и с разбега ударили вновь. В поднятые щиты над их головами вонзились несколько стрел. Мартан движением бедер заставил коня сорваться с места и направил его к селению.

Таран снова и снова бил по воротам, пока они наконец не рухнули. В открытом проеме сразу завязалась бешеная рубка с яростными криками, потому что зенды встали сплошной стеной. К схватке устремились всадники, стреляя поверх голов в защитников, с остервенением пытающихся остановить кухуловых воинов и скоро сопротивление было сломлено. Пешие воины вошли в селение по телам, прикрываясь щитами, а вслед за ними внутрь потекла конная дружина. Оказываясь в деревне, всадники

разворачивались и почти в упор стреляли в зендов стоящих на стене - те с криками боли падали на землю, поливая ее кровью.

Некоторые из круглых юрт уже полыхали, заполняя воздух удушливым смрадом, черные столбы дыма поднимались в небо. Некоторые из кухуловых всадников не уступали дорогу скачущему царю, но тут же оглянувшись, испуганно отворачивали коней. Мартан был грозен. Его правый кулак сжимал длинный меч с золотой рукоятью, на тело была надета обычная черная кожаная куртка с нашитыми стальными пластинами, ноздри хищно вдыхали отравленый воздух, а взгляд был злобен и суров.

Бой уже переместился дальше от ворот. Нападавшие кухуловцы количеством теснили зендов, нещадно рубя их и кони шли по недвижимым телам. Защитников осталось всего то с десяток, но сдаваться и просить пощады они были не намерены. Все израненные, с мрачной злобой продолжали они отбиваться зазубренными ятаганами от наседавших пеших и конных воинов, отражая сыплющиеся на них удары клинков и отворачиваясь от копий, лишь только стрелы вонзались в их тела одна за другой, постепенно убивая и редя зендов.

Мартан обогнул затухающий бой и между полыхающих юрт устремился к центру деревни. Изредка ладонью он прикрывался от нестерпимого жара пляшущих языков пламени. Отовсюду уже начали доноситься злые женские вопли - кухуловцы добив защитников, занялись грабежом.

Оказавшись на маленькой центральной площади селения царь нашел кого искал. Хида стоял и ждал его. С мрачной улыбкой он держал ятаган у горла Шагвы, сидящего у его ног на вытоптанной земле. Куртка пожилого воина была разорвана и окровавлена, взгляд полуприкрытых глаз бродил из стороны в сторону, не останавливаясь ни на чем. Левой рукой Шагва опирался о землю, чтобы не упасть, а длинные седые волосы и борода были также окровавлены.

Что, молодой царь, дорог тебе твой старшина? - язык Хиды заплетался, голос был груб и язвителен.

Ну а если дорог - то что? - Мартан спрыгнул с коня и подошвы его сапог взметнули облачка черной сажи, уже начинающей оседать на землю и покрывать все вокруг.

Забирай своих воинов и уходи! - зло крикнул царь зендов. Отблески пламени плясали на его кольчуге и блестящем округлом лице.

И что ты будешь делать один с сотней женщин? - спросил Мартан и сделал шаг вперед. Брови его грозно сошлись и кулак поднял лезвие меча в сторону Хиды.

Рожать новых родичей! - расхохотался полный царь зендов и

задрожал всем телом. Лезвие ятагана запрыгало на плече сидящего в беспамятстве Шагвы.

В следующее мгновение смех его оборвался и Хида коротко вскрикнул. Неестественно выгнувшись всем телом, он с презрением уставился на окровавленное острие копья, которое с треском и хлюпаньем разорвало его кольчугу чуть ниже груди. С кончика упало несколько капель прямо на седые волосы Шагвы. Затем острие исчезло, царь зендов зашатался и медленно упал на бок. За его спиной, сжимая копье, стоял Атар, лицо его было весело и все измазано сажей и кровью.

Славная битва, царь! - выкрикнул он.

Непохоже это на битву, - тихо ответил Мартан и шагнул к пожилому старшине.

Ступни Ахани коснулись каменного пола и он тут же рухнул назад, потому что падать было высоко. Превозмогая острую боль в отбитых пятках, он поднял горящий факел и подполз к Нале. Дасья лежала на левом боку, опираясь на локоть и жалобно смотрела на ария.

Ахани, - чуть не плакала она.

Нала, тебе больно? Можешь встать? - юноша положил ладонь на волосы Налы и с жалостью взглянул на нее.

Больно, Ахани, - девушка попробовала приподняться, но ноги не слушались ее.

За спиной ария снова раздалось злое рычание, заставившее его резко обернуться. Вытянутый факел не смог разогнать темноту и осветить таинственного хищника. Тогда Ахани с трудом встал на ноги. Отбитая попа его саднила, как и пятки. Верный кинжал с шелестом покинул ножны. Юноша попробовал шагнуть вперед, размахивая факелом. Пламя с гудением осветило метнувшуюся желто-черную огромную кошку. Из темноты опять послышалось ее утробное рычание.

Тогда Ахани быстро отдал факел девушке, вытащил лук из колчана, наложил стрелу и выстрелил, метясь на звук. Ответом было яростное рычание и в следующее мгновение из сумрака взметнулось полосатое кошачье тело. Зверь выпрыгнул из темноты, широко расставив пушистые лапы с торчащими когтями, из его груди торчала стрела. Он намеревался подмять юношу телом, но Ахани, уже наученный опытом, встретил его выставленным острием кинжала, которое погрузилось в тело кошки. С воем она рухнула на пол и стала скрести по нему когтями, одновременно пытаясь достать человека, причинившего ей столько боли.

Но Ахани проворно отскочил от нее и вскоре кошка

затихла. Тогда он подошел к лежащей Нале, легко взял ее на руки и зашагал в противоположную от обитания зверя сторону. Дасья обвила его шею одной рукой, а второй держала факел, освещая путь.

Помещение закончилось широкой, ведущей вниз лестницей. Ахани с Налой на руках уверенно зашагал по ступеням, изредка все же посматривая себе под ноги, чтобы не споткнуться. Ступени были широкими и низкими, кое-где потресканными и покрытыми пылью. Юноша держался ближе к правой их стороне, потому что там была стена, слева же ступеньки обрывались в черную бездну, света факела не хватало, чтобы увидеть дно ее и куда ведет лестница.

Вскоре ноги Ахани начали уставать, но лестница все не кончалась. Затхлый воздух стал холоднее и дыхание людей превратилось в видимый пар.

Куда ведет эта лестница, Нала? - негромко спросил Ахани.

Лестница, Ахани? - непонимающе переспросила дасья.

Твои ноги сильно болят?

Болят, Ахани, - голос Налы был грустен. Полные губы ее надулись еще сильнее в жалостливой гримасе и в уголках глаз застыли блестящие слезы.

Наконец лестница закончилась ровным полом. Арий прошел немного вперед и остановился в недоумении. Факел осветил большой каменный постамент с прямоугольной глыбой льда. Лед был полупрозрачным, но все же внутри него было хорошо видно лежащего большого мужчину. Огромные кулаки его, сведенные на груди, сжимали рукоять длинного каменного меча. Одет он был в пятнистые шкуры и был похож на чернокожих дасов, охранявших вход в пирамиду, только гораздо выше и крупнее их.

Но рассмотреть как следует его не удалось, потому что за спиной Ахани раздался злой выкрик. Резко обернувшись, юноша встретился взглядом со вчерашним колдуном. Чернокожий старик был жутким. Полосатая шкура на его груди и животе была залита запекшейся кровью, но больше пугали его глаза, покрытые белой пеленой.

Уэстро, Ахани, эстр! - в страхе заплакала Нала на руках у Ахани. Юноша аккуратно опустил ее на пол к стене постамента.

Круло достр даса! - зловеще и громко выкрикнул старый колдун. Голова его неестественно поворачивалась из стороны в сторону, широкие ноздри шумно принюхивались к запахам - казалось он ничего не видел.

Ахани обнажил кинжал, но звук за спиной заставил его замереть. Лед на постаменте с треском покрылся глубокими

трещинами . Маленькие кусочки посыпались на пол и иней покрыл волосы сидящей Налы. Огромный дас внутри льда открыл глаза и они тоже были белы.

Глава 10.

Ноги Анхры ступали по голой скале. Гладкая, блестящая, иссиня-черная поверхность простиралась далеко-далеко, до самого края земли. Но девушка никогда не видела подобных мест, потому шла не быстро, задумчиво оглядываясь. На черном небосводе поблескивали звезды и две необычайно крупных луны - одна бледно-красного цвета, вторая - ярко-белая.

Иногда девушке приходилось переступать через глубокие трещины в каменной тверди - угловатые росчерки также уносились вдаль насколько хватало взгляда. Тело скалы во многих местах было изломано острыми, взметнувшимися вверх пиками. Казалось, горные вершины, словно молодая поросль, вырывались из недр, а над поверхностью их встречала острая безжалостная коса и срубала каменные побеги, засыпая подножия острыми глыбами.

Между глыб теплилась жизнь, плохо различимая в ало-серебряном свете, заливающем все вокруг. Крупные черные тела вяло передвигались между ними. Большие медведи бродили на четырех лапах, обнюхивая твердыню под собой, некоторые, замечая идущую стройную девушку, поднимали головы и провожали ее строго-спокойными взглядами.

Анхра шла осторожно и ноги ее двигались необычайно медленно, вздымая длинный подол бордового платья. Ей казалось, что она потеряла часть своего веса и если бы посильнее оттолкнулась от поверхности, то воспарила бы над странной местностью и неизвестно, смогла бы опуститься обратно - настолько легко она себя чувствовала.

Куда идет - девушка не знала, лишь чувствовала внутри себя плохо различимый зов, тонкий и скребущий грудь изнутри острыми коготками, словно маленькая крыса.

Скоро ноги завели ее сначала на крутой сужающийся подъем, который закончился небольшой ровной площадкой, прижатой к отвесной скале. Отсюда было отлично видно всю каменную равнину. Здесь же на краю спиной к Анхре сидел Манью.

Нашла меня, девочка? - произнес медведь, не поворачивая головы. Не понятно было вопрос это был или утверждение. Ветер трепал его короткую угольную шерсть, пробивающуюся между

черных доспехов.

Это твой мир? - негромко спросила Анхра. - Почему он такой мрачный?

Манью повернул голову к девушке, окинул ее взглядом, словно оценивая стоит ли доверять ей, и снова отвернулся.

Здесь побывал Ахура много веков назад, - глухо ответил он. - И была битва, он хотел уничтожить меня и мой народ, чтобы не отдавать власть над твоей землей. Много моих братьев полегло, а земля обратилась в камень.

Анхра осторожно подошла к громадному медведю и встала рядом на краю обрыва. Ветер играл с черными прядями ее волос.

Мне жаль твоих братьев и твой мир, - чуть подумав, произнесла она. - Но я хочу, чтобы ты оставил меня. Я хочу быть свободной! Не хочу быть твоей рабой!

Ты не раба! - голос Манью стал строг. - И ты получишь свободу, когда Ахура умрет от моей лапы!

Зачем? - воскликнула девушка. - Ты хочешь превратить мою землю в это?

Анхра с гневом махнула рукой, окидывая жестом всю каменную равнину.

Таков закон вселенной! - спокойно ответил медведь. - Ахура хочет нарушить его и не думает о последствиях, власть помутила его разум, обуяла гордыней.

Да что это за закон такой? - в ярости вскричала колдунья. - Кто его создал?

А ты еще не поняла? - Манью повернул голову и строго глянул на девушку.

В этот же момент Анхра открыла глаза. Увидела полог своей родной юрты и обеспокоенное лицо Каршвы на его фоне.

Ты кричала, благородная! - с укоризной сказал он.

Все хорошо, Каршва, - девушка сонно моргала веками. - Это просто дурной сон. Ступай спать.

Да, благородная, - юноша тут же исчез, а Анхра, закрыв глаза, провалилась в черное забытье без видений.

Длинные кудрявые волосы Налы засыпали кусочки льда. Негромко вскрикнув, она отползла от зловещего постамента, помогая себе руками - ноги так и не слушались ее. Огромный дас сел на своем ложе, сжимая каменный меч. Зрачки его были белы и смотрели только на колдуна. По его влажной коже стекали капельки растаявшего льда и на огромных мышцах играли отблески огня.

Пламя факела с жарким потрескиванием трепетало в руках дасьи, освещая небольшой круг вокруг нее. Из ее рта вырывались

клубы пара. Взгляд округлившихся от страха глаз она переводила со сгорбленного окровавленного колдуна на ожившего могучего воина ее племени. Между ними замер Ахани.

Арий, мгновенно оглянувшись, вскинул лук и с малого расстояния всадил стрелу в горло чернокожего воина. Тот пошатнулся. И остался сидеть недвижим, не проронив ни капли крови.

Ари! - вскричал тогда колдун, узловатым пальцем указывая на Ахани. Воин послушно встал, со скрипом распрямил застывшие конечности и шагнул к юноше. Взмах тяжелого меча со стоном рассек воздух, заставив парня отпрыгнуть во тьму.

Ари! - снова со злостью зарычал старик-дас, не опуская руки. Глаза его так же были белы, губы и подбородок покрыты запекшейся кровью.

Из темноты с шелестом вылетела арийская белооперенная стрела и воткнулась в правую глазницу воина. Голову даса развернуло от удара, но он устоял на ногах, не издав ни звука. Затем шагнул во тьму вслед за Ахани.

Нала осталась в кругу трепещущего света наедине со старым колдуном. Сидя на холодном каменном полу, покрытом инеем, она с тревогой всматривалась в сторону исчезнувшего в темноте друга. Левой рукой она опиралась о пол, правая сжимала факел. Пухлые губы ее слегка подрагивали от холода или волнения, но скоро, собравшись с духом, она, сдвинув изящные брови, глянула на колдуна.

Дасья поползла к нему, помогая себе левой рукой. Из темноты донесся свист каменного клинка и воинственный вскрик Ахани, резко прервавшийся. Нала издала короткий низкий рык, почти не разжимая губ, и продолжила упорно, склонив голову, преодолевать расстояние в пять шагов до стоящего старика. За ее волочащимися ногами оставался широкий влажный след подтаявшего инея.

Достигнув чернокожего колдуна, дасья ткнула горящим факелом в пятнистую шкуру на нем. Мех сразу с потрескиванием загорелся. Огонь устремился вверх, к голове старика, разгораясь все сильнее.

Старый дас закричал низким дребезжащим голосом, замахал руками, пытаясь затушить огонь, закружился на месте, когда эти попытки не помогли. Затем его обуяла паника, когда языки пламени стали особенно большими и уже подбирались к его голове с трещанием и гулом.

Старик, ковыляя, бросился бежать что было сил, вопя во все горло и на ходу пытаясь снять горящую шкуру. В этот момент из темноты вынырнул Ахани. Серая шкура на его груди была

распорота. Он поднял стройную дасью, забросил ее на правое плечо и быстрым шагом устремился прочь от лестницы, ведущей наверх, вглубь неизвестного помещения.

Ахани! - с улыбкой произнесла Нала, стараясь держать факел выше. Она была рада, что друг жив.

Юноша быстро двигался прямо между рядов одинаковых каменных постаментов. Двумя руками он обхватил бедра Налы, чтобы девушка не соскальзывала с плеча и слегка приподнимал ее, дабы облегчить ношу.

На каждом пройденном постаменте поблескивали одинаковые глыбы льда. И в каждой лежал человек. Лёд был мутным и белесым, но пара видела, что люди, вмерзшие туда, были разными. Были там арии, дасы, анарии и еще незнакомые Ахани роды, мужчины и женщины, лежали они в одинаковых позах, сжимая разнообразное оружие, все были высокие и сильные.

Ахани подумал, какую крепкий отряд можно было бы собрать, если оживить всех замерзших воинов, способный противостоять любой армии, жаль что проделывать это колдовство мог только чернокожий колдун. Напавший на него дас был очень могучим и неуязвимым, вот только что медлительным, хотя и умудрился в темноте рассечь накидку Ахани.

Сам же юноша довольно легко обогнул его и вернулся за Налой. Теперь дасья левой рукой опиралась о пояс Ахани и старалась выше поднимать голову, чтобы видеть пространство за спиной парня и предупредить его о возможной опасности. Но вокруг было тихо. Тишину нарушало лишь тяжёлое дыхание запыхавшегося Ахани и потрескивание пламени факела, который Нала держала в правой руке. Вопли горящего колдуна давно стихли. Восставший черный воин сгинул во тьме.

Ахани сбился со счета, какой десяток замороженных людей оставили они позади, но вскоре погребальный зал закончился узким коридором, точно таким же, как и все проходы в этой пирамиде. Отличием было лишь то, что пол коридора очень плавно поднимался по мере движения.

Подъем занял долгое время. Ахани с трудом переставлял ноги, когда впереди забрезжил свет Сурьи. Увиденные им лучи слегка придали сил. Последние шаги до выхода юноша преодолел пошатываясь и обливаясь потом. Оказавшись снаружи, он усадил Налу в сугроб и сам рухнул рядом, тяжело дыша.

Дасья прикрыла глаза ладонью от яркого света, осматривая местность. Они оказались на склоне горы, покрытом белоснежным настом. Солнце стояло высоко на чистом небосводе и не грело. Край земли закрывали высокие холмы, также

покрытые снегом. Справа и слева высились седые горные пики. Впереди расстилалось широкое снежное поле слегка наклоненное вниз.

Нала перевела взгляд на Ахани и тихо ахнула. Юноша полулежал в снегу, прикрыв глаза. Изо рта его вырывался тёплый пар, волчья накидка на груди была распорота и окровавлена.

Дасья метнулась к нему и осторожно осмотрела рану сквозь прореху.

Все хорошо, Нала, - пробормотал юноша. - Мертвяк зацепил слегка - заживет.

Хорошо, Ахани, - девушка недоверчиво покачала головой. Она немного отстранилась, но пальцы ее все не закрывали края распоротой накидки и кончики их испачкались алым. Приподняв одежду парня, девушка снова покачала головой. Его впалый живот был весь в крови.

Удр остр ала, Ахани, - жалобным голосом произнесла она.

Что? - юноша поднял голову и открыл глаза, дыхание его стало размеренным. - Я не понимаю, Нала.

Ала, ала, Ахани! - дасья торопливо ерзала на снегу, правой рукой указывая в сторону расстилавшегося снежного поля.

Покажи, что ты хочешь! - арий непонимающе следил за движениями девушки.

Нала изобразила ходьбу движущимися пальцами, тряся ими перед лицом друга. Затем замахала руками, изображая купание и снова указала в сторону снежного спуска.

Идти, плавать, - озадаченно протянул Ахани. - Нала? Где здесь плавать? Тут только снег и горы.

Плавать, плавать! - не унималась дасья.

Я уже почти отдохнул, Нала, - юноша потянулся к мешку с фруктами. - Сейчас поедим и пойдем.

Они наскоро перекусили желтыми плодами, которые Нала называла гаса. Ахани не отводил взгляда от черного провала, из которого они вышли. Он уже ожидал чего угодно. Что старый колдун мог снова ожить и добраться до них или растаявший мертвяк с белыми глазами найти их по запаху. Но выход из пирамиды был тих. Ни звука, ни шороха, ни движения. Только густой черный мрак в теле высокой серой скалы.

Наевшись, юноша взял дасью на руки. Нала обвила его шею руками и зарылась носом в его волосы. Так, чувствуя на шее горячее девичье дыхание, Ахани зашагал по снежному полю. Сапоги его слегка проваливались при каждом шаге. Цепочка следов вилась за ними. Сурья заливал горы ярким светом, отражающимся от снега, заставляя щурить глаза.

Ахани все шел вниз и руки его тяжелели, хотя Нала и была

худой. Ноги начинали подрагивать. Юноша чувствовал, как мир его сужается до покачивающегося снега под ногами. Он слышал только его хруст и свое дыхание. Сердце гулко стучало в висках, к горлу подкатывала тошнота.

Плавать, Ахани! - из полузабытья вывел возглас Налы. Юноша поднял тяжелую голову и взглядом проследил, куда указывала рукой дасья.

Снежное поле впереди все так же полого опускалось, но справа стал виден резкий обрыв, а за ним, у самого подножия соседней горы блестело маленькое чёрное озеро. Оно было овальной формы и со всех сторон окружено сугробами и редкими маленькими елями.

Ахани не верил своим глазам. Хотя водоем был еще далеко, но видно было что на нём не было льда. Как удавалось воде не замерзнуть высоко в горах, оставалось непонятным.

Плавать, Ахани, - спокойно повторила Нала. Правой рукой она нетерпеливо махнула в сторону озера, левая ладонь ее мягко гладила щеку и волосы юноши.

И Ахани изменил направление. Зашагал к озеру, стиснув зубы и с трудом поднимая отяжелевшие колени. Через короткое время он устало осел на снег, тяжело дыша, и осторожно опустил девушку.

Отдохну немного и пойдем, - пробормотал он.

Нала терпеливо ждала, с жалостью глядя на друга. Ей и самой было не лучше. И хотя боли она не чувствовала, но ноги так и не слушались, а еще дикая слабость кружила голову. Изредка казалось, что сознание покинет ее. И тошнота не проходила, не было никакого аппетита.

Трясущимися руками дасья развязала тесемки сумы Ахани. Достала два плода и заставила друга поесть. Сын ночи - Ашвин появился на небосводе, предвещая наступление матери, когда они снова двинулись в путь.

Чудное озеро было уже близко. Вкусные фрукты гаса придали сил арию и довольно скоро пара оказалась на снежном берегу меж колючих деревьев. От воды поднимался пар и была она черного цвета. В центре озера изредка лопались пузыри, оглашая округу звонким "бульк". Снежный наст по краям водоема подтаял и выглядел прозрачно-ломким.

В наступивших вечерних сумерках, когда светило наполовину скрылось за седым телом соседней горы, Ахани осторожно опустил Налу на снег и встряхнул уставшими руками. Затем подошёл к воде по хрустящему под ногами льду. Присел и коснулся ее кончиками пальцев.

Вода была тёплой. Теплее, чем сам Ахани. И даже теплее,

чем его родная речка, возле погибшей деревни.

Плавать, Ахани, - Нала слабо улыбалась, глядя на удивленного юношу.

Она тёплая, Нала! - голос парня был также уставшим. Перед глазами летали искры и снежный покров раскачивался из стороны в сторону. Слова дасьи будто бы долетали издалека.

Боль в рассеченной груди стала тупой и пульсирующей. Пересиливая ее, Ахани опустился на колени, осторожно освободил Налу от укутывающих шкур, недолго воюя с затягивающими тесемками. Дасья не сводила глаз с друга, надеясь встретиться с ним взглядом, но юноша бесцельно рассматривал густую шерсть ее одеяния, а затем и обнаженную темную кожу. Протянув руку, она коснулась щеки юноши, но он не отреагировал и на это.

Ахани быстро сбросил свою одежду и, слегка приподняв Налу, опустил ее в воду. Сам последовал за ней, сел на каменное дно, погрузившись по пояс. Почти сразу глаза его закрылись. Юноша обмяк, откинувшись на ледяной выступ берега, голова его запрокинулась. Нала прильнула к груди друга, слушая его сердце. Ладонью гладила его по впалому животу, с тревогой всматриваясь в измученное лицо.

Но усталость брала свое и глаза девушки открывались все реже. Теплый влажный туман поднимающийся от воды дурманил разум, вытесняя мысли и желания, наполняя сознание одной лишь черной мглой. После долгих холодных дней пути по снежным высокогорьям, девушка очутилась наверху блаженства, нежась в слегка горячей воде. Боль ее отступила и пришел сон.

С наступлением ночи туман загустел и приобрел молочный оттенок. Мелкая рябь от поднимающихся со дна озера и лопающихся на поверхности воды пузырей расходилась к берегам, мягко омывая животы пары. Вынырнувший из-за тела горы полумесяц яркими лучами пронизал густую дымку и окрасил ее в серебряный цвет.

Скоро булькающую тишину над озером прорезало хлопанье крыльев. Большая тень закружилась над туманом, закрывая собой звезды. Невиданное животное с телом коня и головой и крыльями орла медленно опустилось на берег. Тяжелые черные копыта впились в лед, пошедший трещинами. Хруст раскатился эхом от склонов соседних скал. Рядом стоящие ели избавились от снега. Он с шорохом лавиной рухнул с ветвей близ места приземления под порывами холодного ветра из-под сильных крыльев.

Будь Ахани в сознании, то признал бы в чудном летающем скакуне гандхарва - еще один персонаж из детских сказок матушки. Но вот он вполне не сказочный, в последний раз

хлопнул широкими крылами и сложил их к округлым черным бокам. Крючковатый клюв существа издал негромкий скрипучий крик. Длинная шея, покрытая серыми перьями, склонилась к воде, открывая всадника.

Мужчина, сидящий на спине гандхарва, был молод и совсем недавно начал отращивать бороду. Была она светла, как и его лицо. Короткий белый хитон его, доходящий до середины бедра и перетянутый красным поясом, накрывал черный плащ, на голове поблескивал маленький островерхий шлем. На поясе короткий меч в ножнах.

Урваши! - негромко позвал всадник мелодичным голосом. Взгляд его напряженно рыскал по клубящемуся серебристому мареву. - Покажись! Не бойся меня!

В ответ в центре озера лопнул очередной поднявшийся пузырь и звук влажного шлепка гулко отразился от близлежащих скал. Гандхарв невозмутимо лакал воду, разинув клюв, источая теплый пар. Лунный свет скользил по блестящему оперению. Мужчина на его спине беспокойно ерзал. Красивое лицо исказило боль и страдание.

Урваши! - снова жалобно позвал он. - Ты слышишь - я знаю! Покажись мне, молю!

Туман хранил хладнокровную тишину. Спокойной воде и прозрачному льду по берегам не было дела до человеческих мучений. Тогда всадник сунул руку за пазуху и достал свирель. Приложил ее к губам и пальцы забегали по пяти отверстиям в ивовом дереве. Над водой полилась красивая и спокойная мелодия.

Пронзительные звуки будто скользили по мягким волнам. Становились то выше, то ниже, кружились в водовороте и взметались вверх в фонтане, распадались на мелкие капли и опадали, звеня. Еле слышные и мало заметные, прыгали по мелкой ряби воды, чтобы снова набраться сил и слиться во властную мелодию, увлекающую за собой. Зовущую и удивительно прекрасную.

Туман в центре озера медленно рассеивался. В нем проступило очертание девичьей фигуры. Изящная тень двигалась в такт плавной мелодии. Кружилась и раскачивалась из стороны в сторону. Худые руки порхали, разрезая дымку и увлекая за собой бледно-молочные струи.

Стройные длинные ноги танцовщицы едва касались водной глади кончиками пальцев. От легких прикосновений расходились круги. В танце она неспешно приближалась к играющему всаднику и скоро стала хорошо видна ему.

Ее густые черные волосы спускались почти что до пояса.

Грудь и лоно были прикрыты бусами из множества разноцветных самоцветов. На ногах короткие шаровары из полупрозрачной ткани. На запястьях и щиколотках изящные серебряные браслеты, издающие мелодичный тихий звон. Огромные глаза с ярко-зелеными зрачками чуть прикрыты, словно в забытье чарующих звуков и плавных движений.

Всадник на гандхарве, не переставая играть, наблюдал за девушкой и глаза его блестели, наполняясь слезами. Чем ближе она приближалась, тем пронзительней становились звуки свирели, тем чаще вздыхал мужчина и пальцы его двигались все реже, словно он забывал о мелодии.

Туман расступался перед танцовщицей и когда она оказалась прямо у замершего гандхарва, мелодия смолкла, оборвавшись. Мужчина тяжело дышал, расширившимися глазами, с восхищением глядя на девушку, а она остановилась, с улыбкой глядя в черные птичьи глаза. Маленькие колокольчики в браслетах притихли.

Животное издало тихий клокочущий звук и девушка протянула руку к нему. Ее ладонь скользнула по жёстким перьям.

Ты нашёл мою слабость, - нежно и мелодично произнесла девушка.

Я готов на все чтобы видеть тебя, Урваши! - голос всадника слегка подрагивал. - Все апсары любят музыку и это не секрет! Я же готов играть для тебя вечно!

Слова твои пусты, - девушка с грустной улыбкой покачала головой. - Ты сын бога и привык, что все твои желания исполняются. Я же скажу тебе нет! Это моё озеро! Уходи!

Мужчина задрожал от возмущения и волнения, а Урваши снова спокойно погладила гандхарва над клювом.

Разве родителей выбирают? - воскликнул мужчина. - Прошу, стань моей женой! Я люблю тебя!

Какую судьбу ты предлагаешь? - апсара пытливо взглянула в глаза сыну бога. - Жить с тобой в небесных чертогах?

Да, - воодушевленно кивнул всадник. - Жить в неге и блаженстве, встречая танцами павших воинов!

Мой ответ - нет! - мелодичный голос стал строг. - Я выбираю свободу и моё озеро!

Тогда я останусь здесь! С тобой! Навсегда! - сын бога решительно нахмурился.

Урваши замолчала, ошеломленно глядя на всадника.

"В своем ли он уме?" - размышляла она, разглядывая красивое лицо мужчины, с правильными чертами, обрамленное светлой бородой. - "Кто в здравом уме откажется от небесных чертогов и выберет опасную земную долю, полную лишений?"

Ну хорошо, останься! - вслух произнесла она и протянула руку мужчине. - Как твое имя?

Навагва Ангирас, - представился мужчина и слез наземь. Ледяное крошево под его подошвами скрипуче захрустело.

Гандхарв наклонил голову к хозяину и издал короткое курлыканье, тоскливо глядя большими черными зрачками. Навагва погладил его по перьям и холке.

Лети домой! - негромко приказал он. Но животное не послушалось, лишь отступило на три шага, обиженно клокоча и ероша перья на затылке.

Сын бога отвернулся, коснулся протянутой девичьей ладони, сжал ее и ступил рядом с ней на водную гладь. Он часто дышал, не отводя взгляда от ее глаз и слегка улыбался.

Нава, надеюсь ты знаешь, как вести себя в гостях и соблюдать приличия? - с лукавой улыбкой спросила Урваши.

Да, благородная Урваши! - смущенный мужчина чуть склонил голову.

Пойдем, я покажу тебе нечто интересное! - девушка восторженно рассмеялась и увлекла Навагву за собой.

Скоро они остановились у спящей людской пары. Ахани и Нала мирно и глубоко сопели во власти глубокого сна, сидя по пояс в теплой воде. Голова девушки также покоилась на груди юноши. Он же откинулся на сугроб, покрытый коркой льда. Русые волосы припорошило серебристым инеем.

Вода затрепетала под нетерпеливыми шагами Урваши и маленькие волны с плеском устремились к берегу, слегка омывая людей.

Ну разве не чудно это? - Урваши улыбалась во весь рот, еле сдерживая смех. - Люди приходят ко мне очень редко, признаю, мне бывает скучно. Но эта пара, они просто пришли и уснули! Посмотри, какие они милые и измученные!

Девушка, отпустив руку мужчины, присела совсем близко к Ахани, рассматривая его худое обветренное лицо. Ее браслеты тихонько звякнули. Сама же она прижимала кулачок ко рту, сдерживая рвущийся смех. Наконец тихонько прыснула и рассмеялась.

Ахани слегка зашевелился, не просыпаясь, и Урваши отпрянула от него. Тихонько смеясь, она оглянулась к Навагве. Тот тихо погружался в воду.

Ах, прости! - спохватилась апсара и взяла ладонь полубога. Он сразу поднялся над водой. - Моя вода служит только мне! Но также и лечит. Она исцелит ноги девушки и рану парня, и придаст им сил, надо лишь немного времени! А пока рассвет еще не скоро, поиграй мне еще! Мне понравилась твоя музыка! А я

станцую для тебя!

С этими словами Урваши увлекла Навагву в туман.

Какая чудесная ночь! - донесся оттуда ее восторженный возглас и вскоре полилась красивая мелодия. Молочные струи клубились над водой, растекаясь по ледяным берегам, между редких густых елей.

Одинокие черные облака изредка проплывали по небосводу и закрывали собой яркий полумесяц, тогда их тени скользили по густой пелене над озером, ненадолго лишая ее серебристого свечения. Время, подгоняемое чарующей музыкой, неумолимо приближалось к рассвету и новому дню.

Первой с рассветом проснулась Нала. Дымка почти рассеялась, разогнанная розовым светом Сурьи. Чарующая музыку давно смолкла и пара молодых полубогов исчезла. В черной глади воды отразились окружающие озеро горы.

Девушка открыла глаза и подняла голову, с недоумением осматриваясь. Сознание, поглощенное долгим глубоким сном, возвращалось не сразу. Взгляд ее скользил по покрытым инеем маленьким елям, по огромным серым скалам с белыми пиками, взметнувшимся по обе стороны озёра и остановился на только выглянувшем жгуче-алом краешке солнца.

Наконец память вернулась и Нала резко посмотрела на спящего Ахани. Рана на его груди превратилась в еле заметный белый шрам, сам же он дышал глубоко и спокойно. Тогда опершись ладонями о грудь друга, юная дасья осторожно и медленно встала. Тёплая вода с журчанием стекала с ее темной кожи.

Пухлые губы растянулись в счастливой улыбке и ладони легли на подрагивающие худые бедра. Ноги были еще слабы, но все же она стояла.

Устр доло, Ахани! - засмеялась Нала.

Спящий юноша зашевелился. Звук веселого голоса разбудил Ахани и он поднял голову, с трудом разлепил веки. Взгляд его был мутен.

Устр доло, Ахани! - снова радостно повторила Нала и слегка подпрыгнула в воде.

Теплые брызги упали на лицо ария и он улыбнулся, еще не до конца придя в себя. Рябь пошла по воде от стройных ног дасьи. Сияя белозубой улыбкой, Нала рухнула на колени Ахани и обвила его шею руками. Счастливо коснулась кончика его носа своим и уставилась в глаза другу, широко распахнув свои темно-карие. Ее горячее влажное тело прильнуло к телу Ахани и в голове его помутилось. Ладони легли на темную гладкую кожу на талии дасьи и мурашки побежали по телу юноши, напряжение

скопилось в низу живота и глаза подернулись поволокой, еще не до конца оправившись ото сна.

Счастливое лицо Налы было совсем близко, запах ее волос будоражил кровь. Теплые ладони девушки скользнули по спине, голова опустилась на плечо, тело прижалось очень сильно, так что упругая грудь дасьи вдавилась в его. Дыхание Ахани перехватило.

Сознание встретило Хини болью. Еще даже не открыв глаза, она почувствовала ломоту в висках. Боль буравила голову изнутри, добавляя еще и частые пульсирующие толчки. Невольно вырвался стон и она приоткрыла правый глаз. Левый открываться не хотел. Во рту было сухо. Запястья ее в этот раз были связаны прочной веревкой, хорошо хоть спереди.

Очнулась, девочка? - голос торговца Шитры был низок и вкрадчив, и говорил он с легким акцентом. - Ох и напугала ты меня!

Старик сидел у левого борта повозки, плохо различимый в полумраке. Телега тряслась и поскрипывала в движении. Через окошко и откинутый полог видно было что наступали сумерки.

Волна досады и обиды затопила разум Хини. И снова в груди ее родился стон. Ее побег не удался. Будь проклят дас, что напал на нее! Ведь свобода была уже так близка!

Голубой глаз девушки наполнился соленой влагой и слеза скатилась по худой щеке.

Ну-ну, не печалься так! - обеспокоенно сказал Шитра. - На вот, попей воды!

Он протянул девушке прохладный, булькающий бурдюк. Хини с жадностью принялась пить, поперхнулась, закашлялась. Попыталась отдышаться.

Теперь сам буду за тобой смотреть! Ни на кого надежи нет! - торговец покачал головой. - И как угораздило меня прохлопать твой побег, да еще и даса того, будь он неладен! Здорово ты ему! Обучал кто?

Хини молчала. Ее обучал отец, совсем давно и совсем немного. Учил владеть кинжалом и стрелять из лука. Конечно же он не рассчитывал, что любимой дочке понадобится такая наука, но самую малость ведь надо знать, вдруг и пригодится когда. Но этому старому анарию знать о том не стоило и потому девушка не проронила ни слова.

Ну не хочешь - не говори, - сказал Шитра. - Даса мы там и оставили. Хорошо хоть услышали крики. Чуть не ушла ведь! Это ж сколько я золота потерял бы, уберег Ахура, будь он благословен! Заживет твое личико, покуда до Оостра дойдем, а

там и пристрою тебя в хороший дом! Уж там к тебе хорошо будут относиться! В неге и роскоши жить будешь! Только не своевольничай больше, лады?

Торговец снова не дождался ответа и сокрушенно покачал головой.

Вот дуреха ты мелкая! Не понимаешь счастья своего! Ведь будешь под охраной жить и беды не знать! Народишь дитяток господину и будут они радовать тебя! Благодарить еще будешь старого Шитру! Ай да что я распинаюсь!

Есть у меня мазь целебная, сейчас помажем твое личико красивое и быстро все заживет, не кручинься! - торговец в два шага сел рядом с девушкой.

Хини почувствовала прохладное прикосновение к левой щеке. Сначала немного обожгла боль, но почти сразу утихла.

Повозка все также тряслась, раскачивалась и поскрипывала. В оконце врывался прохладный, вечерний ветер. Ветер чужой страны.

.